

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН**

КОМИТЕТ НАУКИ

**ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ, ПОЛИТОЛОГИИ
И РЕЛИГИОВЕДЕНИЯ**

**ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҰЛТТЫҚ ҚҰРЫЛЫС
ЖӘНЕ ЭТНОСАЯСАТ**

**халықаралық ғылыми-практикалық
конференцияның материалдар жинағы**

**НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
И ЭТНОПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ**

**сборник материалов международной
научно-практической конференции**

Алматы, 2020

УДК 323/324 (574)
ББК 66.3 (5 Каз)
Н 35

*Рекомендовано Ученым советом Института философии,
политологии и религиоведения КН МОН РК*

Н 35 Национальное строительство и этнополитика в современном Казахстане: Сборник материалов международной научно-практической конференции. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. – 282 с.

ISBN – 978-601-304-117-9

Книга представляет собой сборник материалов международной научно-практической конференции «Национальное строительство и этнополитика в современном Казахстане», посвященной 70-летию доктора философских наук, профессора Р.К. Кадыржанова. В статьях сборника, написанных учеными из дальнего, ближнего зарубежья и Казахстана, раскрываются различные аспекты национального строительства и этнополитики Казахстана.

Книга адресована политологическому экспертному сообществу, государственным органам, занимающимся национальной, культурной, языковой политикой Казахстана, преподавателям и студентам вузов, СМИ и институтам гражданского общества.

**УДК 323/324 (574)
ББК 66.3 (5 Каз)**

ISBN – 978-601-304-117-9

© РГКП «Институт философии, политологии
и религиоведения» КН МОН РК, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие юбиляра.....	6
Приветственный адрес Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК.....	9
Приветственный адрес Казахского национального университета им. аль-Фараби.....	10
Приветственный адрес Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК.....	11
<i>Алексенко А.Н., Аубакирова Ж.С.</i> Эволюция социокультурных границ в казахстанском городском пространстве.....	12
<i>Айдарбеков З.С.</i> Культура и система ценностей в воспитании казахстанской молодежи в XXI веке.....	18
<i>Алияров Е.К.</i> Основные модели политики мультикультурализма.....	26
<i>Амребаев А.М.</i> О казахском гражданском самосознании как основании национальной идентичности Казахстана.....	36
<i>Askhat G.</i> Kazakh diaspora: the history of formation and current situation.....	44
<i>Байдаров Е.У.</i> Проблемы и противоречия этнополитики в постсоветском Казахстане.....	52
<i>Байсултанова К.Ш.</i> Роль языка в национальной идентичности.....	58
<i>Волков В.В.</i> Межэтническая коммуникация как взаимодействие носителей различных коллективных этнокультурных идентичностей.....	66
<i>Галиев А.А.</i> Политика памяти в государствах Центральной Азии в контексте формирования идентичности.....	75

<i>Галлямов Р.Р.</i>	
Этноязыковая ассимиляция в Волго-Уральском макрорегионе России в XX веке (на примере Башкортостана и Татарстана).....	82
<i>Druviete I.</i>	
State language as a symbol and instrumental background for integration of society in Latvia.....	94
<i>Ешпанова Д.Д.</i>	
Национально-культурная идентичность казахстанской молодежи в условиях социокультурных трансформаций.....	103
<i>Исмагамбетов Т.Т.</i>	
Трансграничные аспекты национального строительства в Центральной Азии.....	110
<i>Кадыржанова В.Б.</i>	
Исторические нарративы и этнокультурная интеграция Казахстана.....	117
<i>Karlan C.</i>	
University students of Kazakhstan – a heterogeneous group.....	124
<i>Качеев Д.А.</i>	
Анализ межэтнических отношений в Костанайской области: проблемы и тенденции.....	132
<i>Койчуманова Ч.У.</i>	
Малые этносы в социокультурной системе современного Кыргызстана.....	141
<i>Кошим Д.</i>	
Орыстiлдiлердiң он бiлместiгi немесе шындык деп қабылданатын жалған түсiнiктер.....	148
<i>Курганская В.Д., Дунаев В.Ю.</i>	
К вопросу об этнополитической стратификации казахстанского общества.....	164
<i>Кушкумбаев С.К.</i>	
Казахстан и центральноазиатская интеграция: между национальной и региональной идентичностью.....	173
<i>Линок С.А.</i>	
Роль курсов «Политология» и «Социология» в формировании национальной идентичности студенческой молодежи.....	182

<i>Масалимова А.Р.</i>	
Жизнь, посвященная науке.....	191
<i>Махматов З.А.</i>	
Этнокультурное возрождение татар Акмолинской области.....	196
<i>Насимова Г.Ө., Сиқымбаева Д.Ә.</i>	
Ұлттық бірегейлікті қалыптастырудағы дін және ұлтшылдық ара-қатынасы.....	199
<i>Нурғалиева М.М.</i>	
Развитие сферы межэтнических отношений в Казахстане.....	205
<i>Омуралиев Н.А.</i>	
К вопросу о понятии «государствообразующая» нация.....	212
<i>Parent R.</i>	
A Sociolinguistic Snapshot: Perspectives on Kazakhstan's Alphabet Reform.....	217
<i>Савин И.С.</i>	
Основные тенденции межэтнических отношений в современном Казахстане.....	226
<i>Сагитова Л.В.</i>	
Динамика политики идентичности в контексте становления постсоветской федеративной системы РФ.....	235
<i>Толипов Ф.Ф.</i>	
Формирование национальной идеологии в Узбекистане: между прошлым и будущим.....	243
<i>Fierman W.</i>	
Contentious language debates in Kazakhstan: Reflections of an American observer.....	251
<i>Неф М.Р.</i>	
On Uyghur-Russian-Kazakh linguistic interrelations in today's Kazakhstan.....	259
<i>Шайкемелев М.С.</i>	
Особенности исследования процессов структурирования национальной идентичности в Казахстане.....	264
<i>Шакеева Б.Р., Айтымбетов Н.И.</i>	
Ұлттық құрылыс аясындағы қазақстандық бірегейлік моделінің қалыптасуы.....	272
Авторы сборника.....	279

ПРЕДИСЛОВИЕ ЮБИЛЯРА

Предлагаемая вниманию читателя книга представляет собой сборник материалов международной научной конференции «Национальное строительство и этнополитика в современном Казахстане». Конференция прошла в режиме онлайн 29 октября 2020 г. в Институте философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан по случаю моего 70-летия. Чествование юбилея ученого его коллегами в виде научной конференции является одной из давних традиций в научном мире.

Я очень благодарен Институту философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, его директору Ахану Хусаиновичу Бижанову и всем коллегам за поддержку в этот важный для меня день. Несомненно, Институт философии, как мы его для краткости называем, сыграл главную роль в моем профессиональном становлении. Каждодневное и многолетнее (между прочим, 45 лет, тоже юбилей) научное общение со своими коллегами по институту наполняет мою жизнь смыслом, придает мне энергию и желание все время узнавать новое и делиться знаниями. Я благодарен своим учителям Жабайхану Абдильдину, Кажимурату Абишеву и Абдумалику Нысанбаеву за их мудрость и помощь в моем профессиональном росте и становлении.

Работая все эти годы в Институте философии, я прошел эволюцию от специалиста по философии и методологии науки (защитив кандидатскую и докторскую диссертации) до руководителя грантовых проектов по политологии. В последние годы я концентрируюсь на национальной проблематике Казахстана, прежде всего на межэтнических отношениях, вопросах этнополитики. Межэтнические отношения, в первую очередь, отношения казахов и русских, проявляющиеся в виде отношений казахского и русского языков, казахской и русской культур, лежат в сердцевине политической системы Казахстана. Эти вопросы определяют развитие национального государства, его идентичности, перспективы культурно-языковой эволюции в ближайшем будущем и отдаленной перспективе.

Этими соображениями определялся в значительной мере мой выбор участников конференции и авторов настоящего сборника. В первую очередь, это мои коллеги из института философии. В этом году мы подготовили и издали коллективную монографию «Культурная интеграция этносов в Казахстане», ставшую результатом выполнения одноименного грантового проекта в 2018-2020 гг. Теперь я благодарен своим коллегам из отдела политологии за написание статей для этого сборника, которые, надеюсь, внесут вклад в понимание национальных процессов в современном Казахстане. Кроме коллег из ИФПР в конференции и сборнике приняли активное участие коллеги из Казахского национального университета им. аль-Фараби (моей альма матер), Казахстанского института стратегических исследований, Казахского университета международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, с которыми сложились тесные научные контакты.

Хочу поблагодарить коллег Александра Алексеенко и Светлану Линок (Усть-Каменогорск), Дениса Качеева (Костанай), Игоря Савина (Шымкент) за неоценимую помощь в проведении социологического исследования в их регионе и согласие участвовать в юбилейной конференции и представлении своих статей для сборника.

Работа над проектом «Культурная интеграция этносов в Казахстане» включала в себя проведение сравнительных исследований Казахстана с постсоветскими государствами. В их число входили Украина, Кыргызстан, Узбекистан и российские республики Татарстан и Башкортостан. В ходе поездок в эти постсоветские государства мне посчастливилось установить творческие контакты со многими учеными. Мне очень приятно, что Лилия Сагитова и Зуфар Махмутов (Татарстан), Рушан Галлямов (Башкортостан), Фарход Толипов (Узбекистан), Чолпон Койчуманова и Нурбек Омуралиев (Кыргызстан) согласились участвовать в конференции и представили свои статьи.

Бывшая советская республика Латвия была еще одним интересным объектом для проведения сравнительного исследования с Казахстаном в вопросе культурной интеграции этносов. Мне было приятно получить согласие известного социолингвиста Ины Дру-

виете и социолога Владислава Волкова участвовать в конференции и представить свои статьи. Свои статьи для сборника материалов конференции, посвященные этноязыковым проблемам Казахстана, любезно предложили Михаэль Хесс (Германия) и Роберт Пэрент (Нидерланды).

Я очень рад видеть в сборнике статьи моих давних коллег и друзей из США Синтии Каплан и Уильяма Фирмана. Билл Фирман хорошо известен в Казахстане своими исследованиями языковой ситуации в нашей стране. Я думаю, читателям будет интересно познакомиться с его последними мыслями о вопросах языка и их восприятия различными группами казахстанского общества. Статья Синтии Каплан посвящена изучению казахстанского студенчества.

Большую радость мне доставляет участие в конференции и публикация в сборнике статей моих учеников, тех, кому я помог стать кандидатами философских и политических наук и докторами PhD. Их больше 20 человек, а на этой конференции были представлены Светлана Линок, Мадина Нургалиева и Нуркен Айтымбетов. Я очень благодарен им и верю в их научное будущее.

Представленные в сборнике статьи написаны на казахском, русском и английском языках. В тематическом плане статьи достаточно разношерстные и некоторые из них ближе, а некоторые дальше в раскрытии темы конференции. Тем не менее, выражаю надежду, что читатель сможет найти для себя интересное и полезное в материалах конференции.

ҚАДІРЛІ РҮСТЕМ ҚАЗАҚБАЙҰЛЫ!

Өміріңіздің ғылым жолына бағыттанған оң маңызды кезеңін философия саласына арнады-ңыз. М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университетін, және С.М. Киров атындағы қазақ мемлекеттік университетін тамамдаған соң, саналы жұмырыңызды ғылыммен байланыстырып, қажымай-талмай қызмет етіп келесіз.

Философия, саясаттану және дінтану институтындағы жұмысыңыз Сізді жетекші жаққа талпын мерейлі меңгеруіңбен шын жүректен құптықтайды. Философия ғылымдарының докторы, профессор атаынып, институттың бас ғылыми ұйымдастырушісі ретінде құрғау еңбек таныдырып жүрсіз. Сонымен қатар, қазақстанның Абылайхан атындағы халықаралық қатынастар және әлем тілдері университетінің кафедрә меңгерушісі бола жүсіріп, үлкен беделге ие болдыңыз.

Осы жылдар аралығында «Жалпы адамзаттық және ұлттық құндылықтар», «Қазақстанның саяси мәдениеті», «Қазақстанның ұлттық қауіпсіздігі», «Жалпыұлттық идея Қазақстанның тұрақты дамуының неізі», «Қазіргі Қазақстанның ұлттық бірлестігінің қалыптасуының проблемалары», және басқа көптеген ғылым-зерттеу жобаларды жүзден асырып, басшылық, жасағаныңыз қалыңдар тарапынан қолдау тауып, ерен еңбегіңіз ұйымдастырушылық іскерлігіңіз бен ғалым ретіндегі біліктілігіңізді көрсетсе керек.

Өзіңіздің үш жекке монографияңыз бен 15-тен аса жұмыдық еңбектеріңіз, жүзден аса публицистикалық ғылым мақалаларыңыз жарық көрді. Білікті ғалым ретінде әр жылдары Мәскеу, Стамбул, Сеул қалаларында өткен әлемдік философиялық конференцияға қатысқаныңыз, сондай-ақ, АҚШ, Канада, ҚХР, Словакия, Иран, Италия және басқа мемлекеттерде өткен халықаралық ғылым конференцияларына шақырылуыңыз Сіздің беделді ғалым екеніңізді көрсетсе керек.

Ғылыми жетекші ретінде философия және саясаттану ғылымдарының 20 кандидатын, бірнеше PhD докторларын дайындап шығарғаныңыз, «Халықаралық қатынастар» саласы бойынша мамандар өзінше, ғылым жетекші болуыңыз шексізше алдындағы мәртебеуізді арттыра түсіті.

Сіздің жылдар бойы жан аямай жасаған еңбегіңіздің жемісі оң бағаланып, адамдардың құрметімен қатар, бірзатар мемлекеттік марапаттармен айтықталды. Осынау айтулы меңбекке мықты денсаулық, ғылым жолында үлкен табыстар, отбасыңызға бақыт пен береке тілейміз.

ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының директоры,
ҒҒА корреспондент-мүшесі,
саяси ғылымдарының докторы, профессор

А.Қ. Етжанов

Уважаемый Рустем Казахбаевич!

Коллектив Казахского национального университета имени аль-Фараби поздравляет Вас с 70-летним юбилеем!

Ваша трудовая деятельность как доктора философских наук, профессора связана с Академией наук Казахстана – начал с должности младшего научного сотрудника Института философии и права АН КазССР, старшего и ведущего научного сотрудника до заведующего отделом. В разные годы Вы возглавляли отдел политологии и этносоциологии, отдел теоретической и прикладной политологии, отдел по изучению национальных процессов и этнополитики Казахстана Института философии и политологии МОН, а сейчас трудитесь главным научным сотрудником Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК.

Вы являетесь признанным научным сообществом специалистом и экспертом по вопросам национальной идентичности, этнополитики и межэтнических отношений, руководителем ряда научно-исследовательских проектов и автором множества книг и статей по этим вопросам. Вы – стипендиат программы регионального академического обмена Института Кеннана (Международный научный центр им. В. Вильсона, г. Вашингтон), программы Фулбрайт (Университет Индианы, г. Блумингтон), Германской службы академического обмена (Институт международных проблем безопасности) и Гумбольдт университета (г. Берлин).

На протяжении долгих лет вы плодотворно сотрудничаете с нашим университетом. В совершенстве владея казахским, английским и русским языками, читаете курсы в докторантуре, являетесь членом диссертационного совета по социальным наукам. Под Вашим руководством защитили свои работы по политическим наукам 11 кандидатов наук и докторов PhD. Вы тот человек, который с огромной душой и профессионализмом подходит к своему делу.

Уважаемый Рустем Казахбаевич, желаем, чтобы Ваши личные качества, Ваши высокие принципы и жизненные ценности всегда были несомненным авторитетом для учеников. Желаем, чтобы каждый из них видел в Вас не просто уважаемого ученого и педагога, но и хорошего друга. Пусть работа приносит не просто удовлетворение, но и ежедневное счастье от общения с учениками, с которыми Вы щедро делитесь знаниями и опытом.

Ректор Казахского
национального

Г.М. Мутанов

Уважаемый Рустем Казахбаевич!

Коллектив Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан горячо и сердечно поздравляет Вас, известного казахстанского учёного, доктора философских наук, профессора, члена Научно-экспертного совета Ассамблеи народа Казахстана, со знаменательной датой – 70-летним юбилеем!

За долгие и плодотворные годы профессиональной деятельности Вы зарекомендовали себя не только превосходным специалистом, но и чутким, мудрым, отзывчивым человеком. В академическом и экспертном сообществе Вас знают как крупного учёного, на протяжении двадцати пяти лет успешно возглавляющего исследовательские проекты Института философии, политологии и религиоведения Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан.

Восхищает широта и разнообразие Вашей научной и педагогической деятельности. Ваш талант учёного, высокое звание профессора многократно реализованы в Ваших многочисленных трудах, посвящённых вопросам национальной идентичности, этнополитики и межэтнических отношений. Вы – являетесь автором ряда фундаментальных монографий, научных статей и исследований, которые широко известны не только в Казахстане, но и за рубежом.

Нам очень приятно отметить, что в 2001-2003 годы Вы по совместительству являлись Главным научным сотрудником Отдела внешней политики и международных отношений Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК.

Уважаемый Рустем Казахбаевич, Ваша энергия, высокие человеческие качества, открытость в отношениях в сочетании с высочайшим профессионализмом снискали Вам всеобщее уважение и признательность.

От всей души желаем Вам, в этот знаменательный день крепкого здоровья, долголетия, большого семейного счастья, благополучия, дальнейших творческих успехов, воплощения всех задуманных планов и желаний, бодрости духа и сил на многие годы!

С глубоким уважением и наилучшими пожеланиями,

*Директор КИСИ
при Президенте РК
Академик НАН РК*

Зарема Шаукенова

*Алексеевко А.Н.,
Аубакирова Ж.С.*

ЭВОЛЮЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ГРАНИЦ В КАЗАХСТАНСКОМ ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Предисловие

С Рустемом Казахбаевичем, я познакомился, как часто это бывает в научной среде, заочно – через его труды. Долгое время я занимался изучением демографических проблем Казахстана. Среди этих проблем немалое значение имеют процессы урбанизации, адаптации сельских мигрантов в городах. Исследование этих явлений заставило меня более тщательно подойти к сюжету межэтнических отношений, вопросам нациестроительства и т.д. Нужны были какие-то научные ориентиры, научно-исследовательский алгоритм. Его поиски и привели меня к трудам Р.К. Кадыржанова. Так состоялось наше заочное знакомство. Сразу скажу, новый знакомый мне очень понравился. Межэтнические вопросы, проблемы нациестроительства – сложнейшая тема, наполненная коннотациями, обидами, категорическими репликами. Это самое настоящее «научное минное поле», где один неверный шаг вызывает взрыв эмоций с той или иной стороны. Восхищает то, как достойно Р.К.Кадыржанов и его коллеги идут через это минное поле, добиваясь поставленной цели. Тексты Рустема Казахбаевича я «разложил» на цитаты и теперь подтверждаю ими (в качестве неоспоримого доказательства) собственные выводы, точку зрения. Всегда с нетерпением жду статьи, интервью Р.К. Кадыржанова, так как уверен, что найду в них что-то новое и интересное.

Личная встреча и знакомство с Рустемом Казахбаевичем еще более утвердили меня в мнении, что общаюсь я с молодым человеком, интересы которого чрезвычайно многообразны. Поэтому 70-летний юбилей – не более как повод поздравить уважаемого мною человека и пожелать ему новых научных свершений! С юбилеем, дорогой Рустем Казахбаевич!

Александр Алексеевко

Административно-территориальные границы в течение многих столетий не были актуальны для Казахстана. Доминировала хозяйственно-культурная идентификация общества, а административно-территориальное деление, ставшее реальностью в XIX в., воспринималось как некая привнесенная извне абстракция. Собственно, суть конфликта с российской администрацией заключалась именно в отторжении номадами административно-территориального устройства, формируемого в Казахстане в XIX веке.

В статье речь пойдет о границах социокультурных, эволюции которых вполне адекватно отражают этапы развития казахстанского общества.

В конце XIX – начале XX вв. этнокультурные границы, обозначившиеся в Казахстане, во многом являлись следствием особенностей экономического существования прибывающего из регионов Российской империи сельского населения. Учитывая зависимость сельскохозяйственных традиций от природных условий, сформировалась этническая дифференциация системы сельского расселения (лесная, лесостепная, степная природные зоны).

Еще более четкая социокультурная граница сложилась между городом и селом. «Имперский» город воспринимался казахами как враждебная среда, источник колониальной власти. Российские власти также не стремились к массовому переселению казахов в города. В результате, в конце XIX в. подавляющее большинство казахов проживало в сельской местности. В Степи была создана фактически государственная граница между разными цивилизационными системами, заключенными в административно-территориальные рамки территории под названием Казахстан.

В советское время основная масса казахов по-прежнему является сельскими жителями. Но постепенно «крепость» прежних границ ослабевает, число казахов-горожан постоянно увеличивается. В тоже время, сложно говорить о какой-либо цивилизационной диффузии. Процесс вхождения в городское пространство происходил на русскоязычной основе, что часто приводило к забвению родного языка, отрыву от традиций, обычаев казахского народа.

Тем не менее, основная масса казахов (61,7% в 1989 г.) являлась сельскими жителями [1].

Таким образом, досоветский и советский периоды истории оставили после себя этническую дифференциацию системы расселения, социально-экономической деятельности, культуры, языка. Присутствовала четкая и визуально маркированная граница.

После распада СССР Новые Национальные Государства стремительно наполняются иным политическим, социальным, культурологическим содержанием, отражающим автохтонную суть. Катализатором суверенных социальных явлений в значительной мере стало нациестроительство, возможное только в условиях городского пространства. С учетом того, что в казахстанском общественном мнении доминирует «примордиалистское понимание национальной идентичности и нации» [2], нетитульные этнические группы по объективным причинам не могли претендовать на попадание в государствообразующие ниши. Поэтому одним из следствий признания города стратегическим приоритетом суверенного Казахстана, стала эмиграция. В результате мощного замещающего потока из села в город, «государствообразующий диапазон» социокультурного, социально-экономического пространства занимают преимущественно казахи. Вследствие этого: «...функциональные возможности казахстанской русской диаспоры к настоящему времени уже недостаточны для выполнения государствообразующих функций в необходимом для этого объеме, т.к. в сферах науки, производства, управления, бизнеса ее доля по объективным причинам уменьшается в силу увеличения доли других национальностей страны. Таким образом, в рамках сложившихся реалий и тем более в перспективе русская диаспора не в состоянии стать ядром образующейся гражданской казахстанской нации» [3].

Постепенно социокультурные границы лишаются этнического содержания, основной вектор государственного строительства, в том числе и развитие городского пространства, определяют автохтоны. Но инерция «советского наследия» не может быть преодолена в краткосрочной перспективе. Во многом городское пространство, особенно социально активная его часть, сохранило прежний, «досуверенный» облик. В результате, сельские казахи, сохранившие традиционные основы, перемещаясь в город, расположен-

ный в Республике Казахстан, оказываются в параллельном мире, фактически в другом государстве (иная языковая среда, социальная структура, экономическая деятельность, социокультурные установки, социально-бытовые вопросы и т.д.). В определенной мере «параллельный мир» был представлен русифицированными городскими казахами, которым европейские культурные ценности зачастую ближе, чем «исконно казахские». В результате, все более явные очертания приобретают границы внутриэтнические, фиксирующие социокультурные различия внутри казахского этноса [4].

Таким образом, стремительная урбанизация, политика этнической репатриации привели к «собираению» в городах всего многообразия социокультурных установок, характерных для казахского социума. Несмотря на постепенное становление моноэтничности, городское пространство становится все более поликультурным.

Тенденция формирования внутриэтнических границ проявляется и у русских. Особенность в том, что они совпадают с государственными границами России и Казахстана. Эмигрировавшие в Россию русские, на наш взгляд, в социокультурном плане испытывали меньшие проблемы, чем сельские казахи, переместившиеся в казахстанский город. В тоже время, по мнению «казахстанских русских», «российские русские» относятся к ним высокомерно, называют «казахами», необоснованно оценивают себя выше в профессиональном плане и т.д. В социально-экономическом плане многие казахстанские русские разницу ощутили – их статус в Казахстане был более высоким, чем на «исторической родине». Все чаще «казахстанские русские», контактирующие с «российскими», отмечают, что «в России – другие русские», «русские Казахстана и русские России – это разные этносы», «казахи мне ближе, чем российские русские».

Вышесказанное позволяет констатировать, что в настоящее время в городском населении Казахстана формируются новые границы, лишшающиеся этнического маркера. Обретает все более зримые очертания социальный слой, не имеющий аналога в истории городского пространства Казахстана. Суверенное сосуществование здесь казахов и русских постепенно приводит к тому, что восприятие социально-экономических, социокультурных проблем лишь через этничность отходит на второй план.

Таким образом, в Республике Казахстан наблюдается эволюция социокультурных границ. В течение длительного времени они были предельно четко этнически дифференцированы и воспринимались через призму межэтнического противостояния. Становление суверенитета, модернизационные процессы, способствовали выраженной миграции автохтонов в города, исторически сформировавшихся на «европейской» (при всем своеобразии развития городского пространства Казахстана) основе. Прибывающее в города сельское казахское население было вынуждено встраиваться в русифицированную городскую структуру. На этом этапе значимую роль начинают играть внутриэтнические границы, отражающие социокультурные эволюции населения.

С течением времени сформировался полиэтничный слой, оказывающий все большее влияние на развитие городского пространства Казахстана. В значительной степени его определяет казахское население, прибывшее в свое время из сельской местности и адаптировавшееся в городе. При этом меняется «качество» автохтонного городского компонента. В активный социальный возраст постепенно вступает многочисленное поколение «коренных» горожан казахов. Его представляют родившиеся и социализировавшиеся в городе дети мигрантов 90-х гг. XX века. Это первое статистически значимое, многочисленное поколение коренных городских казахов, способное, с течением времени, существенно влиять на развитие городского пространства государства.

В настоящее время сосуществуют варианты всех видов «границ», сформировавшихся в длительной ретроспективе. Параметры их неустойчивы вследствие сокращения европейской части населения (эмиграция, депопуляция) и увеличения автохтонной (высокий естественный прирост, иммиграция). Неясно, в связи с этим, достаточный ли вес приобрело автохтонное городское население для того, чтобы самостоятельно «переформатировать» непрекращающийся миграционный поток из села в город. Демографический потенциал села достаточно велик для поддержания актуальности сюжета «адаптация казахской молодежи в городе», всегда обостряющего «пограничные» проблемы. Не исключен вариант рурализации городского пространства, когда город не в состоянии «переварить» приток сельского населения и сам постепенно превращается в «большую деревню».

Следствием ускоренной модернизации в Казахстане явилось то, что сосуществуют поколения, представляющие различные варианты мировоззрения. Во взаимоотношениях этих поколений и формируется социокультурное пространство государства. В результате непрекращающегося потока населения из села в современном казахстанском городе на равных присутствуют как «традиционные», так и «европейские» ценности. Границы, разделяющие эти ценности, постепенно лишаются этнической окраски, весь диапазон социокультурных установок все в большей мере определяют казахи. Сложно сказать, какими будут критерии автохтонной городской системы. Можно предположить, что инерция советского «городского опыта» постепенно иссякает и уже не отражает особенностей проблемы. Городские русские, определявшие суть советского городского пространства, были слабо связаны с казахской средой, казахской культурой в целом. Советская городская казахстанская среда практически не имела ничего общего с сельской казахской средой. Сейчас же все более явно сельско-городское пространство функционирует как единый организм, тесно переплетенный множеством семейных, социальных, экономических, культурных нитей. Постепенно на новом месте жительства восстанавливаются традиционные семейно-поколенческие связи, обретающие в городе новые качественные характеристики. Таким образом, идет процесс становления нового, городского этапа социокультурного развития этноса.

Литература

1. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Алма-Ата. Республиканский информационно-издательский центр, 1992. Т. 3.- с. 3
2. Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – с. 32
3. Ахметжанов А. О русском сознании в Казахстане // Свобода слова. 2008. 11 декабря
4. см. подробнее: Кадыржанов Р. Расколотый мир казахов: к чему привела русифицированная модернизация?// Central Asia Monitor. 2019. 13 марта.

Айдарбеков З.С.

КУЛЬТУРА И СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В ВОСПИТАНИИ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В XXI ВЕКЕ

Для Республики Казахстан – с ее многообразием этносов и культур, традиций и конфессий – вопросы культуры, образования, воспитания и духовного обновления молодежи, без всякого преувеличения, носят фундаментальный характер. За эти 29 лет Независимости в Казахстане созданы уникальные возможности для самореализации молодежи, получения качественного образования, отвечающего современным требованиям и вызовам стремительно меняющегося мира. Из истории казахской философии видим, что основными составляющими казахской идеи являются приобщение молодёжи к культурному наследию предков, обращение к фундаментальным ценностям казахского народа, в перечне которых «культура, духовность, прагматизм в поведении» и «знания» занимают особое место в воспитании личности, способной к культурной идентификации, в совокупности представляющие сущность менталитета нации. Важно сообразно возрасту сориентировать молодого человека на размышления о себе, мире, собственном отношении к жизни, Обществу, самостоятельной деятельности в условиях современного Казахстана и в соотнесении с международным опытом.

Сегодня актуальны проблемы социализации и духовно-нравственного воспитания студенческой молодежи в условиях социально-экономических перемен. И сегодня от каждого из нас требуется вносить посильный вклад в дальнейшее развитие образования и воспитания молодежи. Каковы навыки будущего – на чем сконцентрироваться, что нужно знать и уметь в новом сложном мире молодежи? Как мотивировать молодого человека на личностное развитие, тренировать волю и иметь крепкий внутренний стержень, современную систему ценностей? Как приобщать к предпринимательской культуре молодежь, научить задавать ей правильное направление, стремление к инновациям, желательно в более раннем

возрасте человека научить это делать, тем больше он увидит от этого пользы в жизни.

Президент Республики Казахстан К-Ж. Токаев и руководство нашей страны считают необходимым ознакомление молодёжи с основными принципами концепции «слышащего» государства, чтобы правительство и акимы эффективно реагировали на жизненные потребности граждан, способствовали развитию политических партий с целью поддержки и продвижения плюрализма в казахстанском обществе. Общество должно быть уверенно, что в ближайшее время получит здоровое, развитое поколение, способное не только реформировать социально-политическую и экономическую жизнь Казахстана, но и вывести страну на новые горизонты. Опыт истории убедительно показывает, что без глубоких изменений в политическом сознании людей невозможны никакие общественные перемены. Интеграция, глобализация оказывают сегодня решающее влияние на все сферы человеческой жизни – экономику, культуру, образование и т.д.

В жизни преуспевают те, кто не боится мечтать о чем-то великом и затем рисковать ради воплощения своих видений. Парадигма современных задач, которые нам предстоит решать в перспективе, качественно изменились и мы должны научиться жить в сосуществовании различных кризисов, культур и религий, так как мир переживает острый мировоззренческий и ценностный кризис. Социально-политическая и гражданская активность молодежи сегодня представляет одно из важнейших тенденций в развитии государства, общества, в усовершенствовании государственной и политической системы. Человек по своей природе нацелен на обучение и развитие, а как его убеждать и как мотивировать- это извечная проблема Общества. Мы с радостью воспринимаем все новое, пробуем, применяем и развиваемся, но слишком часто людям негде в последующем применять изучаемый материал и знания, вузы не учитывают тех потребностей рынка и не принимают в расчет человека на выходе.

На протяжении всей истории человечество уделяло пристальное внимание проблемам нравственного воспитания, патриотизма, гражданственности подрастающего поколения. Думая о будущем,

государство понимает, что за политическими и экономическими реформами нельзя упускать процесс формирования нового поколения казахстанских граждан, их адаптации к новым условиям? В последнее время духовная сфера нуждается в коренной трансформации с акцентом на углубление консолидирующих общенациональных ценностей. Отличительной особенностью казахской философии является то, что она всегда стремилась формировать у подрастающего поколения любовь к своей Родине Ата-мекен, воспитывала народ в духе патриотизма, бережного отношения к природе, внешнему миру. В качестве ее основных проблем выступают: проблемы человека, морали и нравственности, социальной справедливости и идеального общества, проблема будущего казахского народа. Высокие гражданские, общечеловеческие и нравственные ценности, а также социальные качества личности были испокон веков объектом философского размышления казахов.

Образование и культура в условиях экономического кризиса общества, не смотря ни на что, продолжает формировать основы главного его ресурса – человеческого капитала, который, в свою очередь, создает новые знания и развивает информационный потенциал. Главным критерием качества образования продолжает оставаться компетентность выпускника, его культура и профессиональная подготовка на выходе. Сегодня важно сформировать в XXI веке инновационную культуру и восприимчивость молодежи, нации, а на практике мы имеем другие результаты. Это уже аксиома, что будущее Казахстана в руках молодежи и нам не безразличны ее перспективы. Безусловно, для успешного и устойчивого развития личности нужны современные знания и культура, умения и навыки, соответствующие духу времени.

Культура как процесс развития предусматривают приобщение молодежи к общечеловеческим и национально-этническим ценностям в процессе социализации человека. Культура и образование, а не экономика или политика, как считают наши современники, является фундаментом общественно-позитивного развития, ибо в основе экономического прогресса лежит опять же экономическая культура, а в основе общественного прогресса – культура общества в целом, культура социальной жизни. Успешность развития

государства во многом зависит от уровня культуры общества и того насколько успешно и умело элита направит энергию молодежи на благо процветания своего государства. Молодежь должна понимать, куда они идут, им нужны смысложизненные перспективы и необходима четкая концепция, стратегия развития и модель поведения. Нынешняя молодежь – дети информационной эпохи, они оценивают нас, сравнивая с другими системами ценностей и качеством образования Запада. **Нет смысла замалчивать социальные проблемы – просто нужно переводить их в экономическую плоскость.**

Перед системой высшего образования сегодня встают принципиально новые задачи, где особый упор сделан на развитие культуры и человеческого капитала. Такова логика развития страны в сфере политики, экономики, духовности связанные с развитием национальной системы образования, культуры и воспитания молодежи, направленной на дальнейшее развитие инновационного потенциала Казахстана и модернизации Общества. Конечно, меняется время, меняются условия жизни и естественно, людям приходится приспосабливаться, идти в ногу со временем.

Молодежи в любом обществе вообще свойственно оптимистическое мировосприятие и иллюзии собственных жизненных перспектив. Сегодня обучение и личностное развитие – единственно реально работающий инструмент для успешного и динамичного развития современного человека. **Формирование культурных ценностей начинается еще в школе, продолжается в университете. Какие ценности впитает будущее поколение?** Современные потомки славных тюрков и казахов непременно должны знать, помнить и защищать историю своей земли, свои национальные ценности и свой культурный код, свои святыни и своих исторических личностей. История воспитывает в людях благородные качества, учит справедливости на примерах великих людей, способствует формированию новых взглядов на окружающий мир.

Основная функция культуры и образования – это воспитание человека, изменение и преобразование его природы. В Казахстане в идеале планируют внедрить стандарты качества жизни, которые соответствовали бы ключевым показателям высокоразвитых стран

Организации экономического сотрудничества и развития. Где целевыми индикаторами для молодежи станут такие важные показатели, как обеспеченность работой, жильем, доступ к образованию, здравоохранению, культурно-бытовым услугам. В наших странах в последние годы, идет большой отток людей за счет универсализации культуры и глобализации.

Образование и просвещение в XXI веке оказывают большую пользу в получении молодежью правильной информации о религиях, формируют религиозное сознание, соответствующее традициям и культурным нормам светского общества. Молодежь активно приспосабливается к социальным реалиям, проявляя разумный конформизм в построении стратегий достижения жизненного успеха. Многие ошибочно думают, что успех рыночной экономики напрямую связан с шаблонным насаждением определенных образцов демократии, которые созданы в развитых государствах сегодня. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что социальные притязания молодежи «не чрезмерны, но и не занижены».

Казахстанская молодежь, в отличие от старшего поколения, «в значительной степени уверена в завтрашнем дне и проявляет «здоровый» социальный оптимизм». Программа «Рухани жаңғыру» это курс на интеллектуальное развитие молодежи, необходимо уделять больше времени и внимания нравственности, духовности, развитию хороших человеческих качеств подрастающего поколения и эти вещи помогут им в жизни в целом, и в карьере в частности. Вместе с тем, необходимо усилить работу по углублению и расширению гражданско-патриотической и духовно-культурной консолидации общества, дальнейшему укреплению в сознании общества ценностей государственности, согласия, единства, созидания и мира через образовательный процесс.

Главная цель «Рухани жаңғыру» – создание условий для самореализации и всестороннего развития молодежи, создание единой нации сильных и ответственных людей. А также, формирование у подрастающего поколения современного мировоззрения на основе ценностей патриотизма, знаний, светскости, нравственности, семьи, законопослушности, трудолюбия, здоровья. С 2014 года ре-

ализуется Концепция культурной политики РК, направленная, на формирование конкурентоспособной культурной ментальности и высокой духовности казахстанцев, а как известно, культура по отношению к духовности выступает некой несущей конструкцией. Мы хотим видеть нашу молодежь с креативным и инновационным мышлением, активной гражданской позицией и устремленную к знаниям, ориентированную на труд и профессиональный рост.

Любой уважающий себя менеджер, как и любой бизнесмен среднего уровня, не может в наше время не интересоваться мировой экономикой, глобальными тенденциями. Это особенно важно понимать тем, кто строит свое будущее и ориентируется на глобальную и национальную экономику. Необходимо молодежи ставить в жизни высокие цели, проявлять упорство, ставить акцент на здоровый образ жизни и профессиональный успех, прагматизм в поведении, даже если трудно и поначалу не получается, не сдаваться ни когда. Для того, чтобы мотивировать человека именно на знания, должна быть мощная государственная политика, которая бы была устремлена на то, чтобы молодежь развивалась и стремилась к небывалым высотам. Основу ценностей современного молодого человека составляют деловитость, инициатива, предприимчивость, отсутствие патерналистских ожиданий, ориентация на собственные силы, стремление к инновациям и поиск возможностей для реализации собственного творческого потенциала. Кроме того, особый интерес представляет понимание мотивационно-ценностного компонента социальной активности современной молодежи.

Молодое поколение XXI века, достаточно быстро адаптируется к рыночным условиям, осваивает стандарты рыночного поведения с присущими им экономической свободой действий, инициативой, предприимчивостью, расчетом на собственные силы, способностью к риску и т.д. Потенциал, возможности у всех разные, но культ личного успеха любой ценой постепенно вытесняет у молодежи ценности коллективизма и солидарности. Сильный ценностный фундамент для молодежи – это не только основа политической стабильности, но и база для позитивного состояния и социального самочувствия. Ведь именно потеря смысла, ценност-

ной устойчивости является спусковым механизмом для тенденций социальной деградации и разрухи: роста числа самоубийств, депрессивного состояния, девиантного поведения молодежи, наркомании и так далее. Повышать свой уровень, учиться новому нужно каждому молодому человеку, поскольку конкуренция на рынке труда высокая. Чем больше человек умеет, тем ему проще найти хорошую работу. В глубине своего менталитета наше общество остается ориентированным на традиционные ценности – семья, солидарность поколений, ответственность.

Сегодня перед системой высшего образования встают принципиально новые задачи, где особый упор сделан на развитие человеческого капитала и гуманизма. Навыки будущего – что еще нужно знать и уметь в новом сложном мире нашей молодежи? Необходимо подчеркнуть, что в Казахстане государственная система образования и воспитания также носит сугубо светский характер. Светскость в системе образования означает, что образование отделено от религиозной деятельности и в учреждениях образования запрещено формировать у молодежи то или иное отношение к конфессиям. Такое право предоставлено исключительно религиозным объединениям с республиканским или региональным статусом, которые в рамках требований законодательства могут открывать духовные учебные заведения.

В настоящее время в учебную программу среднего образования включен обязательный курс «Светскость и основы религиоведения», а в учебную программу вузов и колледжей – элективный курс «Религиоведение». Введение этих курсов направлено на организацию взвешенной просветительской работы с молодежью по вопросам религии и формирование у нее знаний и иммунитета к деструктивной религиозно-окрашенной идеологии. Эта работа нацелена на формирование у молодежи научных познаний о существующих мировых религиях, религиозных верованиях и принципах светскости государства, но это, ни в коем случае не предполагает пропаганду или преподавание какой-либо религии.

Мировой исторический опыт показывает, что современное государство в XXI веке должно быть светским, только в этих условиях реализуется максимальный потенциал страны и ее динамичное

развитие. Сегодня всех казахстанцев объединяют общие ценности – созидательный труд, единство народа, гордость за Родину, сопричастность к её великой судьбе. Мы надеемся, что молодые граждане нашей страны с честью будут следовать идеалам Независимости и продолжат эстафету успехов и реформ.

Основная цель современного образования и культуры – научить человека мыслить креативно, повышение духовных ценностей и нравственного воспитания школьников и студентов. Инновационная дисциплина призвана выполнять ключевую роль в формировании ценностных ориентиров юных казахстанцев, учить растущего человека быть счастливым и успешным, нести ответственность за свою жизнь.

Литература

1. Казахстан и глобальные вызовы современности: материалы научно-практической конференции (Алматы, 19 мая 2010г.) Отв. ред. Б.К. Султанов. – Алматы: КИСИ, 2010. – 120 с. (5).
2. Булекбаев С.Б. «Тюркский вклад в мировую культуру и цивилизацию». – Алматы: 2016 /ТОО BAViS systems-316 стр.
3. Костина А.В. «Массовая культура как феномен постиндустриального общества». Изд. 5-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2011. – 352 с.
4. Дерек Бок. «Университеты в условиях рынка». – М.: ИД ВШЭ, 2012. – 223 с.

Алиаров Е.К.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ПОЛИТИКИ МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

В настоящей статье будет обзорно разобран международный опыт ведения и реализации политики мультикультурализма. Речь идёт, прежде всего, о западном пространстве. Широкое распространение обсуждения о мультикультурализме получают в 80-х гг. прошлого столетия и первоначально создает впечатление решения многих вопросов, что позволило государствам Западам импортировать этот интеллектуальный продукт. К примеру, в Канаде он стал способом разрешения проблем сепаратизма, в Соединенных Штатах мультикультурализм стал решением, которое смягчило результаты расовой сегрегации. Другое дело – страны Европы, где мультикультурализм был обращен к иммигрантам. Следующими вопросами являются степень уважения к различиям, а также сохранение собственного наследия. Рассмотрим модели мультикультурализма на примере западных обществ.

Модель политики мультикультурализма в США. В этой стране вопрос о расе приобрел новую силу, во всяком случае, в связи с классическими спорами о культуре и этнической принадлежности. Первая волна, которая датируется серединой 1960-х гг., наметила определенный прогресс в пользу гражданских прав чернокожих. В период правления президента Р. Рейгана вторая волна атаковала чернокожих американцев на основе культурного восприятия, обвиняя их в якобы отказе придерживаться американских принципов, основанных на работе, семье и желании индивидуальной социальной мобильности. В этот период исследователи говорили о «символическом расизме» [1]. Третья волна ознаменовалась приходом к власти Б. Обамы. В этом контексте раса явилась альтернативой этнической принадлежности и культуре, по крайней мере, касательно «белых», с одной стороны; с другой стороны – для чернокожих мультикультурализм оставляет место для призывов к правам человека и антирасистским действиям. Соединенные Штаты стали, по словам С. Стейнберга, «двойным плавильным котлом

– один для людей африканского происхождения, другой для всех остальных» [2]. Культурные различия внутри каждого образования становятся размытыми, что отчасти соответствует тому мнению, что мультикультурализм не решает основные проблемы американского общества [3].

Модель мультикультурализма в Австралии. В 1945 г. правительство Кертгина создало первый Департамент иммиграции Австралии для управления послевоенной иммиграцией мигрантов [4] в начале послевоенного периода ожидалось, что мигранты и беженцы быстро ассимилируются и смешаются с населением. Действия правительства в области ассимиляции была основана на предположении о том, что с течением времени это будет нетрудно для вновь прибывших. Помощь в расселении ограничивалась предоставлением общежитий для мигрантов и некоторым обучением языку [5].

К 1960-м и 1970-м гг. акцент на «ассимиляции» был заменен акцентом на «интеграции», а затем на «мультикультурализме» в знак признания проблем, с которыми сталкиваются мигранты при заселении, и признания того, что вновь прибывшие не хотят потерять свою культурную самобытность [6]. Эти изменения приобрели законодательный характер благодаря принятию парламентом Содружества в 1975 г. Закона о расовой дискриминации, который направлен на осуществление обязательств Австралии по международной Конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1969) путем запрещения расовой и других форм дискриминации [7].

В представленном в 1977 г. австралийскому Совету по народонаселению и иммиграции документе, озаглавленном как «Австралия как многокультурное общество», австралийский Совет по этническим вопросам, назначенный правительством Фрейзера, сформулировал первое официальное определение мультикультурализма в подходе, который они назвали «культурным плюрализмом», основанном на принципах социальной сплоченности, равенства возможностей и культурной самобытности [8]: «По нашему мнению, признание многокультурного характера австралийского общества предполагает, что правительство и созданные институты

признают ценность этнических культур и реагируют на них с точки зрения этнических убеждений, ценностей и обычаев» [8, Р.14].

В рамках сокращения миграции из европейских стран и увеличения приема беженцев из Юго-Восточной Азии правительство Фрейзера объявило о пересмотре программ и услуг для мигрантов после прибытия 31 августа 1977 г. и попросило Ф. Гэлбэлли быть председателем процесса. К концу 80-х гг. в Австралию прибыло большое число мигрантов, в том числе из стран Азии и Ближнего Востока.

Победившее на выборах 1996 г. правительство Дж. Говарда, в течение многих лет был ярким критиком мультикультурализма. Были упразднены ключевые учреждения, ограничен доступ к пособиям по безработице и программе для взрослых мигрантов, а также сокращено финансирование и консультации этнических организаций в рамках более широкого пакета реформ государственного сектора.

После реализации новой программы в 2003 г. правительство Говарда опубликовало новое политическое заявление «Многокультурная Австралия: единство в многообразии: обновление новой программы для многокультурной Австралии 1999 г.: стратегические направления на 2003-2006 гг.» [9]. В предисловии премьер-министром Говардом было написано: «Это новое заявление подтверждает приверженность правительства поощрению разнообразия, понимания и терпимости во всех областях деятельности. Эти действия особенно важны в свете трагических событий 11 сентября 2001 года в Соединенных Штатах Америки и 12 октября 2002 года на Бали и в изменившемся мире, в котором мы живем» [10].

История иммиграции и многокультурная политика в Австралии – это долгий путь содействия созданию условий, в которых мигранты могут в полной мере участвовать в экономической жизни и вносить свой вклад. Исследования ясно показывают положительные экономические и социальные выгоды миграции для общества, поскольку она способствует экономическому росту и укреплению финансового положения правительства за счет налоговых поступлений и расширения участия в рабочей силе.

Канадская модель политики мультикультурализма. Официальная политика мультикультурализма начатая в 1971 г., и мультикультурализм, закрепленный в конституции 1982 г., привлекли дискуссии не только в Канаде, но и во всем мире. Тем не менее, мультикультурализм принес Канаде лидирующую роль в глазах мира в качестве средства создания нации с более высоким уровнем интеграции. В 2016 г. впервые за 10 лет была собрана перепись населения. Данные свидетельствуют о том, что с 2006 г. Канада стала более разнообразной в этническом и расовом отношении. На протяжении многих лет иммиграция способствовала расширению разнообразия в Канаде и сыграла ключевую роль в содействии процветанию страны. Сегодня каждый пятый канадец является иностранцем, и страна состоит из людей более чем 250 различных этнических групп [11]. Торонто, Ванкувер и Монреаль по-прежнему являются самыми богатыми иммигрантскими городами Канады.

Канадский закон о культурном многообразии обязывает федеральные учреждения осуществлять программы, политику и услуги, которые являются чувствительными и учитывают многокультурные реалии Канады. Он также требует, чтобы министр, отвечающий за культурное многообразие, представлял ежегодный доклад о функционировании закона в парламенте.

В рамках программы культурного многообразия проводятся информационно-пропагандистские мероприятия, направленные на привлечение канадцев к решению вопросов, связанных с культурным многообразием, и поощрение уважения многообразия.

Канадский фонд наследия работает над выполнением своего мандата по сохранению и укреплению культурного многообразия путем поощрения и признания этнокультурного разнообразия канадцев. Она играет жизненно важную роль в культурной, гражданской и экономической жизни канадцев и осуществляет надзор за программами финансирования, направленными на поощрение культуры, искусства, наследия, официальных языков, участия граждан, молодежных и спортивных инициатив, а также языков и культур коренных народов. На долю искусств, культуры и наследия приходится 54,6 млрд. долл. и более 630 000 рабочих мест в таких секторах, как кино-и видеовещание, музыка, издательская

деятельность, архивы, исполнительское искусство, институты наследия, фестивали и торжества.

Программы финансирования на официальных языках содействуют развитию французского и английского языков в канадском обществе и развитию франкоязычных и англоязычных общин в условиях меньшинств. В 2016-2017 гг. программы финансирования официальных языков поддерживали «New Africa», организацию, которая стремится продвигать виды искусства, созданные франкоязычными художниками в Торонто. Проект «поэзия в действии» позволил 30 молодым французам принять активное участие в процессе создания мюзикла от начала до конца.

В течение 2016-2017 гг. федеральные учреждения продолжали нанимать рабочую силу, отражающую разнообразие населения Канады. Что касается различных показателей, то федеральные учреждения не только выполняют требования в отношении практики найма и представительства, изложенные в законе о равенстве в области занятости, но и превышают их, обеспечивая учет особенностей разнообразия в политике, практике и услугах.

Западноевропейская модель. В Европе мультикультурализм стал выдвигаться в контексте, в котором, как представляется, потенциально участвуют три типа населения. С одной стороны, с конца 1960-х гг. начали восстанавливаться давние идентичности, в частности региональные, создавая образ «возрождения», требующего политического подхода. Некоторые из главных действующих лиц призывали к независимости и отделению, иногда насильственным образом; но часто в центре внимания оказывалась идея о том, что, как представляется, можно установить другие типы отношений между государством и регионами. С другой стороны, присутствие мигрантов в Европе дало возможность требовать их признания в качестве большего, чем то, что в Германии именовалось «гастарбайтером» или во Франции «трудящимися-иммигрантами». Наконец, культурные изменения придали новый смысл женским протестным движениям и привели к появлению гомосексуальных движений, которые затрагивают третий набор культурных тем, которые, вероятно, найдут свое место в образе мультикультурализма.

Тридцать лет спустя перспективы изменились. Региональные

или аналогичные националистические движения либо пришли в упадок, либо играют политическую роль, которая привела их далеко за рамки требований культурного признания, как мы можем видеть сегодня в Каталонии или Шотландии.

Швеция часто изображается в качестве одного из наиболее видных представителей официально провозглашенной многокультурной политики. В самом деле, шведский случай наряду с Канадой и Австралией был отмечен как модель позитивной многокультурной интеграции иммигрантов [12]. Швеция также часто упоминалась (вместе с Великобританией и Нидерландами) как одна из европейских стран, которая в послевоенный период наиболее качественно осуществляла мультикультурную практику [13]. Политические процессы, последовавшие за террористическими нападениями в 2001 г., коренным образом изменили эту стандартную историю, и теперь принято характеризовать мультикультурализм Великобритании и Нидерландов как отступление. Однако когда дело доходит до описания нынешнего состояния мультикультурализма в Швеции, эксперты обычно либо дают довольно неопределенную или расплывчатую картину, либо считают, что страна представляет собой нечто вроде исключения из общей европейской тенденции отступления от предыдущей мультикультурной политики [14]. Поэтому, во-первых, широко распространена идея о том, что Швеция представляет собой один из самых ярких примеров мультикультурализма иммигрантов в Европе, и, во-вторых, что этот политический подход в Швеции, в отличие от других стран, остается не тронутым «кризисом мультикультурализма», который наблюдался во всем западном мире с начала тысячелетия. Выделим основные проблемы мультикультурализма в современной Швеции.

1) Шведские политики продолжают изображать Швецию либеральным и толерантным раем. Однако опыт пригородов, где проживает большинство мигрантов, показывает, что значительная часть населения Швеции не является частью шведских либералов и феминисток. На самом деле исламисты преследуют их каждый день. В этих общинах отсутствует терпимость.

2) Проблема в том, что те, кто управляет Швецией, не происходят из иммигрантских пригородов, где люди не могут жить как

свободные граждане, и не имеют никакого интереса к этим пригородам. ЛГБТ-движение и феминистское движение предпочитают подавлять тех, кто протестует против исламского угнетения в иммигрантских пригородах Швеции.

На сегодня в странах Западной Европы все еще существуют проблемы на почве этнических и расовых вопросов в европейском обществе. Примеров достаточно, которые соответственно опровергают поспешные заявления 1980-х и 1990-х гг., когда многие специалисты стали говорить об их исчезновении. Биологический расизм еще присутствует; он даже присутствует в выступлениях актеров, которые мобилизуют, явно ссылаясь на цвет своей собственной кожи. Борьба против расизма больше не может основываться на многокультурных проектах, поскольку речь идет не о признании культурных, а расовых различий. Культура замаскирована природой, и мультикультурализм не является ответом. В социальных науках расизм может рассматриваться как социальная конструкция, которая позволяет избавиться от обвинений в расизме. Принятие идеи, что раса принадлежит к области социальных представлений, не означает, конечно, принятия идеи расы как таковой; идея состоит в том, чтобы сделать его элементом культуры и общества данной группы. Но это не дает нам права говорить, что раса стала элементом культуры.

Кроме того, важнейшей проблемой в Европе стала религиозная реальность, а именно ислам. Эта религия, к которой принадлежат многочисленные мигранты и их потомки, а также некоторые новообращенные, требует институциональных рамок, которые уже не могут быть объяснены только мультикультурализмом. Религия, вера и возможности ее практиковать – это не то же самое, что культура.

Так, в Великобритании случился переломный момент, когда потрясенная обстоятельствами страна обнаружила, что главные действующие лица террористических нападений в июле 2005 г. родились и жили в Англии, что они не пришли откуда-то еще, как в нападениях 11 сентября в Соединенных Штатах. Вслед за тенденцией к отказу от мультикультурализма был поставлен под сомнение и, вместе с ним, политика в пользу общин, включая и особен-

но мусульман. Фактически по всей Европе ислам в значительной степени начал восприниматься, как посягательство на культурную целостность нации, угроза – более того, насильственная – которая, по-видимому, поощряется многокультурной политикой.

Даже в странах, которые с самого начала выступали в их поддержку, таких, как Нидерланды или Великобритания, эта политика подвергалась критике со стороны властей. Так, в течение нескольких недель один за другим, в 2011 г. три главы государств – Дэвид Кэмерон, Ангела Меркель и Никола Саркози – почти в одинаковых выражениях заявили, что мультикультурализм потерпел неудачу. В каждом случае в центре их внимания находился ислам. Страх перед исламом может быть источником общей враждебности к любому признанию различий и, следовательно, к мультикультурализму. Но даже там, где ислам не является источником страха и неприятия, хотя и источником обсуждения, мультикультурализм не является подходящим ответом, поскольку речь идет о знании того, как религия может или не может найти условия своей практики, а не о признании или отсутствии культурной специфики.

Наконец, мультикультурализм ослаблен в той мере, в какой основные проблемы, подлежащие решению в рамках этой политики, находятся в пространствах, которые необязательно совпадают с классической сферой общественной деятельности, создаваемой национальным государством. Различия, признаваемые мультикультурализмом, могут проявляться и на другом уровне; это можно увидеть, например, в вопросе о цыганах Рома в Европе.

Преимущество мультикультурализма, что бы ни говорили его критики, состоит в том, что он обеспечивает правовую и институциональную основу для признания в противовес гораздо более расплывчатой концепции «плюрализма» [15].

Но есть ли другие перспективы, которые позволили бы нам взглянуть в лицо этим культурным различиям, признав их, не принимая форму мультикультурализма? Один из подходов здесь связан с темой культурных прав и заключается в том, что они должны предоставляться отдельным лицам, а не группам, и уж тем более руководителям, которые их представляют. В этом контексте, каждый волен делать свой собственный выбор, придерживаться куль-

турной идентичности, которая их устраивает, это право, которое другие права могут быть добавлены в отношении доступа к образованию, питанию, здоровью и т. д. Факт остается фактом: несмотря на то, что в Европе и Северной Америке мультикультурализм снижается в общественном обсуждении, в других странах, как уже здесь упоминалось, он растет, в частности в Латинской Америке, что означает, что он по-прежнему заслуживает дальнейшего изучения. Независимо от того, идет ли речь об индейцах или выходцах из Африки, в частности в Карибском бассейне, вопрос о различиях стал центральным вопросом в общественной жизни в тех местах, где он, как правило, не имеет большого значения и в настоящее время связан с очень горячими дискуссиями о социальной справедливости, доступе, например, к учебе или с другими вопросами, касающимися памяти и истории страданий многочисленных групп.

Литература

1. Hughey M.W. White backlash in the «post-racial» United States // *Ethnic and Racial Studies*, 2014. – P. 721-730.
2. Steinberg S. The long view of the melting pot // *Ethnic and Racial Studies*. - 790 p.
3. Gans H. Symbolic Ethnicity // *Ethnic and Racial Studies*, 1979. – Pp. 1-20.
4. Петриковская А.С. Австралийский Мультикультурализм: опыт этнической политики // *Этнографическое обозрение*. – 1993. – №2. – С. 35-40.
5. Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs (DIMIA), 'The Policy Context' in Report on the Review of Settlement Services for Migrants and Humanitarian Entrants, chapter 1, DIMIA, Canberra, 2003. – Pp. 23-35.
6. Скоробогатых Н.С. Мультикультурализм в австралийском союзе: новый XXI век, старые проблемы // *Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития*, 2011. – С. 241-261.
7. Racial Discrimination Act 1975 (Cth) cited in M Lopez, The origins of multiculturalism in Australian politics 1945-1975 // Melbourne University Press, Carlton South, 2000. - 452 p.
8. The Australian Ethnic Affairs Council, Australia as a multicultural society, submission to the Australian Population and Immigration Council on

the Green Paper, Immigration Policies and Australia's Population, Australian Government Publishing Service, Canberra, 1977. – Pp. 1-19.

9. Department of Immigration and Multicultural and Indigenous Affairs (DIMIA), Annual Report 2002-03, DIMIA, Canberra. – 2003. – Pp. 103-121.

10. Australian Government, Multicultural Australia: united in diversity updating the 1999 New agenda for multicultural Australia: strategic directions for 2003–2006. – P. 1.

11. Малахов В. Парадоксы мультикультурализма // Иностранная литература. – 1997. -№1. – С. 171-175.

12. Лапин Д.В. Мультикультурализм: политическая концепция и научный феномен // Идеи и идеалы, 2013. -№2 (16). – С. 20-26.

13. Хлыщева Е.В. Мультикультурализм – глобальный вызов для Европы // Известия Волгоградского государственного педагогического университета, 2009. – С. 63-67.

14. Коробейникова Л. Культурное разнообразие в контексте мультикультурализма // Известия Томского политехнического университета, 2012. – С. 197-200.

15. Wiewiorka M. Multiculturalism: A Concept to be Redefined and Certainly Not Replaced by the Extremely Vague Term of Interculturalism. How does Interculturalism Contrast with Multiculturalism? // The Journal of Intercultural Studies, 2012. – P. 36-49.

Амребаев А.М.

О КАЗАХСКОМ ГРАЖДАНСКОМ САМОСОЗНАНИИ КАК ОСНОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАЗАХСТАНА

Человечество в современных условиях наступлении постглобальной эпохи стоит перед проблемой преодоления последствий унилатерального политического проекта и неолиберального экономического дискурса со стратегией вымывания культурного разнообразия мира.

По выражению российского международника Сергея Караганова единственно возможным вектором развития России, да и других государств, для сохранения устойчивости и потенциала будущего развития является «неоизоляционизм». Он пишет: «Это значит – рубить по возможности все точки внешней уязвимости и заниматься своими внутренними делами, экономическим возрождением и формированием идеологии. В нынешнем мире, который на глазах теряет стабильность, любое вовлечение есть не актив, а пассив. Любое! Даже если покажется, что вы где-то побеждаете, эти победы будут стоить дорого, и они преходящи. Поэтому стратегия на ближайшие два-четыре года – максимальное отгораживание от внешнего мира и концентрация на решении своих проблем. Это единственный на сегодня путь»¹...

В этом ряду, в этих непростых условиях, еще сильнее актуализируется в Казахстане вопрос о поиске идейного основания нашей национальной конструкции, модели суверенного развития. Хотел бы коснуться в этой связи такого чувствительного вопроса для Казахстана как судьба нации и способ ее самосохранения. Ведь мы постоянно испытываем на прочность наши «символы веры», при том что эти «наши последние бастионы» нами самими к сожалению воспринимаются как нечто второстепенное, где «идеологическая лояльность» внешним уязвимостям оказывается важнее внутренних потребностей развития страны.

¹ Сергей Караганов «Мировой шторм» и «русский кураж», - «Россия в глобальной политике», 28.10.2020.

Продвижение «русского мира» из абстрактных рассуждений в область *real politik* в России как во внутренней, так и во внешней политике ближайшего круга соседей, отдается в нашей толерантной социальной конструкции завидным терпением и «молчанием ягнят» в ответ на явное идеологическое наступление на наши национальные интересы.

У нашего восточного соседа широко и с размахом осуществляются беспрецедентные шаги по воплощению новой «китайской мечты» по возрождению величия Поднебесной, с опорой на ханьский национализм, не принимающий никаких оговорок на прежние коммунистические идеалы пролетарского интернационализма, например, в отношении малых народов Китая в том же Синьцзяне, внутренней Монголии или Тибете...

Полагаю, что в этой ситуации особенно актуализируется сегодня вопрос о формировании цельной идеологической конструкции национальной идеологии в Казахстане, которая бы опиралась, прежде всего, на этнокультурную почву, то есть, того исконного человеческого интеллектуального ресурса и социального капитала, который лежит в основе нашей государственности и отличает нас от других. Полагаю, что мы не должны, как прежде, исходить из политкорректности, исходя из принципа Премудрого Пескаря Салтыкова-Щедрина: «как бы чего не вышло»... Наше государство и нация вправе всерьез заявить о своем национальном видении на десятилетия вперед, определить ключевые опорные точки развития, исходить из наших национальных интересов, а не устаревших идеологических догм, будь-то коммунистические постулаты «дружбы со всеми» или неолиберальные концепты, подрывающие основы сильной государственности.

Мы видим на примере ряда соседних стран, что государственная система как совокупность сориентированных во вне и «ведомых» институтов, подвержена коррозии и достаточно быстрому разложению в условиях наступления «часа X». В итоге «в сухом остатке» остается неудержимая социальная энергия, которая стоит перед выбором либо «внешнего управления» или хоть каком-то «канализировании» общественных чаяний в область принятия решений с внятным идеологическим обоснованием, то есть зна-

нием о том, кто мы? куда идем? что хотим? и на что можем надеяться? Думается, первый шаг руководства страны о формировании «слышащего государства» являясь безусловно позитивным шагом, нуждается в дальнейшем в формировании в стране «государства думающего», «государства нравственного» и, наконец, «государства деятельного»...

Для чрезмерно толерантного казахского самосознания сегодня наступает непростой экзистенциальный выбор между растворением себя в истории или принципиальном отстаивании своего права на суверенную идентичность.

С этой точки зрения аморфные «заклинания» прошлого о реформах ради реформ, где «движение все, а цель ничто», где обществу внедряются мысли о страхе перед изменениями и необходимости, например, межнациональной социальной стабильности любой ценой без общих объединяющих целей и ценностей, «самовозбуждении» энергии развития и принятия единой судьбы каждым гражданином страны, сегодня выглядят весьма неубедительными и зыбкими. Ведь мы, как гласит китайская поговорка, хоть и «спим под одним одеялом, но видим разные сны»... И наши люди голосуют ногами, покидая эту «зону дискомфорта» в поисках нового Жерұйық – «земли обетованной», как когда-то наш предок Асан-Қайғы...

Очевидно любого казаха сегодня чрезвычайно заботит дискомфорт существования как выживания на родной территории и напрягает то, как нас и нашу страну интерпретирует «юродивый комик», позволяющий себе попираť символы нашей государственности и смеяться над политикой страны... Приходится задуматься над тем, состоятельны ли мы и можем ли мы на что-то рассчитывать со своим миролюбием и толерантностью ко всему и вся?

В-первую очередь необходимо с горечью констатировать, что казахи в собственной стране еще не обрели статус нации. Согласно сталинской теории национальной политики казахи до сих пор рассматриваются в нашей республике в качестве одной из национальностей, проживающих в стране, а не системообразующим, ответственным за все, что здесь происходит, остоном, становым хребтом суверенности. Наш статус стыдливо ограничен понятием

одного из этносов данной территории. Поэтому и любые устремления казахского народа к новой качественной ступени самоидентификации рассматриваются как «декоративная этничность», неполноценная нация.

Необходим объективный подход к данному вопросу. Полагаю неточным доминирующий дискурс исследований наших теоретиков, которые противопоставляют этническую идентичность гражданской в этом контексте. Казахская идентичность противопоставляется казахстанской. Это следствие устаревшего ленинского подхода к национальной политике в рамках так называемого «пролетарского интернационализма», правда уже избавленного от «пролетарскости» в условиях либеральной трансформации общества. Ныне принято утверждать, что в Казахстане формируется внеэтническая гражданская всеобщность «казахстанцы», подобная тому как в Советском Союзе формировалась идеологическая общность «советский народ». Считаю это тупиковым путем, ограничивающим потенциал национального развития нашего народа. Данное состояние вряд ли можно назвать нормальным, когда юридически мы закрепляем за казахским языком статус государственного языка, а на практике он является одним из многочисленных невостребованных языков. В реальной действительности, не смотря на подавляющее в демографическом отношении доминирование казахского народа в Казахстане, казахи все еще остаются на правах «пасынка» в собственной стране. Наше государство до сих пор не стало казахским. Оно рассматривается полиэтничным, многонациональным образованием в котором продвигаются права всех этносов, кроме системообразующего, давшего название этому государству и основанного на казахской территории исторически. Не смотря на то, что у нас унитарное государство наша национальная идеология, если есть таковая, сориентирована на «усмирение энергии народа внутри», а не на созидание собственного проекта будущего, исходя из наших национальных интересов.

Одним из негативных результатов такой политики «интернационализации» стало формирование в стране многочисленных этнических анклавов и диаспоральное расщепление народа. Ни для кого не секрет, что у нас существуют такие анклавы со своей

формой идентификации, отличной от официально декларируемой. И они являются постоянным источником социальной дестабилизации. Последним красноречивым примером подобной ситуации являются события, развернувшиеся в Кордайском районе Жамбылской области. Становление моноэтничного дунганского анклава в этом районе стало детонатором насильственных действий со стороны доминирующего в области молодого казахского населения, не нашедшего конструктивных ответов на создавшееся ныне положение. Мы должны признать, что данные образования и игнорирование в них статуса казахского народа как единственного народа в Казахстане, обладающего статусом нации со всеми необходимыми атрибутами государственного самоопределения, приводит к негативным последствиям.

У казахов есть емкое понятие «Қара Шаңырақ»), которое олицетворяет отчий дом, безусловные ценности родины, любовь к родному языку и своим традициям, социальную солидарность людей, их взаимную поддержку, как в минуты радости, так и горя. И в этом значении наша идеология исходит из понимания и признания приоритета принадлежности к этому сакральному знаку «Қара Шаңырақ»). Примечательно, что одним из лейтмотивов недовольства казахской молодежи во время событий в Караганде, когда армянские молодчики убили парня-казаха, было краткое как выстрел, требование: «Шаңыраққа қарасын!».

Другим ярким примером вопиющего игнорирования юридического статуса нашей нации является распространенный ныне факт получения некоторыми нашими гражданами гражданства соседней страны, путем официальной раздачи паспортов другим государством в разрез запрету двойного гражданства в Республике Казахстан. Сейчас уже свыше 15 тысяч таких людей зафиксировано органами внутренних дел Казахстана. Я имею в виду законодательно закрепленный Государственной Думой прецедент облегченного предоставления гражданства Российской Федерации так называемым «соотечественникам» юридически являющимся гражданами Казахстана. Следующим шагом на этом пути является формирование моноэтнических анклавов с двойной лояльностью, которые уже завтра могут заявить о сепаратистских претензиях,

подобно прецедентам, произошедшим в различных постсоветских странах, например, таких как Грузия, Украина, Молдова. Мы все прекрасно знаем, к чему это может привести. В качестве красноречивого ответа на данную практику можно привести пример, как в Китае «наводят порядок» среди казахов Синьцзяна, имеющих либо два паспорта (китайский и казахский) или даже только вид на жительство в Казахстане...

Существует ли альтернатива подобной политике «интернационализации» нашей страны? Как известно, на заре Советской власти на территории нашего государства были провозглашены несколько государственных образований, среди которых Туркестанская (Кокандская) автономия в составе России, Алашская автономия казахов и Казахская АССР (на основе Советской власти). Эти три образования в качестве основы своей этнополитики рассматривали разные основания. Первая, - Туркестанская автономия, формировалась на основе цивилизационной общности народов Центральной Азии и в ее состав входили народы с разным этнокультурным происхождением, но общими историческими и религиозными корнями, например, консолидирующей роли ислама, общей исторической судьбы и культурной идентичности народов. Алашская автономия становилась как в основном моноэтническая государственность, провозглашавшая приоритет казахской гражданской идентичности и осуществление буржуазно-демократической трансформации, предоставляющей всем народам автономии равные гражданские права при признании государствообразующей роли казахской нации в полном объеме. Третья, Казахская АССР являлась воплощением сталинской теории нации на интернациональной основе равенства всех национальностей на основе классовой идентичности. Как известно, большевики провозглашали принцип «отсутствия у пролетариев национальности» и конечной целью ставили формирование надэтнической общности «советский народ».

Говоря о современном этапе этнополитики и перспективах нациестроительства в Казахстане, хотелось бы отметить, что в настоящий момент завершается постсоветский этап национальной истории, в том числе и этнической истории. По-мнению за-

падной исследовательницы Марлен Ляруэль, мы выходим на этап постсоветскости, который символизирует собой наступление «подлинного суверенитета» народов. Это несомненно будет связано с обретением казахским народом своей субъектности в качестве гражданской нации. Этому, в первую очередь, способствует демографическая динамика, качественный рост казахской нации (такие показатели как образование и улучшение качества жизни казахского народа), а также адекватная культурная политика, опирающаяся на объективные потребности растущего количественно казахского народа в качественной состоятельности как единственной нации Казахстана, наряду с обретением равноправного гражданского статуса представителями различных этносов, проживающих в стране и связывающих свою судьбу с этим государством. То есть речь идет о постепенном формировании казахского государства и преодолении искусственной советской идеологемы «казахстанскости».

Говоря о демографических изменениях в социальной структуре нашего общества складывается следующая динамика в разрезе различных этнических групп. Например, за последние годы в Казахстане численность увеличилась у казахов на 53,7%, у узбеков на 56%, у уйгуров на 26,4%, у корейцев на 8,5%. При этом численность русских сократилась на 20,1%, украинцев на 49,5%, немцев на 49,6%, татар на 19%. Общая численность населения в Казахстане увеличилась с 14 955 105 в 1999 году до 18 784 972 человек в настоящее время. По официальным оценкам на начало 2020 года в общем населении Казахстана соответственно доля казахов составляет 68,51 %, русских 18,85 % и представителей других национальностей 12,63 %. Очевидно, что численность казахского населения будет существенно увеличиваться и соответственно этому расширится сфера казахского социального пространства, что аргументирует потребу институционализации этого объективного факта в становлении казахской нации и государства.

Хотелось бы также сказать о том, что опираясь на представленные демографические тенденции и степень интенсивности экономических контактов Казахстана и культурно-поведенческой ориентации жителей, то уже в ближайшей перспективе, как я полагаю, ментальные предпочтения большинства населения изменятся. Доминирую-

щими культурными трендами станет формирование синкретичной азиатской идентичности во всем регионе Центральной Азии, в том числе и в Казахстане. Мне кажется, достаточно значимым станет фактор активного социально-экономического взаимодействия с Китаем. Форматом самосохранения своей культурной самоидентификации в этих условиях может быть долгосрочная стратегия со стороны государства по поддержке «казахскости» и проектирования гармоничной светской модели идеологии, сочетающей умеренную мусульманскую идентичность и светский характер государства. В целом же считаю, что основным содержанием государственной культурной политики могут быть две взаимосвязанные просветительские модели, - с одной стороны, просвещенная ретрадиционализация, позволяющая критически осознать и укрепить традиционные основы казахской ментальности и поведенческих стереотипов, например, в физическом и духовном воспитании подрастающего поколения, этическом кодексе нации, и с другой, модернизация общественного сознания, связанная с адаптацией передовых культурных моделей, социальных инноваций и знаний в общественную практику нации.

В этом процессе особое значение будет иметь процесс осознания всеми гражданами страны своей особенности как представителей казахской нации. Полагаю, что на данном этапе сохранится тренд поддержки мультикультурной и полиэтнической основы казахской нации. Исторически и культурно сама этимология слова «қазақ» предполагала выбор народами разного этнокультурного происхождения и вероисповедания «казакского образа жизни», как свободного, предоставляющего широкие возможности для самовыражения и идентификации. Конструирование казахской нации предусматривает пробуждение таких важных демократических атрибутов как гражданское самосознание, патриотизм, овладение государственным языком и его повсеместное использование, реализация внутренней и внешней политики на основе приоритета национальных интересов, осуществление прочной экономической базы для национальной состоятельности и территориальной целостности, а также защиты национальной безопасности, в том числе и информационной, опора на национальную идеологию, основанную на ценностях и ментальности казахов, сохранения и обогащения национальных традиций нашего народа.

KAZAKH DIASPORA: THE HISTORY OF FORMATION AND CURRENT SITUATION

The current population of **Kazakhstan** is **18,438,089** based on the latest United Nations estimates. Kazakhstan ranks number **63** in the list of countries (and dependencies) by population. The population density in Kazakhstan is 7 per km² (18 people per mill²). The total **land** area is 2,699,700 Km² (1,042,360 sq. miles). **49.9 %** of the population is **urban** (9,182,798 people in 2018). The **average age rate** in Kazakhstan is **29.6 years** [1].

The formation of the Kazakh diaspora was a result of political reasons, economic reasons that contributed Kazakhs to migration. The Kazakhs experienced initial difficulties as migrants, but after a few years they were able to adapt to serious changes, including the transition from a nomadic to a settled lifestyle. While Kazakh migrants of the first generation were in more difficult conditions of transition, the later generations who had access to education in their host countries succeeded in various professions. The reasons for leaving the country are different, but the main thing for them is to keep their identity as Kazakhs. They speak Kazakh as their native language, support traditions and customs, and consider Kazakhstan their historical homeland. In many countries, they can even receive education in their native language, develop their national culture and traditions with the support of the host government. As a result, the diaspora has managed to preserve the Kazakh culture. However, the pace of globalization of the late 20th – early 21st century significantly influenced both the diaspora phenomenon and the development of methodological approaches in studying them. There is a process during which the “homeland” loses its rigid spatial, historical coordinates. Diasporas, integrating into new social, cultural conditions, are connected by extensive and complex networks. These networks, crossing the borders of states, serve as a channel of communication to meet social, cultural, educational, economic and other needs.

Current trends on the Kazakh diaspora abroad. In Kazakhstani political science, the interest in studying internal as well as interna-

tional and regional aspects that influence the development of interaction between sovereign Kazakhstan and the Kazakh diaspora abroad, especially in the context of progressive globalization and growing interdependence of states in ensuring national security, indicates the complexity of this issue. According to current data from the World Association of Kazakhs (WAK), over 5 million or 30-35% of the total number of Kazakhs live outside of Kazakhstan in 43 countries of the world. In Kazakhstan itself, there are more than 9 million indigenous people [7]. The estimates of the number of Kazakhs living outside the borders of the Republic of Kazakhstan are rather different. The highest number of diasporas (each with more than half a million people) of Kazakhs are in three countries of the near and far abroad: Russia is 647 732 people [101], the share of Kazakhs in Uzbekistani population in 2017 is 803.4 thousand people, or 2.50 % [102], and the largest group of the Kazakh diaspora lives in the territory of the XUAR of the PRC, the number of which is 1,557,457 people [8, c. 129]. The medium-sized communities (each a little more or less than 100 thousand people) are available in only two countries – Mongolia and Turkmenistan. In all other states, the number of Kazakhs was and remains insignificant. However, there is no exact information on the number of Kazakhs abroad. In places of compact residence of the Kazakhs, there is a rich historical and cultural heritage of the Kazakh people. The Kazakhs abroad are of great value to Kazakhstan, as they have preserved their language, customs and culture. Thus, Kazakhstan needs to continue and strengthen research in the field of diaspora study, contributing to the preservation of the Kazakh ethnical group. The ethnical differentiating features of diaspora members are: native language, religion, culture, history of origin, ideas about the native land, myths, national character and national cuisine. For the Kazakh diaspora, the following features can be considered as the principle of non-mixing of blood to the seventh generation (zheti ata), belonging to a particular a certain “Ru” (which means “kin”), which, in turn, is included in one of the three zhuzes (one hundred), and knowledge of their ancestry, or a genealogical tree – “shezhire”.

Diasporas are perhaps the most significant confirmation of the successful outcome of population migration. It can be assumed that the di-

aspora is at a disadvantage in relation to the local population. Often, the integration process makes it difficult to ignorance of the language, as well as their rights and obligations. The issues of transformation of traditional culture, current trends in ethnical and cultural processes, problems of ethnical psychology, ethnical politics, ethnical demography, identity, tolerance are of particular interest. *Thus, one of the goals of this chapter is to identify issues related to the Kazakh diaspora abroad in the following areas:*

1. The Kazakh diaspora:

a) is an ethnical self-identifying unit, assuming the existence of an ethno-cultural connection with both the country of residence and with the ethnical homeland;

b) whether there are institutions designed to ensure the preservation and development of the diaspora, including international character;

c) are there strategies for interaction with state institutions of both the country of residence and the “titular” state.

2. Is there an influence of diasporas on the internal policy of the state in the country of residence and on international relations.

3. Identify the features of the following factors: socio-economic situation in the country of residence of the diaspora; ethnical politics; the proximity or “remoteness” of cultures of the country of residence and the diaspora; the entry of the diaspora as a sub-system into the “world” diaspora (or the absence of this factor); potential (social, economic, cultural, institutional) of the diaspora. According to the above issues discussed, a comparative table was formed “Social, economic, cultural and political status of Kazakh diaspora in the countries of residence”.

Through a survey and interview, we can get an idea of living conditions of representatives of the diaspora. Further we will present results conducted during our research.

Table 1. - Social, economic, cultural and political status of Kazakh diaspora in the countries of residence

	Russia	China	Uzbekistan	Mongolia
Status of the Kazakh Diaspora				
Is the diaspora an ethnical self-identifying unit, assuming the existence of an ethnical cultural connection with both the country of residence and the ethnical homeland?	Yes	Yes	Yes	Yes
Are there institutions in place to ensure the preservation and development of the diaspora, including international character?	Yes	Yes	Yes	Yes
Are there strategies for interaction with state institutions of both the country of residence and the “titular” state	Yes	Yes	Yes	Yes
Is there influence of the Kazakh diaspora on the internal politics of states and on international relations?	Yes	Yes	Yes	Yes
Features of the diaspora in the country of residence	A feature of the Kazakh diaspora is that thanks to the genes of the nomadic civilization, Kazakhs successfully adapt to any country in the world. Nevertheless, they have always been and remain an ethnical minority, i.e. practically have no real political weight in the country of residence. Some foreign researchers claim that if the Kazakhs have any basic value, then this is the ideology of hereditary groups, and the Kazakhs can survive as an isolated subculture, while they follow the concept of belonging to special hereditary groups [4]			

According to Kazakhstani researchers and experts, Kazakhs abroad have achieved some success in the cultural and spiritual sphere. Previously, the policies of the states of these countries contributed to the preservation and development of national minorities. This is evidenced by the activities of cultural centers, the functioning of a number of media (newspapers, magazines, radio and television channels, Internet portals, etc.), the publication of books written by Kazakh scientists, etc. [9].

Living outside the homeland, the Kazakhs developed in a different historical framework, in completely different socio-economic and political conditions. The process of preserving ethnical identity in the Kazakh diaspora has several parameters: marriage and family, ethnical societies, schools, language and culture. That is, in this case we are talking about maintaining the mentality, because, being away from their historical homeland, many Kazakh diasporas have many chances to simply dissolve in their country of residence. And therefore, the way out of this situation is either teaching their children in schools in their native language, or returning to Kazakhstan. In addition, the linguistic problem of representatives of Kazakh nationality is associated with the alphabet, and more precisely, with three different alphabets: Cyrillic, Latin and Arabic script. So, Kazakhs living in China and Iran use Arabic graphics, Kazakhs in Turkey use Latin letters, and Kazakhs living in the CIS use Cyrillic letters. This phenomenon, existing for a long time, complicates the process of rapprochement both between the Kazakh diasporas and with their relatives in Kazakhstan [10, p.289].

At the same time, we have to admit that the situation of Kazakhs has worsened recently. Difficulties in obtaining education in the native language, preserving national characteristics, subsequently, leads to a decrease in the number of Kazakhs returning to the land of their ancestors. As noted by Kazakhstan expert Talgat Mamashev, Kazakhstan subsequently may permanently lose the diaspora abroad, and this is 30% of the entire Kazakh ethnical group [7]. So, for example, among Kazakhs living in neighboring Uzbekistan, the main problems are related to obtaining education in their native language, limiting subscription to periodicals in their native language. These are problems in the field of culture, literature, art, socio-economic problems. Even in very densely populated by Kazakhs regions of the republic - Karakalpakstan, Tashkent, Navoi regions, the number of leaders - representatives of the diaspora has significantly decreased in recent years. They are dismissed from senior positions, high-paying or prestigious posts. The Kazakh diaspora perceives what is happening as an infringement of their social and political rights, and such actions by the authorities can lead to social tension in the country, especially in places where Kazakhs are densely populated. An indirect confirmation of this is the increase in

the number of interethnic conflicts at the household level. Moreover, additional problems in education are caused by the fact that since 1996 formal education in Uzbekistan has been transferred to the Latin alphabet. Thus, these difficulties negatively affect the development of the Kazakh native language in Uzbekistan.

The main problem of the Kazakh population of Russia can be considered the problem of language. For example, Kazakhs do not need further use of their native language due to several subjective and objective reasons, since the Russian language fully satisfies all their communicative needs. The process of losing their native language among Russian Kazakhs has gone so far that it seems irreversible. It is an integral part of the general process of acculturation and Russification of Russian Kazakhs. Among Russian Kazakhs, the phenomenon of ignorance of the language of their nation, culture and customs of the Kazakh people has developed, despite the fact that many seek to know Kazakh culture more deeply. Especially tribal consciousness is currently poorly expressed among Russian Kazakhs, young people sometimes do not have knowledge not only of their zhuz, but do not have a clue about the existence of zhuz in general. Only a few know their ancestors until the seventh generation, and have no idea about exogamous prohibitions. Nevertheless, Russian Kazakhs have a deep ethnical identity and a clear ethnic identity.

It should be noted that the history of ethnographic study of Kazakhs of Russia did not become the subject of a special study. An important area of research is the study of the culture, customs and traditions of Russian Kazakhs, which will allow us to identify the main aspects and principles of research on the study of Kazakh diaspora in Russia.

The study of the history of the ethnographic study of Kazakhs in Russia needs further development of this problem, since it is a promising area in modern ethnological science in both Kazakhstan and Russia.

Ethnic Kazakhs in China are patriotic, they prefer their children to get higher education in Kazakhstani universities. However, the continued growth of the population of Xinjiang by Han immigrants from the interior of China is the reason for the expansion of Chinese educational institutions, the collapse of national schools, classes, groups, faculties and departments at universities, and the reduction of periodicals in the Kazakh language.

The frequent appeals on various problems of ethnical Kazakhs in China to the diplomatic departments of Kazakhstan and China indicate alarming trends. One of the painful problems is related to increased pressure on ethnical minorities in the XUAR. According to Kazakh expert Aidar Amrebaev: “This topic is multi-layered, complex, we can not say: the Chinese are putting pressure on the Kazakhs. They put pressure on the Han. In China, a system of social credit of trust has been created, when the information system of large databases and data tracks the behavior of citizens, their loyalty to the state. From my point of view, this is a limitation of human rights, but this is an internal affair of China” [8].

At present, the ethnical factor is becoming increasingly important in the interaction between states, and the problems of diaspora require special attention. The state, problems and standard of living of our compatriots are different depending on the country of residence, which is directly related to the political and socio-economic development of their state of residence.

One of the vectors of the foreign policy of our republic is the study of historical and contemporary problems of the Kazakh diasporas in different countries. The policy of the state of residence in relation to the Kazakh diaspora is assessed as one of the most important policy indicators in relation to the historical homeland of the Kazakh diaspora, which is reflected in the adoption of foreign policy decisions. The basis of this policy, which Kazakhstan has steadily adhered to all these years was founded by the First President of the Republic of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev.

A special place in strengthening ties with the Kazakh diasporas and resolving their problems belongs to the World Association of Kazakhs (WAK). The main objective of the World Association of Kazakhs is to establish ties with ethnical Kazakhs living outside the historical homeland in the spiritual, cultural, scientific, educational and entrepreneurial spheres, which attaches great importance to the collection and promotion of the spiritual heritage of the Kazakh diaspora. The cultural ties between Kazakhs around the world are maintained thanks to the World Association of Kazakhs. The World Association of Kazakhs, for many years, has been carrying out a huge cultural, educational and enlightening work among the Kazakh diasporas abroad.

The importance and significance of studying the historical and modern problems of the Kazakh diaspora lies in the fact that they are an integral part of the entire Kazakh people, which have common historical and cultural roots, and their fate is successfully connected with the fate of the Republic of Kazakhstan.

References

1. World Population Review // <http://worldpopulationreview.com/countries/kazakhstan-population/> (дата обращения: 17.09.2020).

2. Мамашев Т. Казахской диаспоре за рубежом нужна поддержка в сфере культуры // <https://www.inform.kz/ru/kazahskoy-diaspore-za-rubezhom-nuzhna-podderzhka-v-sfere-kul-tury> (дата обращения: 22.09.2020).

3. Ракишева Б. Некоторые аспекты этничности казахов Китая // Центральная Азия и Кавказ. - 2015.- Т.18, вып. 2. - С. 128-146.

4. Концепция внешней политики РК на 2014 - 2020 годы // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31499136 (дата обращения: 07.10.2020).

5. Askhat G., Shukyzhanova A.N. Foreign Diasporology about Kazakhs // Вестник КазНПУ им. Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки». –Алматы, 2019. -№3 (62). - С. 284-292.

6. Ракишева Б. Казахская диаспора и иридента в России // <http://www.postsoviet.ru/page.php?pi> (дата обращения: 08.10.2020).

7. Барлыбаева Г.Г. Особенности духовного и этнокультурного бытия казахов России. Шетел қазақтарының құндылықтық әлемін зерттеудің ғылыми әдіснамасы // Қазақ диаспорасының заманауи эстетикалық және этикалық құндылықтары. Дөңгелек үстел материалдары. - Алматы: ҚР БҒМ ҒК ФСДИ, 2013. – 216 б.

8. Амребаев А. Наше дело, или К чему может привести ситуация с нацменьшинствами в Китае // <https://www.caravan.kz/gazeta/nashe-delo-ili-k-chemu-mozhet-privesti-situaciya-s-nacmenschinstvami-v-kitae-481911> (дата обращения: 17.10.2020).

9. World Association of Kazakhs // https://ru.wikipedia.org/wiki/Всемирная_ассоциация_казахов (дата обращения: 19.10.2020).

10. Послание Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева народу Казахстана: «Рост благосостояния граждан Казахстана является основной целью государственной политики». - Астана: Акорда, 2008, февраль - 06 // <http://akorda.kz> (дата обращения: 21.10.2020).

ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЭТНОПОЛИТИКИ В ПОСТСОВЕТСКОМ КАЗАХСТАНЕ

Трагические события, произошедшие на юге страны в феврале 2020 года, вновь актуализировали тему государственной политики в сфере межэтнических отношений. Если раньше межэтнические конфликты в Казахстане заканчивались без жертв, то последний, впервые за почти тридцать лет независимости привел к гибели более десятка человек и бегству нескольких тысяч людей, представителей одной из этнических групп за пределы из страны. В итоге, национальная политика Казахстана в решении межэтнических проблем, обеспечении межэтнического согласия, толерантности и консолидации общества получила чувствительный удар. Выстраиваемая государством «модель межэтнического согласия» оказалась под прицелом СМИ всего мирового сообщества. И как бы власть не старалась перевести все на банальную «бытовуху», но произошедшие события в селах Джамбульской области нанесли серьезный урон имиджу страны, олицетворявшей собой «территорию мира и согласия».

Еще двадцать пять лет тому назад в своем докладе на первой сессии Ассамблеи народов Казахстана, анализируя этнополитическую ситуацию в стране после обретения Казахстаном суверенитета, Первый Президент страны – Ельбасы Н.А. Назарбаев указал на существование трех подходов к решению национально-этнического вопроса: «Первый – когда некоторые страны проводят политику «выдавливания» многонационального населения, что никогда не было присуще казахстанскому народу, по-братски принимавшему переселенцев. Второй – вообще не придавать значения национальному вопросу и надеяться на то, что проблемы отпадут сами собой. Но и это невыход. Нам остается только третий, единственно верный путь, по которому мы идем, требующий трудоемкой и кропотливой работы. Это поиск точек соприкосновения, расширения зон согласия и доверия между народами. Без политики согласия и разумной национальной стратегии мы не сможем решить никаких

задач» [1, с. 257]. Однако в феврале 2020 года «первый подход» в отличие от «второго» и «третьего» (которые в силу тех или иных причин были нереализуемы – *Е.Б.*), оказался «услышанным» отдельными представителями государствообразующего этноса, решивших изменить свои социально-экономические проблемы за счет другого этноса и «выдавить» их из страны.

Этнополитика в постсоветском Казахстане, как и в других постсоветских республиках всегда находилась и находится в подвешенном состоянии. Это очень тонкий аспект национальной политики любого современного государства. Неслучайно в 2003 г. Первый Президент РК – Ельбасы Н.А. Назарбаев, выступая на десятой Сессии Ассамблеи народов Казахстана акцентировал внимание казахстанской общественности на угрозах межэтнических отношений в Казахстане. В качестве третьего вызова был назван вопрос о том, удастся ли в будущем сохранить разумное сочетание интересов казахской нации и десятков этнических диаспор, которые многие поколения живут в Казахстане [1, с. 432].

Однако по существу национальная политика в сфере межэтнических отношений (и это необходимо признать) была пущена на самотек. Она была, но постольку поскольку. Власть уповала на менталитет казахов и его толерантность, но забыла, по сути, об экзистенциальных аспектах казахского бытия: его экономического благосостояния и уверенности в завтрашнем дне.

За почти три десятилетия независимости так и остались нерешенными самые насущные проблемы казахской нации. Живя на своей земле, большинство казахов остаются самыми бедными гражданами страны (за исключением крупных государственных чиновников и их родственников). Не решён до конца вопрос о государственном языке. Не решён жилищный вопрос. Многие казахи не имеют собственной крыши над головой. Отсюда и проблемы – Бакая, Шанырака, Акбулака и других «дистриктов» Страны Великой степи. Как создавать семью, как растить детей, как строить планы на будущее? А от решения этого вопроса во многом зависит судьба не только казахов, но и благополучие, и покой всех этносов, проживающих в Казахстане.

Основная масса казахов оказалась на обочине приватизации, персонализации собственности, финансово-кредитных ресурсов,

накопления и оборота капитала. К казахам с опозданием приходит осознание своей унижительной социальной обделенности в результате рыночных реформ государства, унижительности своего материального и культурного положения в родной стране. Как мы видим, в Казахстане сложились объективные условия для социального взрыва. Вопрос только в том, насколько динамично будут развиваться субъективные факторы, стихийные и организованные формы движения и действия массы людей. В этом процессе, безусловно, будет доминировать национальный и этнический фон, процесс объединения на основе защиты национальных интересов. Поэтому власть не должна уходить от решения проблем титульной нации. Маргинализация и пауперизация титульного этноса – вот тот самый ресурсный фактор дестабилизации межэтнических отношений в Казахстане. И эта «гремучая смесь» из самых разных социально-маргинальных элементов, оказавшихся «на обочине» общественного развития может «взорвать» мир и относительную политическую стабильность в стране. И эти проблемы должны найти свое решение [2, с. 80-82].

Да, межнациональные отношения всегда выступали одной из наиболее сложных проблем, как в истории человечества, так и в условиях современного информационного общества. Они не знают решений, принятых однажды и навсегда. В то же время они чужды модели «прокрустова ложа», т.е. попыткам втиснуть в какую-то простую форму, «подправив» их, так как это делал разбойник Полипемон: что-то подрубил, что-то вытянул – и готово. Неудачной выступает, и попытка найти «врага», который якобы портит межнациональные отношения, провоцирует конфликты, а затем – уничтожить или поставить этого «врага» на место – и все должно наладиться. Словом, простых решений, основанных на обычном здравом смысле и ограниченном практическом опыте, не существует.

В связи с этим, поиск политических решений этой проблемы обуславливает также необходимость обращения не только к выверенным политическим рецептам, политическому опыту регионального, национального и международного уровня, но и к научному инструментарию, который позволяет и концептуализировать

сложную проблему, и исследовать ее на предмет выявления глубинных причин и условий, позволяющих ее решить.

В свое время Иосиф Сталин, признавая «антиармянский национализм» в Грузии, объяснял это тем, что «там есть крупная армянская буржуазия...» [3, с. 307]. В то же время Сталин отмечал, что «...осью политической жизни России является не национальный вопрос, а аграрный». Далее он подчеркивал, что не национальный вопрос, а аграрный решает судьбу прогресса в стране. А «национальный вопрос» всего лишь «подчиненный» [3, с. 318-319].

Данные высказывания «отца всех народов», если экстраполировать на современную казахстанскую действительность, позволяют понять «истоки» произошедшего этнического конфликта в Джамбульской области. Налицо присутствие «антидунганского национализма» и наличие «крупной дунганской буржуазии». Ну, а нахождение земельных участков и прочей аграрной составляющей в собственности «крупной дунганской буржуазии» (благодаря местной коррупционной власти) в отличие от местных «пролетариев», подчиняет решение «национального вопроса» силовому методу.

Понятно, что в сложившихся условиях нельзя демонизировать ситуацию в межнациональной сфере. Напряженность в этой сфере изменяется волнообразно и с точки зрения социального самочувствия, и даже во времена обострений она не зашкаливает. Однако проблема существует, и ее решение требует незамедлительных действий.

Вместе с тем, очевидно, что проблемы межнационального взаимодействия существовали, существуют, и будут существовать. С географической точки зрения – это нормальный естественный процесс, который присутствует в любом географически обособленном пространстве. Казахстанцы проживают в разных регионах, областях, городах, селах. Учатся и работают в разных коллективах. Социальная идентификация – это одна из основных потребностей, выявленных в свое время Абрахамом Маслоу. С другой стороны, помимо естественных разграничений, существуют и искусственные настроения, которые формируются по принципу «разделяй и властвуй», а также и в связи с отсутствием однозначной государственной политики в области национального регулирования, а

точнее – в связи с попыткой вообще не поднимать вопрос о существовании межнациональных проблем. Как результат, возникновение этнических анклавов в регионах, в которых их традиционные этноконфессиональные предпочтения не сталкивались с дискриминацией властей по отношению к представителям титульного этноса страны. В результате, возникает общественная потребность в создании инструментария регулирования межнациональных взаимоотношений на основе единого нормативного правового регулирования.

В тоже время, казахстанское общество и прежде всего сами казахи должны осознать, что однобоко понимаемый национализм — это не тот путь, который нам нужен. Нобелевский лауреат Дж. Бернارد Шоу говорил, что «Здоровая нация не ощущает своей национальности, как здоровый человек не ощущает, что у него есть кости» [4]. В эпоху глобализации жизненного пространства «этнокультурное многообразие Казахстана – это наше преимущество» [5, с. 163], где все этнические культуры Страны Великой степи будучи включенными в общекзахстанскую культурную палитру, представляют культуру Казахстана во всем мире.

Поэтому казахстанскому социуму необходим «здоровый национализм», когда все этносы Казахстана по-настоящему любят ее, уважают и говорят на государственном языке, уважают ее историю и традиции, радуются ее успехам и горячо переживают ее неудачи, познают и приобщаются к культурным достижениям народов Казахстана, трудятся во благо страны и, самое главное, остаются приверженными нравственному кодексу Абая: «Адам бол» – «Будь человеком».

Национальное строительство и этнополитика в постсоветском Казахстане должна строиться на этих принципах. Государственным структурам отвечающим за ее проведение необходимо привлекать к работе научно-экспертное сообщество, которое может оказать необходимую помощь в ее реализации. К сожалению, в настоящее время, зачастую к этой важной сфере внутренней политики страны относятся крайне безответственно. Различные прокламации, декламации по поводу национального согласия и этнокультурного многообразия часто ведут к профанации «казах-

станской модели межэтнического и межконфессионального соглашения», так как по существу не затрагивают глубинных процессов, происходящих в «недрах» самих этносов Казахстана, оставляя их наедине со своими проблемами.

Поэтому, решение существующих проблем и противоречий в национальном строительстве и этнополитике в постсоветском Казахстане во многом зависит от нас самих. Было бы желание...

Литература

1. Назарбаев Н.А. Сборник докладов на I–X сессиях Ассамблеи народов Казахстана (на казахском и русском языках). – Астана: Елорда, 2005. – 440 с.
2. Байдаров Е.У. Ресурсный национализм в Казахстане// Россия и мусульманский мир. – Москва: ИНИОН, ИВ РАН. – 2011. – № 7. – С. 79-83.
3. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос / И. В. Сталин // Соч. – М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1954. – Т. 2. – С. 290-367.
4. Шоу Дж. Б. Афоризмы / Собр. К. Душенко. – М.: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет, 2000. – 172 с.
5. Назарбаев Н.А. Эра независимости. – Астана, 2017. – 508 с.

РОЛЬ ЯЗЫКА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Как всем известно, мир переживает кризис, особенно в такое время возрастает роль этнического фактора, начинается переосмысление устоявшихся норм, ценностей и традиции, которые формировались предшествующими поколениями людей в процессе совместного бытия. Мы убедились в том, что глобализация не приводит к полному стиранию культурных различий, как предполагали ученые – глобалисты, скорее, наоборот, она усиливает национальное и культурное разнообразие. В современном мире этнические группы настаивают не просто на сохранении, но на поддержке и поощрении своей идентичности.

Мы наблюдаем также возрастание интереса к проблеме идентичности, что вполне закономерно для народов постсоветских государств. Понятие «идентичность» в теории определяется как психологическое соотнесение себя с социальной группой, с членами которой индивид разделяет определенные нормы, ценности, групповые установки. Особо важным является вопрос формирования идентичности в современных постсоветских государствах в новых общественно-политических условиях. Эти проблемы находят свое отражение как в поведенческих характеристиках в социуме, так и в современном функционировании языка. Формирование национальной идентичности, как известно, тесно связано с языком, так как посредством языка человек ощущает свое отличие от представителей других нации и этносов.

Начиная с середины 20 века ведутся серьезные дискуссии о роли языка в процессе формирования национальной идентичности. Лингвисты считают, что мы познаем через язык «картину мира» и язык отражает национальную культуру того или иного народа. Представителей общественно-политических наук волнует судьба национального языка в этом сложном интегрирующем мире. Понятна их обеспокоенность, ведь в языке отражается не только природа родной страны, но и вся история духовной жизни народа.

По мнению немецкого мыслителя И.Г. Гердера, язык – необходимое условие существования нации. И.Г. Гердер считает, что родной язык выражает дух народа, он является коллективным достижением. Язык – способ сохранения своеобразия, отличительная черта человека от других, он наследует его от своих предков и передает поколениям. Каждая нация ищет свое место в ряду современных наций и пытается определить свою миссию в развитии человечества. Это место и миссия нации составляет ее суть, ее душу и сердце. Душа нации не только отражается в родном языке и защищается им, но и родной язык есть важнейшая часть души народа, в конце концов, сама эта душа [1]. С помощью языка мы можем познать культуру другого народа и обогащать свой духовный мир. Язык – единственный ключ к пониманию окружающего народа, его традиций, обычаев. Без знания языка трудно судить о целом народе и его истории и ценностях.

По мнению российского ученого Тер-Минасовой С.Г. в современной лингвокультурологической науке значение языка заключается в том, что он:

- зеркало культуры, в котором отражается не только реальный окружающий человека мир, но и менталитет народа, его национальный характер, традиции и обычаи, мораль, система норм и ценностей, картина мира;

- кладовая, копилка культуры, так как все знания, умения и материальные и духовные ценности, накопленные тем или иным народом, хранятся в его языковой системе – фольклоре, книгах, и в устной и письменной речи;

- носитель культуры, так как именно с помощью языка она передается из поколения в поколение;

- инструмент культуры, формирующий личность человека, который именно через язык воспринимает менталитет, традиции и обычаи своего народа, а также специфический культурный образ мира [2].

На современном этапе человеческая цивилизация встала на новую ступень развития, для нее характерны рост информационного, культурного, экономического сотрудничества. Интеграционные процессы усиливаются, происходит интенсивное вза-

имовлияние и взаимопроникновение языков и культур, которые развиваются, дополняя друг друга. В связи с ростом демографических и миграционных процессов обособленное существование народов и культур становится невозможным. По мнению историка и культуролога Эрика Хобсбаума, с конца XIX века жителей одного государства объединяли общий язык, культура, этническая принадлежность и т.п. Идеалом такого государства было этнически, культурно и лингвистически однородное население. Он считает, что постоянное стремление к «этническому очищению» опасно и совершенно нереалистично, поскольку сегодня мало таких государств в мире. Э. Хобсбаум не отрицает роль языка в вопросе национальной идентичности, однако обращает внимание и на другие факторы формирующие идентичность, в том числе политическое составляющее данного вопроса. С исторической точки зрения, считает ученый, существование народов с различными языками и культурами нормально или, скорее, не менее распространено, чем страны с однородным языком и культурой [3].

В Казахстане проживают представители различных национальностей и казахстанское общество является мультикультурным и мультиэтническим. В период Советского Союза, как и во многих союзных республиках, доминирующим был русский язык. С приобретением независимости в Казахстане остро встали вопросы о национальном языке, все эти проблемы были изучены юбилеем и результаты его исследования отражены в таких книгах, как «Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана», 2014 года выпуска, «Культурная интеграция этносов в Казахстане», 2020 год. В казахстанском обществе полемика вокруг данной проблемы еще продолжается, к сожалению, надо признать, что сегодня языковой вопрос стал политизированным. Основные споры по поводу языка отражают те процессы, которые происходят в обществе и государстве. Наблюдается противоборство мнений о реализации языковой политики государства. Одни считают, что в связи с возрастанием численности коренного населения, необходимо поднять статус казахского языка и расширить сферы его применения. Вторая группа придерживается мнения постепенного перехода к государственному языку, третья поддерживает идею

трехязычия. В то же время казахоязычная часть общества зачастую обвиняет государство в неэффективности проводимой языковой политики. Резкий переход на казахский язык во многих сферах, к тому же, вызывает проблемы и недовольства в регионах со смешанным населением, а также и в крупных городах, где русский язык является основным средством общения. Необходимо, также заметить, что для значительной части казахского населения двуязычие сохраняется со времен Советского Союза. В этих условиях в казахстанском обществе проблема национальной идентичности становится еще больше актуальной.

В книге «Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана», вышедший в 2014 году, Р. Кадыржанов пишет о том, что наиболее последовательными в формировании национальной идентичности Казахстана посредством казахского языка являются казахские титульные элиты, или национал-патриоты. Достижение этой цели они видят в казахизации общества, что означает превращение казахского языка в единственное средство вербальной коммуникации не только между казахами, но и всеми национальностями Казахстана. В этом случае, по его мнению, казахский язык займет центральное, доминирующее положение в социальной жизни Казахстана, а другие языки, включая русский, перейдут на периферийное положение [4].

А другой «свежей» книге он обращает внимание на то, что по прежнему наблюдается доминирование русского языка при ежегодном росте доли казахов в населении Казахстана (около 70%), что более чем в два раза превышает общий процент всех остальных этносов вместе взятых. При этом, по мнению философа, язык ядерной группы, составляющей большинство почти во всех регионах Казахстана и обладающего конституционным статусом государственного языка, уже три десятилетия не может стать доминирующим языком в стране. Эта ситуация, конечно, бьет по самолюбию нации, которая рассматривает себя как ядерную, или государствообразующую, нацию в Казахстане, отмечает Кадыржанов Р.К. [5].

Надо заметить, что существует по данной проблеме еще одна точка зрения, согласно которой, язык не является основным определяющим фактором национальной идентичности. Американский

исследователь мифологии Джозеф Джон Кэмпбелл, пишет, что неизменной темой исследований национальной идентичности последних четырех десятилетий было определяющее значение языка в ее формировании. Как мы увидим, многие видные историки, социологи и специалисты в области политических наук утверждали, что существование национального языка составляет важнейшую основу националистической идеологии. Другие же уделяли большое внимание собранным историками языка данным, которые показывали, что национальные языки не были даны изначально, а сами были созданы в результате идеологической работы по созданию национализма [6].

Вопрос национальной идентичности и ее взаимосвязь с языком в казахстанском обществе приобретает сложный характер и с расширением процессов интеграции и глобализации. Вхождение Казахстана в международное сообщество, тесное взаимодействие со странами мира во многих сферах жизнедеятельности, потребовали знания иностранных языков. С 2007 года в Казахстане реализуется культурный проект «Триединство языков», нацеленный на изучение трех языков. В программе трехязычия Республики Казахстан отмечено: «внедрение английского языка в деловое общение», «повышение качества обучения английскому языку во всех общеобразовательных школах, средних специальных, высших учебных заведениях», «повысить качество учебников и учебно-методических комплексов на английском языке для организаций образования начального, основного среднего и общего образования и рассмотреть вопросы по развитию обучения на трех языках», «наряду с государственным и русским языками необходимо решать и вопросы обучения государственных служащих английскому языку» и т.д [7].

В целях реализации государственной программы, разработанной в соответствии с современными требованиями времени и рынка, в настоящее время в средних школах введено трехязычное обучение. С первого класса школьники изучают английский язык, кроме того открываются специальные школы с английским языком обучения. Более того, в школах с казахским или русским языками обучения, отдельные предметы ведутся на английском языке. В данное время в Казахстане ведется активная работа по

разработке учебников, учебно-методических пособий, подготовка высококвалифицированных кадров со знанием английского языка. Выпускники ВУЗов для поступления в магистратуру, магистры – в докторантуру сдают тесты по западным языкам, чаще всего английскому, за исключением арабского языка.

По требованиям Болонского соглашения ученый мир Казахстана ориентирован на интенсивную интеграцию в международное научное сообщество. В связи с этим казахстанские ученые должны опубликовать результаты своих исследований в виде научных статей в журналах с высоким импакт-фактором, научные труды ученым необходимо писать на английском языке, требования к публикациям с каждым годом усиливаются. Такая обстановка в стране сужает сферу казахского языка, расширяет применение английского языка. Таким образом, можно сделать вывод о том, что сегодня английский язык имеет большое преимущество перед государственным языком.

Бесспорно, на современном этапе знание нескольких языков – это способ повышения конкурентоспособности каждого. Мотивированный специалист стремится достичь своих целей и удовлетворить потребности, в этом знание языков ему дает преимущество. Способность человека говорить на двух или более языках проявляется и в связи с тем, что современное общество стало более открытым, развиваются прямые связи между регионами, странами и народами.

В истории можно найти немало примеров владения несколькими языками известными казахскими мыслителями. Так, поэт Абай Кунанбаев знал более шести языков, он призвал казахский народ к просвещению, к изучению русского языка и науки, к общению к культуре русского народа. А этнографу Шокану Уалиханову знание нескольких языков позволило путешествовать за пределами Российской империи и познать культуру других народов, оставить после себя ценное наследие для своего народа. Народная мудрость казахов гласит: «Бір тілді білген – бір адам, екі тілді білген – екі адам». Человек, владеющий несколькими языками, как правило, разносторонняя личность, коммуникабелен и быстрее адаптируется в незнакомом для него обществе.

Трудно не согласиться с мнением Э.Хобсбоума, о том, что мы больше не живем в мире, где идея единого всеобщего национального языка вообще выполняема, то есть мы живем в неизбежном многоязычном мире. И мы живем в эпоху, т.е. в настоящее время, когда существует только один язык всеобщего глобального общения, а именно – определенная разновидность английского [3]. История свидетельствует о разных судьбах языков, одни возникают и исчезают за короткое время, другие обогащаются с новой фазой человеческого развития и тесно взаимодействуют с существующими языками. Ученые признают, что при международном общении возникает языковая конкуренция, при этом выделяются несколько языков, которые применяются большинством.

Полагаем, что никто не будет спорить о том, что для достижения всеобщего консенсуса и взаимопонимания между народами мира необходим единый язык. Безусловно, важнейшим условием конкурентоспособности нации является глубокие знания граждан других языков. Однако, это вовсе не означает, что не нужно прилагать усилия для развития национальных языков. Также надо признать, что в сегодняшних условиях существует реальная угроза национальному языку, как компоненту этнической культуры и национальной идентичности. Национальный язык не должен занимать второстепенное значение, такое отношение к нему может нанести огромный ущерб духовному потенциалу и социально-политическому развитию казахстанского общества. Овладевая языком, принимая его красоту, каждый казахстанец проникается любовью к своему народу, его культуре, традициям и обычаям.

Язык как элемент самобытности этноса играет огромную роль в формировании национальной идентичности, и он должен стать мобилизирующим и интегрирующим фактором для всех казахстанцев. Казахский язык в Казахстане должен символизировать успешность, стать средством материального и духовного благополучия и дать преимущества носителям языка в современном обществе. На наш взгляд, сохранение и развитие национального языка должно быть одним из приоритетных направлений государственной политики.

В заключении хочу сказать, что Рустем Казахбаевич как ученый и педагог, на разных уровнях часто поднимает проблему на-

циональной, языковой, культурной политики нашего государства, анализирует ситуацию в стране, мировые тенденции, тем самым оказывает существенный вклад в развитие отечественной науки. Уважаемый Рустем Казахбаевич, желаю Вам творческих успехов и активного долголетия!

Литература

1. Гердер И.Г. Трактат о происхождении языка. (История лингвифило-софской мысли). М.: ЛКИ, 2007. — 88 с.

2. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000, С.14-15

3. Э. Хобсбаум. Все ли языки равны? Язык, культура и национальная идентичность. «Логос». 1991–2005. Избранное. Том 1, – 4 (4 9), – 2005, – 49 с.

4. Кадыржанов Р. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. – 168 с.

5. Культурная интеграция этносов в Казахстане: Коллективная монография / Кадыржанов Р.К. (отв. ред. и рук. науч. проекта). – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. – 220 с.

6. Джозеф Дж. Язык и национальная идентичность. «Логос». 1991–2005. Избранное. Том 1, - 4 (4 9),- 2005, - 22 с.

7. Государственная программа функционирования и развития языков на 2001-2010 годы / government.kz

МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НОСИТЕЛЕЙ РАЗЛИЧНЫХ КОЛЛЕКТИВНЫХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В социологии межэтническая коммуникация рассматривается как вид социальной коммуникации, которая осуществляется «между людьми различных культур» для их эффективного взаимодействия.¹ Взаимоотношение различных этнокультурных идентичностей выступает целью межэтнической коммуникации. В процессе такой коммуникации формируется та или иная степень межэтнической солидарности людей и реализуется та или иная степень взаимного признания статусов их этнокультурной идентичности. В этом смысле вряд ли стоит рассматривать в качестве такой коммуникации взаимодействие людей с различной этнической идентичностью вследствие, например, их экономической специализации в условиях разделения труда.² В целом межэтническая коммуникация и идентичности этнокультурных групп, которые принимают в ней участие, чрезвычайно тесно связаны. При этом взаимоотношения между этими социальными явлениями носят крайне противоречивый характер. Социологи и социальные психологи признают важность коммуникации как фактора, влияющего на становление социальной идентичности групп, но, в то же время, подчёркивают, что идентичность социальной группы немыслима без дистанцирования от идентичности других групп и ограничения контактов с ними,³ так как в этнические группы с ярко выраженной идентично-

¹ Rogers E.M., Hart W.B., Miike Y. (2002) Edward T. Hall and The History of Intercultural Communication: The United States and Japan. *Keio Communication Review*. No. 24. P. 5, 7.

² Hechter M. (1996) Ethnicity and Rational Choice Theory. – Hutchinson J., Smiths A.D. (eds.) *Ethnicity*. Oxford University Press. P. 90 – 98; Rotčīilds Dž. (1999) *Etnopolitika: konceptuālās aprises*. Rīga: AGB. P. 34 – 61.

³ Jenkins R. (2006) *Social Identity*. (2d ed.) New York: Routledge. P. 5; Tajfel H. (1978) The achievement of group differentiation. *Differentiation between social groups. Studies in the social psychology of intergroup relations*. London: Academic Press. P. 77-98;

стью заявляют о своих индивидуальных и коллективных правах.¹ Некоторые учёные даже говорят, что межэтническая коммуникация приводит к стиранию границ между идентичностями этнических групп.² Хотя эта связь не носит столь однозначный характер, как это показал, например, Ф. Барт.³ Так, например, Дж. Мид полагал, что коммуникация формирует интерактивный характер социальной идентичности, объединяя в ней элементы идентичности сторон взаимодействия.⁴ А. Шюц видел в «жизненном мире» чело- века результаты интерактивного влияния других.⁵ Однако открытым является вопрос о степени адаптации сторонами этнокультурного взаимодействия к ценностям другой стороны коммуникации и к самой потребности в такой коммуникации.

Межэтническая коммуникация понимается как вид социального, культурного, информационного обмена, способствующего взаимовлиянию и взаимопониманию этническими группами друг друга.⁶ Понимание межэтнической коммуникации как процесса обмена социальными и культурными ценностями позволяет определить, стремятся ли этнические группы к взаимной выгоде в отношениях друг с другом в процессе взаимодействия. Отсутствие же взаимной выгоды, ожидаемой реакции со стороны другой этнической группы означает прекращение коммуникации – обмена, приводит к снижению взаимного доверия и влияния одной группы

Turner J. C. (1982) Towards a cognitive redefinition of the social group. In: Tajfel H. (ed.) *Social identity and intergroup relations*. Cambridge: Cambridge University Press. P. 19-21.

¹ Ооммен Т.К. (2000) Раса, этния и класс: анализ взаимосвязей. In: Прузаускас А.А. (сост.) *Этнос и политика*. Москва: Университет Российской Академии Образования. С. 26.

² Hechter M. (1975) *Internal Colonialism. The Celtic Fringe in the British Development, 1536-1966*. London: Routledge & Kegan Paul. P. 22-34.

³ Barth F. (1996) Ethnic Groups and Boundaries. In: Hutchinson, Smith A.D. (eds.) *Ethnicity*. Oxford: Oxford University Press. P. 75-82.

⁴ Мид Дж. (1996) Интернализированные другие и самость. In: Добренков В. (ред.) *Западно-Европейская социология XIX века*. Москва: Международный Университет Бизнеса и Управления. С.222.

⁵ Шюц А. (2003) *Избранное: Мир, светящийся светом*. Москва: Российская политическая энциклопедия. С. 402-403, 802.

⁶ Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. (2003) *Основы межкультурной коммуникации*. Москва: Юнити. С. 18, 95.

на другую.¹ Следует учесть, что этнические группы (как самореперентные социальные системы²) и их активные представители стремятся к контролю за межэтнической коммуникацией, чтобы не допустить размывания своей идентичности.

Межэтническая коммуникация в национальных демократических государствах реализует два взаимоотношения между этническими группами. С одной стороны, такая коммуникация в обществах с устоявшимся характером межэтнических отношений осуществляется между этническими группами, идентичности которых нередко обладают различным статусом в обществе. Особенно это ярко проявляется в национальных государствах, в которых этнокультурное, лингвистическое содержание общенациональной идентичности связывается с идентичностью этнонационального большинства. В то время как идентичности этнических меньшинств присутствуют в публичном пространстве национальных государств и рассматриваются в качестве одной из форм национальной идентичности в зависимости от уровня развития демократии. С другой стороны, различия статусов идентичностей этнического большинства и меньшинств в демократических и либеральных государствах сосуществуют с принципом равноправия людей, не зависимо от их этнического происхождения и культивируемой этнической идентичности. Однако в реальности, между принципом субординации идентичностей большинства и меньшинств и принципом либерального равноправия существуют довольно противоречивые отношения.

Как показывает многообразная практика межэтнических контактов, особенно в национальных государствах с отчётливо акцентуруемыми различиями между этнонациональным большинством и этническими меньшинствами общее пространство коммуникации различных социальных, в том числе и этнокультурных групп, корректируется сложившимися идентичностями этих групп и их

¹ Blau P. M. (1974) *Exchange and Power in Social Life*. New York: Wiles. P. 6; Gatignon H. (1986) An Exchange Theory Model of Interpersonal Communication. *Advances in Consumer Research*. Volume 13. P. 534 – 536.

² Leydesdorff L. (2003) *A Sociological Theory of Communication. The Self-Organization of the Knowledge-Based Society*. Irvine, CA: Universal-Publishers. P. 1 – 3.

официальной и неофициальной институционализацией. Характер межэтнической коммуникации (её глубина, разнообразие связей, степень воспроизводства в различных поколениях людей и т.д.) определяются сложившимся в обществе консенсусом между этническими группами по отношению к наиболее важным социальным ценностям. В многоэтнических обществах совокупность этих ценностей включает в себя не только те, которые лежат в основе экономической и социально-политической, носящие в целом внеэтнический характер, но и те, которые обеспечивают функционирование идентичностей этно-национального большинства и этнических меньшинств. Интенсивная межэтническая коммуникация свидетельствует об установившемся консенсусе по поводу этих ценностей среди этнических групп. В ней институционализированные ценности, имеющие надличностный характер, реализуются и подкрепляются в личностных формах взаимодействия людей. И наоборот, отсутствие потребности в такой коммуникации говорит не столько о её социально-психологических барьерах среди носителей различных этнических идентичностей, сколько о слабости или отсутствии такого ценностного консенсуса на уровне этнических групп. В этом контексте исследователи современных наций как раз подчёркивают пагубность подхода к ним, исходя исключительно из рецептов ассимиляторского национализма 18 – 19 веков. Идентичности современных многоэтнических наций – сложное образования, включающие в себя как идентичности этнонационального большинства и других этнических групп и меньшинств. И не всегда такой социальный консенсус между этническими группами устанавливается, порождая конфликт в национальных государствах между их территориальными, гражданскими и этнокультурными признаками организации.¹ Такой консенсус должен установиться и на уровне общегражданской политической культуры, включающей в себя уважение как к правам этнонационального большинства, так и этнических меньшинств. Иначе гражданский

¹ Smith A.D. (1986) *The Ethnic Origins of Nations*. Oxford, New York: Basil Blackwell. P. 149-150; Brubaker R. (1996) *Nationalism Reframed. Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge University Press. P. 67-69; Deutsch K.W. (1979) *Tides among Nations*. New York: Free Press. P. 270-290.

национализм ничем не будет отличаться от культурного национализма.¹ Причём нельзя ограничиваться только уважением к индивидуальному достоинству людей с другой этнической идентичности. Гражданская культура полиэтнических обществ должна включать в себя и уважение к результатам реализации коллективной идентичности этнических групп. Поэтому для формирования социального консенсуса в многоэтнических обществах крайне важны публичные обсуждения этнополитических вопросов, касающихся интересов как этнонационального большинства, так и этнических меньшинств.

Как показали П. Бергер и Т. Лукман, социальная идентичность задаётся, прежде всего, разнообразием социальной деятельности людей, которая выливается в социальную структуру общества, нуждающегося в «порядке, управлении и стабильности». А «институциональный порядок» общества навязывает «профилированные идентичности».² Ж. Бодрийяр вообще считал, что в условиях постмодерна социальная идентичность жёстко навязывается в «постоянной всеобщей мобилизации» индивидов.³ Идею навязывания социальной идентичности утвердившимися социальными структурами и институтами власти признавал и М. Фуко.⁴ Поэтому параметры межэтнической коммуникации воспроизводят сложившуюся упорядоченность общества, включая динамичный характер отношений власти и доминирования между этнонациональным большинством и этническими меньшинствами. Идентичности одних этнических групп, обладающих меньшим по качеству социальным и культурным капиталом, чем другие, могут подвер-

¹ Smith A.D. (1995) *Nations and Nationalism in Global Era*. Cambridge: Polity Press. P. 100-102; Тишков В. (2000) О нации и национализме. Poleмические заметки. In: Прусаускас А.А. (сост.) *Этнос и политика*. Москва: Университет Российской Академии Образования. С. 143.

² Бергер П., Лукман Т. (1995) *Социальное конструирование реальности*. Москва: Медиум. С. 87, 146-151, 265.

³ Baudrillard J. (2000) *Symbolic Exchange and Death*. London: SAGE Publications. P. 14.

⁴ Фуко М. (2002) *Интеллектуалы и власть*. Часть 1. Москва: Праксис. С.8; Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem. С.17.

гаться манипуляции и «символическому насилию».¹ Подобные представления части социологов являются своеобразной реакцией на ослабление роли национальных государств в регуляции межэтнических отношений.

Ю. Хабермас всё же считает важным использовать позитивный потенциал многокультурности гражданского общества и коммуникативных связей между составляющими его акторами, ориентированными на достижение согласия. Но для этого необходимо, чтобы в обществе на уровне базовых ценностей «жизненного мира» сложился «контекст» процессов взаимного понимания.² Этому может способствовать публичная сфера общества, которая реализует политическое участие граждан через механизмы совместных дискуссий, открытых для всех граждан.³ Содержание общей публичной сферы демократических многоэтнических государств определяется переплетением либеральных ценностей, защищающих равноправие граждан, не зависимо от их этнического происхождения и культивируемой этнокультурной идентичности, и существующей институционализацией идентичностей этнонационального большинства и этнических меньшинств.

Публичное пространство межэтнической коммуникации институционализируется на основе различных социальных статусов и ролей, закреплённых за коллективными идентичностями этнонационального большинства и этнических меньшинств. Если в обществе либеральные ценности равноправия носят формальный характер, то выраженная этносоциальная стратификация стимулирует фрагментирование общего гражданского публичного пространства. Это приводит к релятивизации либеральных ценностей и универсальных моральных норм в зависимости от оценивания

¹ Бурдые П. (2005) *Социология социального пространства*. Москва: Институт экспериментальной социологии. Санкт-Петербург: Алетейя. С.169.

² Хабермас Ю. (2000) *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Санкт-Петербург: Наука. С. 69, 90, 139, 158, 163-170, 199, 202.

³ Fraser N. (1990) Rethinking the Public Sphere: A Contribution to the Critique of Actually Existing Democracy. In: *Social Text*. Duke University Press. No. 25 (26). P. 56–80; Habermas J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge Massachusetts: The MIT Pres. P. 1.

«своих» и «чужих» в процессах межэтнической коммуникации.¹ Однако публичное пространство лишь частично включает в себя проявления коллективных идентичностей этнических групп, оставляя за её рамками сферы активных внутриэтнических взаимодействий, в которых наиболее активно функционируют языки этнических групп, не являющиеся официальными.² Происходит и частичная вариативная этническая категоризация индивидуальных представителей иных этнических групп.³ Но сложившиеся этносоциальные различия и даже их неравенства сами по себе не являются препятствием к межэтнической коммуникации. Успех межэтнической коммуникации зависит от степени открытости идентичностей тех этнических групп, которые участвуют в этом процессе,⁴ а также от того, воспринимают ли представители этнических меньшинств сложившийся тип отношений между ними и этнонациональным большинством как справедливый, учитывающий их интересы как недоминирующих социальных групп.⁵

Существуют различные способы социологической интерпретации межэтнической коммуникации, которая осуществляется внутри многоэтнического общества, в зависимости от понимания особенностей социэтальной интеграции этого общества. Так, в теории Толкота Парсонса социальная коммуникация должна реализовать и воспроизводить социэтальную интеграцию, в которой

¹ Gert B. (2016) The Definition of Morality. <https://plato.stanford.edu/entries/morality-definition/> (8.2.2016); Freeman S. A., Littlejohn S.W., Pearce W. B. (1992) Communication and moral conflict. *Western Journal of Communication*. Vol. 56. Issue 4. P. 311-329; Harman G. (1975) Moral Relativism Defended. In: *Philosophical Review*. No. 84. P. 3–22; Wong D. (1984) *Moral Relativity*. Berkeley CA: University of California Press. P. 23-36.

² Eidheim H. (1969) When ethnic identity is a social stigma. In: Barth F. (ed.) *Ethnic groups and boundaries: the social organization of culture difference*. Oslo: Universitetsforlaget. P. 49-53.

³ Barth F. (1996) Ethnic Groups and Boundaries. In: Hutchinson, Smith A.D. (eds.) *Ethnicity*. Oxford: Oxford University Press. P. 75-82; Брубейкер Р. (2012) *Этничность без групп*. Москва: Издательский дом Высшей школы экономики. С. 135.

⁴ Kim Y.Y. (2006) From Ethnic to Interethnic. The Case for Identity Adaptation and Transformation. *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 25. No. 3. P. 284, 291.

⁵ Rawls J. (2005) *A Theory of Justice*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. P. 60-61, 84, 126-134, 395-396.

доминировать одна культура, служащая «стабилизации системы». Хотя Парсонс и допускал, что в обществе на уровне его «подсистем» существует дифференциация культуры, он специально не анализировал учитывающие дифференциацию нормативной культуры модели социальной коммуникации.¹

После Второй мировой войны социологическая стала ориентироваться на понимание межэтнической коммуникации в многоэтнических обществах как способа включения этнокультурных идентичностей этнических меньшинств в общую национальную и гражданскую идентичность. Происходит и усиление внимания исследователей к статусу социальной коммуникации в обществе в целом, так как она рассматривается механизмом расширения базы социэталной интеграции за счёт активного привлечения потенциала ранее игнорировавшихся этнических групп и меньшинств. Эта идея наиболее активно отстаивается в различных вариантах либерального мультикультурализма и как его варианта – интеркультурализма). Например, Юрген Хабермас специально сосредотачивается на анализе социальных ресурсов максимально широкого круга различных общественных групп, имеющих статус большинства и меньшинств,² но признающих друг в друге равноправных партнёров, реализующих «*парадигмы взаимопонимания*».³ К тому же укрепление коммуникативных укрепляет независимость гражданского общества и его институтов от давления политической, административной и экономической жизни.⁴ А именно в развитости институтов гражданского общества оказываются особо заинтересованы этнические и иные социальные меньшинства, кол-

¹ Парсонс Т. (2000) *О структуре социального действия*. Москва: Академический проект. С. 470, 490 – 497, 543 – 545; Парсонс Т. (2002) *О социальных системах*. Москва: Академический проект. С. 732, 734, 742 – 743.

² Хабермас Ю. (2001) *Вовлечение другого. Очерки политической теории*. Санкт-Петербург: Наука. С. 244.

³ Хабермас Ю. (2008) *Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций*. Москва: „Весь Мир». С. 309 – 311; Habermas J. (2010) *Between Naturalism and Religion. Philosophical Essays*. Cambridge: Polity Press. P. 17 – 18.

⁴ Habermas J. (1989) *The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society*. Cambridge Massachusetts: The MIT Press. P. 2 – 37, 56, 83, 147.

лективные идентичности которых по тем или иным причинам не получили адекватного признания официальными структурами национального государства.

Правда, часть исследователей всё же не считают реальным в современных обстоятельствах решать фундаментальные социальные проблемы посредством коммуникации и компромисса между социальными группами.¹ Причины многообразны – это и давление институтов власти на процессы социальной коммуникации,² и конфликтный характер самой социальной коммуникации,³ и слишком глубоко зашедшая социально-культурная дифференциация в современном обществе,⁴ и незначительные возможности публичной сферы буржуазного общества в снижении социальной несправедливости⁵ и т. д. Однако такую критику можно считать безупречной в том случае, если не принимать во внимание реальную потребность многих социальных групп и меньшинств добиваться позитивного признания в обществе, в стремлении к социальной справедливости, в том числе и перераспределением власти. Можно согласиться с мнением Джин Коэн и Эндрю Арато о том, что общая коллективная идентичность многокультурного и многоэтнического общества требует постоянно возобновляемого коммуникативного дискурса между носителями различных идентичностей.⁶

¹ Flyvbjerg B. (1998) Habermas and Foucault: thinkers for civil society? *British Journal of Sociology*. Vol. 49, No. 2. June. P. 222 – 224.

² Фуко М. (2002) *Интеллектуалы и власть*. Часть 1. Москва: Праксис. С. 330

³ Calhoun C. (1996) *Critical Social Theory: Culture, History, and the Challenge of Difference*. Oxford, Cambridge: Blackwell Publishers. P. 205, 212 – 216, 221 – 222.

⁴ Johnson P. (2006) *Habermas: Rescuing the public sphere*. London, New York: Routledge. P. 2 – 11, 63 – 68, 97, 175.

⁵ Thomassen L. (2010) *Habermas: A Guide for the Perplexed*. Continuum. P. 16, 21, 48, 87, 152.

⁶ Коэн Дж. Л., Арато Э. *Гражданское общество и политическая теория*. Москва: Весь Мир, 2003. С. 457 – 463, 470, 484 – 485, 495.

Галиев А.А.

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

Инструментальная функция истории в образовании новых государств отмечена практически всеми классиками теории национализма и нациестроительства. Она получила название «политика памяти», «коммеморативная политика».

«Там, где история находится на службе у формирования идентичности, – пишет А. Ассман, – где история осваивается гражданами и где к ней апеллируют политики, там можно говорить о «политической» или «национальной» памяти. В противоположность многоголосой социальной памяти, которая является памятью «снизу» и которая вновь и вновь исчезает со сменой поколений, национальная память оказывается долговременной и гораздо более унифицированной конструкцией, которая закрепляется политическими институтами, воздействуя на общество «сверху».

Рассмотрим, как проводится политика памяти в разных государствах Центральноазиатского региона.

В Казахстане, к примеру, отмечаются такие даты как: 9 мая, День Победы; 6 июля День столицы; 30 августа День Конституции; 1 декабря День Первого Президента; 16-17 декабря День Независимости. 31 мая согласно указу Президента от 5 апреля 1997 года отмечается День памяти жертв политических репрессий. В настоящее время в этот день вспоминают и о жертвах Ашаршылыка (Голодомора).

Начиная с 2016 года, в Казахстане появился День благодарности, когда «народы страны могут поблагодарить друг друга и казахов за терпимость и гостеприимство в те годы, когда многие народы были депортированы в страну».

Институционализация национальной версии истории возложена на ряд специализированных учреждений: Институт истории и этнологии, Институт археологии и Институт Востоковедения.

В 2008 года был образован Институт истории государства. Цель его: системное и теоретическое обоснование современной истории Казахстана.

Институционализация существующей версии истории возложена также и на музеи. Формирующаяся политика памяти в процессе нацистроительства зачастую подчеркивает преступность предшествующего режима, демонстрация тех злодеяний, которых ранее замалчивались. Несомненно, что к их числу принадлежит и эпоха сталинизма. Музейно-мемориальный комплекс жертв политических репрессий и тоталитаризма был открыт 31 мая 2007 года на месте Акмолинского лагеря жен изменников родины («АЛ-ЖИР»), где содержалось более 18 тысяч женщин.

Показателем изменившегося отношения к прошлому является перепрофилирование здания, предназначенного для музея Ленина в Алматы в резиденцию Президента РК.

В Казахстане политика памяти учитывает полиэтничность населения. В период независимости, были поставлены памятники великому русскому поэту А.С. Пушкину, украинскому поэту Т.Г. Шевченко, уйгурскому композитору К. Кужамьярову, корейскому певцу В. Цюю, индийскому политическому деятелю Махатме Ганди и даже английской рок-группе The Beatles. В Алматы появились улицы названные в честь кыргызского эпического героя Манаса, исследователя Центральной Азии Г. Потанина, и даже русского генерала, одного из крупнейших деятелей периода завоевания Средней Азии, губернатора Семиреченской области Г. Колпаковского. За 25 лет независимости РК изменены названия более 1300 названий сел, 6 городов, около 8 тысяч улиц.

Поскольку памятники являются визуальным воплощением исторической памяти, различные этнические группы пытаются увековечить своих героев. Так, армянская община г.Актюбинска без надлежащих разрешений воздвигла памятник бывшему первому секретарю Казахского крайкома партии Л.Мирзояну. Так как он был причастен к массовым политическим репрессиям, этот акт вызвал негативную реакцию казахской интеллигенции. Таковую же реакцию вызвала и попытка воздвигнуть памятник последнему русскому императору на севере Казахстана.

Во многом курс политики памяти был предопределен принятой в 1995 г. «Концепцией становления исторического сознания в Республике Казахстан».

В Республике Узбекистан формированием и проведением политики памяти, помимо, естественно, правительственных структур, занимаются Институт истории, Институт археологии им. Я. Гулямова АН РУз. В 2012 г. на базе объединения Института языка и литературы им. Н. Давкараева и Института истории, археологии и этнографии был создан Каракалпакский НИИ гуманитарных наук.

О декоммунизации исторического прошлого свидетельствует то, что в 2001 г. президент Узбекистана И. Каримов опубликовал указ «Об увековечивании памяти жертвам репрессий узбекского народа, начиная с 60-х годов XIX столетия до 1991 года» в виде мемориала. Открытие мемориального комплекса состоялось 31 августа 2002 года, признанного в Узбекистане как «День памяти жертв репрессий». Здесь же был открыт Музей памяти жертв репрессий.

Судьба советских памятников в Узбекистане демонстрирует не только отказ от коммунистического прошлого, и не только процесс конструирования новой исторической политики. Отношение к ним показывает и колебания политического курса. Показательна судьба памятника Шамахмудову и его жене, приютивших в годы Великой Отечественной войны 15 детей разных национальностей. В 1990-х годах памятник перенесли на окраину столицы. По решению недавно избранного нового президента Ш. Мирзиёева памятник вновь перенесут в центр Ташкента и установят в парке Дружбы народов.

Памятник генералу С.Рахимову, также в независимом Узбекистане был демонтирован, а названные в честь «железного генерала» район Ташкента и другие объекты были переименованы. По неофициальной версии, это было связано с тем, что С.Рахимов был этническим казахом. Видимо поэтому памятник Герою Советского Союза генералу С.Рахимову был установлен в г.Шымкенте.

Центральное место новой исторической политики РУ принадлежит эмиру Тимуру, названному одним из основателей узбекской государственности. В его честь сооружены памятники и открыты музеи. Изображение памятника Тимуру продублировано на денежных знаках, почтовых марках, государственных наградах.

В центре Ташкента был открыт музей, посвящённый истории Средней Азии в период правления Амира Тимура и представи-

телей основанной им династии. Государственный музей истории Тимуридов был открыт в 1996 году по инициативе президента И. Каримова, в честь празднования 660-летия со дня рождения Тимура, которому отводится центральная роль в политике памяти независимого Узбекистана.

В Кыргызстане фундаментальными исследованиями занимается Институт истории и культурного наследия Национальной академии наук. Основные направления исследований: История становления и развития кыргызской государственности с древности до современности; Процессы демократизации современного Кыргызстана, развития гражданского общества; Взаимодействие мировых цивилизаций на трассе Великого Шелкового пути, возникновение средневековых поселений, городов и коммуникаций; Этническая история и культурное наследие народов Кыргызстана.

В 2012 г. указом Президента КР была образована Комиссия по развитию исторической науки при Президенте и создан Фонд исторического и культурного наследия народа Кыргызстана «Мурас».

30 декабря 2016 г. Президент Кыргызстана А.Ш. Атамбаев, подписал Указ «Об объявлении 2016 года Годом истории и культуры». «В 2016 году, – говорилось в Указе, – исполняется 25 лет государственной независимости КР. Кыргызстанцы и весь тюркский мир празднуют 1000-летие великого мыслителя Жусупа Баласагына. Отмечается 220-летие Тайлак батыра, героя, боровшегося за независимость нашей Родины. Особое значение придается мероприятиям в честь 100-летия национально-освободительного восстания 1916 года. Исполняется также 90 лет со дня образования Киргизской АССР и 80 лет – Киргизской ССР. Эти события и личности сыграли огромную роль в становлении кыргызской государственности и занимают особое место в историческом и культурном наследии народа Кыргызстана.

Особое место в политике памяти КР занимают, в силу своей трагичности события 1916 г. 27 мая 2015 г. КирТАГ сообщил, что Президент КР А. Атамбаев издал указ «О 100-летию трагических событий 1916 года», по которому в республике пройдут мероприятия в память о восстании 1916 года и жертвах великого исхода

кыргызов. В указе президента отмечается, что долгое время в Кыргызстане проводилась ошибочная политика замалчивания событий 1916 года. Инициативы граждан и активистов не поддерживались государством, поэтому до сих пор не дана объективная историческая оценка событиям столетней давности и не захоронены останки тысяч беженцев на высокогорных перевалах.

В республике открыт Музей-мемориал памяти жертв сталинских репрессий «Ата-Бейит».

Среди важных событий, отмечаемых в республике в период независимости, стоит отметить 1000-летие «Манаса», 3000-летие г. Оша.

В независимом Туркменистане политику памяти вероятно можно разделить на два периода, совпадающих с правлением двух президентов. При С.Ниязове, Институт истории получил очень высокий статус находясь при правительстве. В стране проводились крупномасштабные раскопки, к которым привлекались именитые археологи, историки выезжали в различные страны в поисках материала о туркменах. Основные идеи понимания исторического пути страны были заложены в книге Президента «Рухнама». Ее изучение стало обязательным для всех граждан всех возрастов. Впервые «Рухнама» была выпущена в 2001 г. В этом произведении заложены основные положения новой национальной истории: исключительная древность туркменского народа (несколько тысяч лет), культуртрегерство (доместикация пшеницы – ак бугдай), основание множества государств.

С 1991 года в Туркменистане, 12 января отмечается как общенациональный день памяти. В этот день после 23-х дневной осады царских войск под командованием М.Д. Скобелева пала Геоктепинская крепость. Различные источники называют цифру от 120000 до 30000 тысяч человек, защитников и гражданского населения.

Попыткой «перезаформирования» «мест памяти» можно считать то, что на месте остатков крепости был сооружен мемориальный комплекс (реконструкция крепостной стены, музей, мечеть). Национальный музей представляет события, связанные со взятием крепости как жестокую драму «свободолюбивого туркменского народа», массовую гибель женщин, детей, стариков, пример же-

стокого обращения к ним победителей. Памятник на русском кладбище (крест) был снесен, само кладбище перенесено. Существенным элементом мемориала стала мечеть Сапармурат-хаджи.

В юго-западной части Ашхабада расположен Мемориальный комплекс «Halk hakydasy» («Народная память»), воздвигнутый в честь почитания погибших в Геоктепинской битве, войне 1941–1945 годов, а также поминовения жертв Ашхабадского землетрясения 1948 года.

Основной тон в развитии исторической науки в Таджикистане задает Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша. Как известно, Таджикистан является единственной ираноязычной страной в пост-советской Центральной Азии. Несомненно, это обстоятельство накладывает отпечаток на политику памяти в Таджикистане. Прежде всего, это выражается в подчеркивании автохтонности иранских народов, в отличие от окружающих их тюркоязычных этносов. Автохтонность подчеркивается различными средствами и прежде всего конструированием связи с прошлым и с территорией: Ленинадская область переименована в Согдийскую, денежная единица, по названию средневекового государства получает название «сомони». Автохтонность позволяет претендовать на все древнее историческое наследие в регионе и главное, на древние города Самарканд и Бухару. Чингисхан в этой стране, в отличие от тюркоязычных стран региона, рассматривается исключительно как варвар, уничтоживший древнюю цивилизацию.

Сейчас в Таджикистане отмечают 64 праздника, в том числе и День Победы. Но с этим праздником диссонирует арийский дискурс, широко пропагандируемый в стране.

2006 г. был объявлен Годом арийской цивилизации. Арийская идея в Таджикистане является центром исторической политики. Она обеспечивает важные политические задачи: сплочения нации путем апелляции к единым древним предкам, наделение таджиков славой древнейших цивилизаций. Эта идея создает глубокие культурно-исторические основания для союзнических с Россией и с Ираном и позволяет провести резкую границу между таджиками и узбеками, изобразив их народами с совершенно разными корнями, включая «расовые». Этим и была вызвана спонсируемая госу-

дарством широкая кампания по празднованию Года арийской цивилизации, проведенная в 2001—2006 гг. и закончившаяся торжественными чествованиями «арийских предков» в сентябре 2006 г.

В начале XXI в. «арийство» служило в Таджикистане официальной национальной идеей и активно пропагандировалось властями. Для этого использовались СМИ, школа, художественная литература.

Таким образом, можно констатировать, что в различных государствах пост-советской Центральной Азии политика памяти выполняет очень важную инструментальную функцию. Помимо легитимации правящих режимов и проводимой ими внешней и внутренней политики, история служит инструментом в деле национально-государственного строительства.

Востребованными являются сюжеты о исключительной древности народа и его автохтонности, уникальной культуре, уходящей в глубину веков, престижных предках, героях и их подвигах, сильных и коварных врагах, в борьбе в которых закалялось единство.

В формирование коллективной памяти включаются и другие акторы, заинтересованные в присутствии в регионе, которые пытаются включить в нее свою интерпретацию исторических событий.

Различная оценка тех или иных исторических сюжетов, попытки апроприации прошлого, делает проблематичным создание общей истории народов региона, хотя недавно была презентована общая история тюркоязычных народов древнего и средневекового периода.

Галлямов Р.Р.

**ЭТНОЯЗЫКОВАЯ АССИМИЛЯЦИЯ
В ВОЛГО-УРАЛЬСКОМ МАКРОРЕГИОНЕ РОССИИ
В XX ВЕКЕ
(на примере Башкортостана и Татарстана)**

Введение

Республики Башкортостан и Татарстан, географически находящиеся в Среднем Поволжье, Приуралье и на Южном Урале, занимают значительную часть Урало-Поволжского макрорегиона России. Так, Башкортостан, с точки зрения территориального (143,6 тысяч кв. км.), демографического (почти 4, 037 млн. чел.) и экономического потенциала она занимает первое место в Приволжском федеральном округе и седьмое место в Российской Федерации. Татарстан (площадь 67, 8 тыс. км², население 3,9 млн. чел.) отстает от Башкортостана только по занимаемой территории, почти сравнявшись с ним по проживающему там населению.

Башкортостан является одним из самых полиэтничных регионов в масштабах всего Российского государства, по индексу этнической мозаичности (смешанности) он занимает прочное второе место после Дагестана, образно называемого «страной ста народов». Этническую основу населения Республики Башкортостан составляют башкиры (29,5%), русские (36%), татары (25,4%), а также несколько тюркских (чуваши – 2,7%), финно-угорских (марийцы – 2,6%, удмурты – 0,5%, мордва – 0,5%) и славянских народов (украинцы – 1,0%, белорусы – 0,3%), издревле проживающих на этой территории последние ста лет характеризуется следующими показателями (см. табл. 1).

В Республике Татарстан проживают представители 115 национальностей, главным образом татары и русские. Численность татар составляет чуть более половины населения республики (53,2 % на 2010 год). На втором месте по численности в населении республики располагаются русские (39,7 % на 2010 год). Динамика развития этнического состава населения Татарстана в течение по-

следнего столетия может быть представлена следующим образом. (См. табл.2)

Волго-Уральский макрорегион России, включающий российские республики Башкортостан и Татарстан, представляет собой, в этническом и конфессиональном смысле, один из самых сложных и противоречивых регионов России. Данная ситуация детерминруется следующими обстоятельствами.

Таблица 1.

Динамика национального состава населения Республики Башкортостан 1926-2010 гг.*

Национальность	1926			1939			1959			1970			1979			1989			2002			2010			
	Численность	Уд. вес	Уд.	Численность	Уд. вес	Уд.	Численность	Уд. вес	Уд.	Численность	Уд. вес	Уд.	Численность	Уд. вес	Уд.	Численность	Уд. вес	Уд.	Численность	Уд. вес	Уд.	Численность	Уд. вес	Уд.	
Все население	2665836	100	3158969	100	3341609	100	3818075	100	3844280	100	3943113	100	4104336	100	4072292	100									
башкиры	625845	23,47	671188	21,25	737711	22,07	892248	23,36	935880	24,3	863808	21,9	1221302	29,8	1172287	29,5									
татары	631867	23,7	777230	24,6	768566	22,99	994507	26,04	940446	24,5	1120702	28,4	990702	24,1	1009295	25,4									
русские	1064707	39,93	1281347	40,56	1418147	42,44	1546304	40,49	1547893	40,3	1548291	39,3	1490713	36,3	1452906	36,0									
чуваши	84886	3,18	106892	3,38	109970	3,29	126638	3,32	122344	3,2	118509	3,0	117317	2,9	107450	2,7									
татары марийцы	79298	2,97	90163	2,85	93902	2,81	109638	2,87	106793	2,8	105768	2,7	105829	2,6	103658	2,6									
Украинцы	76710	2,87	92289	2,92	83594	2,5	76005	1,99	75571	2,0	74990	1,9	55249	1,3	39 875	1,0									
мордва	49813	1,86	57826	1,83	43582	1,3	40745	1,06	35900	0,9	31923	0,8	26020	0,6	20300	0,5									
удмурты	23256	0,87	25103	0,79	23388	0,75	27918	0,73	25 906	0,7	23696	0,6	22625	0,5	21477	0,5									
белорусы	18281	0,68	23761	0,75	29792	0,62	17985	0,47	17 393	0,4	17038	0,4	17117	0,4	11686	0,3									
др. нац.	35722	1,34	33675	1,07	40767	1,22	36987	0,94	36 154	0,9	38 388	1,0	57 460	1,3	55792	1,4									

* Таблица составлена по материалам Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 гг.) переписей населения

Таблица 2.

Динамика национального состава населения республики Татарстан 1920–2010 гг.*

Народ	1920 год тыс. чел.	1926 год тыс. чел.	1939 год тыс. чел.	1959 год тыс. чел.	1970 год тыс. чел.	1979 год тыс. чел.	1989 год тыс. чел.	2002 год тыс. чел.	2010 год тыс. чел.
Татары	1306,2 (44,7 %)	1263,4 (48,7 %)	1421,5 (48,8 %)	1345,2 (47,2 %)	1536,4 (49,1 %)	1641,6 (47,6 %)	1765,4 (48,5 %)	2000,1 (52,9 %)	2012,6 (53,2 %)
В том числе – кряшены	-	99,0 (3,8 %)	-	-	-	-	-	18,8	30,0
Русские	1205,3 (41,2 %)	1118,8 (43,1 %)	1250,7 (42,9 %)	1252,4 (43,9 %)	1328,7 (42,4 %)	1516,0 (44,0 %)	1575,4 (43,3 %)	1492,6 (39,5 %)	1501,4 (39,7 %)
Чуваши	173,9 (5,9 %)	127,3 (4,9 %)	138,9 (4,8 %)	143,6 (5,0 %)	153,5 (4,9 %)	147,1 (4,3 %)	143,2 (3,7 %)	126,5 (3,3 %)	116,3 (3,1 %)
Удмурты	19,0	23,9	25,9	22,7	24,5	25,3	24,8	24,2	23,5
Мордва	40,2 (1,4 %)	35,1 (1,4 %)	35,8 (1,2 %)	32,9 (1,2 %)	31,0	29,9	28,9	23,7	19,2
Марийцы	22,5	13,1	14,0	13,5	15,6	16,8	19,4	18,8	18,8
Украинцы	3,2	3,1	13,1	16,1	16,9	28,6	32,8	24,2	18,2
Башкиры	139,9 (4,8 %)	1,8	0,9	2,1	2,9	9,3	19,1	14,9	13,7
Азербайджанцы	0	0,01	0,1	0,3	0,4	1,3	3,9	10,0	9,5
Узбеки	0	0,01	0,2	0,5	0,5	1,2	2,7	4,9	8,9
Армяне	0,001	0,1	0,4	0,6	0,5	1,2	1,8	5,9	6,0
Таджики	0	0	0,02	0	0,1	0,2	0,7	3,6	5,9

*Таблица составлена по материалам республиканской (1920 г.), Всесоюзных (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг.) и Всероссийских (2002, 2010 гг.) переписей населения

Во-первых, этническая мозаичность населения этого макрорегиона является одной из самых высоких на всей территории бывшего Советского Союза и уступает в Российской Федерации только ана-

логичному показателю Северного Кавказа. Наряду со значительным анклавом русского населения, а также – украинцев и белорусов, распространившихся на этой территории с конца XVI века и, особенно, к началу XX века, вместе с титульными для данных республик башкирами и татарами, в течение нескольких столетий здесь проживают и сформировались в этнонации представители нескольких финно-угорских (мари, удмурты, мордва) и других тюркских (чуваши) народов. Количественное соотношение трех наиболее многочисленных этнических групп в Башкортостане (башкиры, русские и татары) и в Татарстане (татары и русские) имеет сопоставимые значения.

Во-вторых, в этническом и социокультурном значении именно данный макрорегион России на протяжении двух последних тысячелетий испытал влияние колоссальных, по своим масштабам, миграционных потоков различных этнических групп с Востока на Запад и наоборот. Это привело к тому, что в Башкортостане и Татарстане, а также – на прилегающих к ним территориях Урало-Поволжья, в течение нескольких столетий, «отложились» различные культуры, конфессии и этносы, каждый из которых вполне можно назвать «автохтонным» по отношению к этому региону. У этнологов подобные, очень специфические по этническому и конфессиональному составу населения макрорегионы определяются как историко-этнографические области (ИЭО), применительно к данному макрорегиону он называется Волго-Уральской ИЭО [1]. Являясь зоной самого интенсивного взаимодействия западной и восточной цивилизаций, этот макрорегион, как показывает анализ общественно-политического опыта, подтверждает свое значение территории «цивилизационного столкновения» по Самуэлю Хантингтону [2].

Общепризнанно, что одну из ключевых ролей в межэтническом и межконфессиональном диалоге в Башкортостане и Татарстане, особенно – на уровне элит, играют такие крупнейшие, в масштабах данной территории, народы как: русские, а также – башкиры и татары. Последние, как чрезвычайно близкородственные в этнокультурном, этноязыковом, этногенетическом и конфессиональном значении этносы, вместе с тем, обладают достаточно большими различиями в осуществлении межэтнического и межконфессионального взаимодействия.

В данной статье рассматривается такая важнейшая составляющая этноязыковых процессов, происходящих в Урало-Поволжском макрорегионе в течение XX столетия как этноязыковая ассимиляция.

***Феномен этноязыковой ассимиляции:
теоретический подход и реальные процессы***

Важным этноязыковым явлением, рассматриваемым в данной статье, выступает процесс этноязыковой ассимиляции нерусских народов исследуемого макрорегиона. Что же представляет собой сам феномен этноязыковой ассимиляции, с точки зрения сущностного содержания и основных эволюционных этапов этого процесса? В своей работе, опубликованной почти двадцать пять лет назад (1996 год), когда в отечественной науке происходило разрушение различного рода идеологических запретов и появились работы, посвященные изучению реальных этносоциальных явлений, которым ранее не придавали значения, автор данной статьи предложил определение и структурное описание такого вида этноязыковых процессов как **этноязыковая ассимиляция**. [3]. Позднее это определение даже вошло практически полностью, без изменений, в некоторые общероссийские справочные издания [4].

Таким образом, **этноязыковая ассимиляция – это решающий этап этнической ассимиляции, процесс утери тем или иным этносом, в условиях иноязыковой среды, родного языка в качестве средства общения, в том числе – в сфере внутриэтнической коммуникации, и наконец – замена родного языка каким-то другим языком, признание последнего родным.**

Основные этапы противоречивого процесса этноязыковой ассимиляции представляются нам следующими. Во-первых, это период этноязыковой жизни, когда употребление родной речи сужается до уровня семейно-родственного общения, сохраняясь, в лучшем случае, для соседского общения с соплеменниками. Этот этап, как показывают многочисленные, в том числе и мои исследования, переживают обычно этнические мигранты в город в первом поколении. Во-вторых, характерной особенностью следующего периода этноязыковой ассимиляции является широкое применение представите-

лями нерусских народов в общении с соплеменниками: как значительного количества лексических элементов русского языка, так и смешанных форм языковой коммуникации. Например, родители обращаются к детям на родном языке, последние отвечают на русском, и наоборот. Подобная форма внутрисемейного языкового взаимодействия достаточно широко распространена среди городских башкир и татар, а также – других нерусских этнических групп Башкортостана. В-третьих, в ходе следующего, третьего этапа этноязыковой ассимиляции происходит полная замена родного языка русским во всех сферах словоупотребления, в том числе - в общении с соплеменниками, и в семье. Однако признание русского языка в качестве родного на этом этапе еще не происходит, языковая самоидентификация пока еще в целом согласуется с этнической. В-четвертых, наконец, на последнем этапе языковой ассимиляции осуществляется замена родного языка русским, признание этого факта самим носителем сохраняющегося пока этнического самосознания.

Национальный язык, как известно, является не только орудием и средством накопления и передачи новым поколениям культуры, сформировавшейся в определенных этноареальных условиях, он выполняет также этнообъединительную функцию, являясь обязательной, имманентной частью этнической культуры. Согласно концепции лингвистической относительности Сепира-Уорфа, мир воспринимается и познается сквозь призму лексико-грамматических особенностей национального языка и поэтому даже частичная утеря каким-либо этнофором, и в целом – этносом, языка приводит к размыванию этнокультурной идентичности [5]. Именно поэтому, этноязыковая ассимиляция выступает решающим этапом этнокультурной и этноидентификационной ассимиляции народов, несмотря на то, что история человеческой цивилизации знает примеры сохранения этнической идентичности у некоторых дисперсно расселенных этносов даже при окончательной утере связей с родным этническим языком (евреи, армяне и др.).

Диахронный анализ развития абсолютной русскоязычности (т.е. признания русского языка в качестве родного) у нерусских народов Урало-Поволжья как в целом по макрорегиону, так и среди городского населения показывает, что динамика рассматриваемого

этноязыкового явления почти адекватно отражает степень вовлечения тюркских этносов в урбанизационный процесс. Наибольший всплеск смены родного языка русским среди башкир и татар наблюдается с начала 1950-х годов, когда начинается первая волна «великого переселения» нерусских народов (особенно – татар) из деревни в город. То, что языковая ассимиляция башкир и татар происходит в основном в условиях города, подтверждается сопоставлением развития русскоязычности в целом по этносу и его городской составляющей: у башкир до самого конца 70-х годов, т.е. до начала интенсивного включения в урбанизационный процесс, смена родного языка на русский оставалась незначительной (2,7%), хотя в городах к этому времени уже достигала 8,2% от числа городских представителей этноса; у татар русскоязычная ассимиляция, по результатам переписей, к концу 70-х превысила 7%. При этом в городах еще к концу 1980-х годов свыше 10% татар называли своим единственным родным языком русский (см. табл. 3.).

Более широкой языковой ассимиляции подверглись другие нерусские народы макрорегиона. Так, в 1989 году родным языком в городах, например, Башкортостана, республики называли русский 61,7% украинцев; 73,0% белорусов, 88,0% евреев. Однако если русскоязычность последних вполне объяснима, так как, во-первых, они традиционно составляют в Башкирии в основном городское население и поэтому длительное время испытывают городское русскоязычное влияние, во-вторых, входят в общую с русской речью славянскую языковую группу, то большие, чем у башкир и татар, масштабы признания родным языком русского среди горожан-марийцев (19,4%), чувашей (28,5%) и удмуртов (21,5%) вызваны, скорее всего, этнотерриториальной оторванностью от «своих» национальных республик и чрезвычайно дисперсным расселением в городах. Последнее обстоятельство не позволяет сформировать сколько-нибудь устойчивые ареалы национально-языкового общения и приводит в конце концов к замене родного языка русским.

Исследование возрастных характеристик процесса замены родного языка на русский у башкир и татар в городах Башкортостана по своим результатам согласуется с динамикой вовлечения этих этносов в «городскую цивилизацию» и количественным значени-

ем, ролью различных по «городскому происхождению» поколений нынешних горожан. Поэтому среди молодежи до 20 лет доля башкир и татар, считающих своим родным языком русский, составляет соответственно 7,86% и 12,6%. Поколение от 20 до 40 лет также в значительной степени (особенно - у татар) родилось в городе, где и проходило этническую и языковую социализацию. В соответствии с этим у довольно большого процента горожан (3,89% - у башкир и 6,94% – у татар) основных тюркских народов среднего поколения также произошла замена родного языка на русский. Существенная разница по сравнению с более молодыми поколениями наблюдается по масштабам изменения родного языка у 40-60-летних башкир и татар. Эта часть городского населения, являясь горожанами «в первом поколении», почти полностью переехала в свое время в город из родной деревни, поэтому среди лиц, признающих родным языком русский, составляет всего 1,39% и 3,45% соответственно. Наконец, у нерусских горожан самого старшего поколения (60 лет и старше) процесс замены родного языка русским статистически почти отсутствует, и распространен он, скорее всего, среди тех немногих башкир и татар, которые проживали в городах еще до начала индустриальных преобразований 30-х годов и Великой Отечественной войны (см. табл. 4.).

Таблица 3.
Смена родного языка русским среди башкир и татар Башкортостана
в динамике, %

Национальность	Доля лиц, признавших родным языком русский, %													
	1926		1939		1959		1970		1979		1989		1994	
	всего	город	всего	город	всего	гор.	всего	гор.	всего	гор.	всего	гор.	всего	гор.
Башкиры	0,03	0,45	0,25	1,09	1,03	4,38	1,5	6,3	2,7	8,2	4,6	9,6	4,2	9,7
Татары	0,075	0,54	0,23	1,2	1,89	4,28	3,3	6,7	5,4	8,5	6,6	10,3	6,8	10,8

Таблица 8.

Степень признания русского языка родным у башкир и татар Башкортостана различных возрастов по переписи 1989 года, %

Национальность		Признают родным языком русский			
		15 до 20 лет	20-39 лет	40-59 лет	60 лет и старше
Башкиры	всего	7,86	3,83	1,44	0,48
	город	7,26	3,89	1,39	0,42
Татары	всего	12,0	5,78	2,04	0,65
	город	12,6	6,94	3,45	1,22

Если анализировать материалы новейших российских переписей населения, то приходишь к выводу о том, тенденции развития этноязыковой ассимиляции нерусских народов не только сохраняются, но существенно усиливаются. Методика всероссийских переписей 2002 и 2010 годов, к сожалению, не содержит показателя «родной язык» у представителей нерусских народов. Однако приблизительные значения русскоязычной ассимиляции вполне можно представить на основе компаративного анализа данных о степени владения родным и русским языком. Применительно к основным народам Башкортостана эти данные представлены в следующей таблице (см. табл. 4)

Таблица 4.

Уровень владения родным и русским языками у нерусских народов Башкортостана (по результатам Всероссийских переписей населения 2002–2010 гг.)

Годы и языки	2002		2010	
	родной	русский	родной	русский
башкиры	912202 (74,69%)	1135714 (93 %)	790383 (67,42%)	1130432 (96,43%)

татары	859748 (86,78%)	955368 (96,4%)	673567 (66,74%)	992594 (98,35%)
чуваши	91050 (77,61%)	114001 (97,2%)	69218 (64,42%)	106405 (99,04%)
марийцы	88605 (83,72%)	100308 (94,8%)	76184 (73,5%)	101126 (97,56%)
украинцы	19726 (35,7%)	54974 (99,5%)	11865 (29,76%)	39857 (99,95%)
удмурты	19102 (84,43%)	20662 (91,3%)	17473 (81,36%)	20591 (95,87%)

Как это хорошо видно из таблицы, у почти всех народов Башкортостана уровень владения русским языком от 10 до 30 с лишним процентов превышает уровень владения родным языком. Если в отношении башкирского народа (почти на треть татароязычного) данный феномен вполне понятен, то применительно к другим этническим группам, особенно – в отношении финно-угорских народов, данная статистическая закономерность может объясняться только русскоязычной ассимиляцией. Наибольшие показатели русскоязычной ассимиляции, как видно из таблицы, демонстрируют (в убывающей последовательности): украинцы (свыше 70 %); чуваши (более 35 %) и татары (свыше 30 %).

Выводы

Первое. Волго-Уральский макрорегион Евразийского континента занимает особое место в системе этнонациональных отношений: как в диахронном значении, так и на современном этапе. Эта территория была, начиная с самого начала современной эры человечества, зоной самого интенсивного взаимодействия угрофинских, тюркских и славянских этноязыковых групп, в результате осуществленных массовых миграционных потоков с Востока на Запад и обратно. К началу XX века этноязыковая картина данного макрорегиона практически полностью стабилизировалась и привела к формированию на этой земле многочисленных этносов, постепенно перерастающих в нации, которые являются, с точки

зрения проживания, «автохтонными» образованиями в рамках Российской империи. Этноты были расселены как концентрированно (в рамках отдельных территорий), так и довольно часто – чересполосно. В XX веке на территории данного макрорегиона произошли фундаментальные этноязыковые изменения, вызванные самыми разнообразными и глубинными расселенческими, социально-экономическими и общественно-политическими процессами, потрясающими нашу страну в этот период. К наиболее значимым такого рода изменениям несомненно относится этноязыковая ассимиляция нерусских народов.

Второе. Как показывает анализ, на всей территории Волго-Уральского макрорегиона на протяжении всего XX столетия, особенно интенсивно – начиная со второй половины века, развивается этноязыковая ассимиляция – решающий этап этнической ассимиляции, процесс утери тем или иным этносом, в условиях иноязыковой среды, родного языка в качестве средства общения, в том числе – в сфере внутриэтнической коммуникации, и наконец – замена родного языка каким-то другим языком, признание последнего родным. Анализ основных направлений распространения русского языка в разнообразных сферах жизнедеятельности и среди различных возрастов нерусского населения позволяет сформулировать вывод о формировании и устойчивом функционировании явления их этноязыковой ассимиляции в русскоязычной среде.

Третье. Основными «плацдармами», через которые происходит не только проникновение русского языка в этноречевую мир нерусских народов, но и в большей степени, вытеснение родного языка из всех сфер жизнедеятельности, замена последнего русской речью, особенно – у поколения, родившегося и выросшего в городе, выступают следующие факторы: а) молодое поколение нерусских горожан, сформировавшееся в условиях иноязычной городской среды и русскоязычного школьного образования, в значительной мере утрачивает даже те небольшие навыки общения на родной речи, которые появляются на ранних стадиях у детей в родственно-бытовой сфере. Национальная семья в этноязыковом смысле не выдерживает конкуренции с мощным давлением на подрастающее поколение языка улицы (очень важного для детей)

и языка, на котором последнее получает образование; б) большое влияние оказывает распространение смешанных браков, масштабы распространения которого достаточно велики (от 16,2% на селе и 25,5% в городе). Социологические исследования фиксируют тот факт, что при выборе языка общения в национально-русских смешанных семьях даже взрослые, сформировавшиеся в этноязыковом смысле представители нерусских национальностей, предпочитают обращаться к родственникам не на родном, а на русском языке; в) определенное значение для вытеснения из употребления родного языка имеет речевое поведение нерусских горожан в производственной сфере, где безраздельно господствует русская речь. Даже у этнических мигрантов из села в город постоянное русскоязычное взаимодействие на работе, формирующееся в устойчивые этноязыковые навыки, проецируется затем постепенно на формы этноречевого общения в семье.

Литература

1. Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: Этногенетический взгляд на историю. – М.: Наука, 1992. – 347 с.
2. Хантингтон Самуэль. Столкновение цивилизаций // Метод доступа: <http://tower-libertas.ru>...Hantington...Stolknovenie...аб.pdf
3. Галлямов Р.Р. Многонациональный город: этносоциологические очерки. – Уфа, 1996.
4. Тавадов Г.Т. Этнология. Современный словарь-справочник. – М., 2011.
5. Уорф Б.Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Новое в лингвистике. – М., 1960. – С.135–168.

**THE STATE LANGUAGE AS A SYMBOLICAL
AND INSTRUMENTAL BACKGROUND FOR INTEGRATION
OF SOCIETY IN LATVIA**

Introduction

Some years ago, in 2018, the Republic of Latvia celebrated its 100th anniversary. This was also a milestone for analysis and evaluation of state's history and significance of statehood elements and historical symbols, the Latvian language in particular (Druviete, Veisbergs 2018). When Latvian as the sole official State language has been restored during the awakening period (1988-1991) the main tasks of language policy makers, mostly professional linguists and sociolinguists have been clearly defined – to ensure the sustainability, linguistic quality and competitiveness of the Latvian language as the state language of the Republic of Latvia, as well as guarantee to preserve, develop and use the languages of minorities of Latvia. Since the restoration of independence, the position of Latvian has seriously improved both legally and demographically although the language situation remains complex and competitive. Since 2004 Latvian is one of the official languages of the European and is also part of global linguistic diversity facing all the challenges of the processes of globalization (Druviete 2009). U. Ozolins has stated that, “there are few countries in the world in which language policy has been more central to issues of national life and politics than in the Baltic States” (Ozolins 1999: 6). As the other Baltic States, Latvia embodies the “language as heart and core” approach both in official language policy and in public opinion. There are obvious historical, geopolitical, and psychological reasons for it, and these attitudes cannot be changed voluntarily in a short period of time. It has to be taken into account that historical understanding in assessing contemporary language policy is necessary if one wants to provide a fair judgment of the language situation in countries that have undergone a fundamental return to values and orientations previously denied (see Hogan-Brun et al. 2009: 10). There are no two countries with identical sociolinguistic situation, however, the case study of Latvia may provide some ideas for comparative language policy studies.

Historical overview

There exists extensive literature on language situation and language policy in Latvia in English, too, so only some background facts could be reminded. The Latvian language belongs to the Baltic group of the Indo-European family of languages (the other Baltic language – Lithuanian; the third Baltic language – Old Prussian – became extinct at the end of 17th century). First written texts appeared in the 16th century, the literacy rate among the Latvian population was high, and standardised Latvian became widespread. By the end of 19th century Latvians were consolidated as a nation, and strong national awakening tendencies were felt although the Latvian culture and nation developed against the background of the rivalry between German and Russian influence. As a result of a favourable historical situation the independent Republic of Latvia came into being on 18 November 1918. The legal status of Latvian became one of the most important issues of domestic policy. Several laws concerning use of languages were adopted, e.g. *The Regulations of State Language Proficiency* (1921), *The Law on State Language* (1935). At the same time minority language policy was recognized as good by the League of Nations. The Latvian language functioned in all the sociolinguistic functions and cultural autonomy was granted to the minorities. This promising situation was ended by the 1940 incorporation of Latvia in the USSR. During the occupation massive ethnodemographic changes took place; the number of Eastern Slavic people increased by 4.5 times, and asymmetrical Russian-Latvian bilingualism due to Soviet language policy developed. The Latvian language lost more and more functions. The language situation in Latvia before independence could be described as follows: shrinking of sociolinguistic functions of Latvian; ideology of Russian as the “second mother tongue”; extensive use of Russian on administration and industries; low Latvian as L2 competence (20%) among minorities; Russification of non-Russian minorities; psychological resistance of Latvians characterized by high mother tongue loyalty. The ambiguous nature of Soviet language policy (supported *corpus planning* vs. restricted *status planning*) resulted in high linguistic quality of Standard Latvian despite of restrictions of use. Therefore as a sign of national resistance even before independence the status of Latvian as the sole official State

language has been restored; in 1989 the first *Language Law* has been adopted. Independence has been renewed on August 21, 1991, bringing serious changes in language policy. The pre-independence Language Law has been amended in 1992. The acting *Law on State Language* has been adopted in 1999, supplemented by several Regulations by Cabinet of Ministers. The main working document for implementation of this Law is *Guidelines of the State Language Politics* (2010-2014, 2015-2020). Now Latvia is a member state of EU and NATO (since 2004), member state of the OECD (2016). Its current population is 1 million 958 thousand people (2020) - Latvians 63%, Russians 24.7%, Belarusians 3.2%, Ukrainians 2.3%, Poles 2%, others 4.5%. Latvian is one of 200-250 languages out of ca.7000 in the world spoken by more than one million of people, so we cannot define it as a small language. However, Latvian has strong languages in competition in its language market - Russian and English, two international languages with high economic value.

Language Legislation and Support for Language Acquisition in Latvia

In order to reverse language shift Latvian has been proclaimed the sole official State language already in 1988 (*Language Law of the Latvian SSR*, 1989) recognising Latvia as a result of self-determination of Latvian ethnos, continuation of Republic of Latvia established in 1918. Latvia is the only territory where the Latvian language can survive, and Latvia is the only country of the world which can assume responsibility for protection and development of the Latvian language. The fact that Latvia is a unitary country - not the federal one (like Belgium) or the one with special history and linguistic regulations (like Finland or Luxembourg) – has also been taken into account avoiding any territorial differences in language legislation throughout the country

In 1992 the *Republic of Latvia Language Law* has been adopted; the *Official State Language Proficiency Certification Regulation* and the *Regulations of the Republic of Latvia Official State Language Inspection Board* have been adopted too, followed by some other subordinate legal acts. In 1992 the first specialized language policy institution has been founded – the State Language Centre under the Ministry

of Justice. The Centre administrated the language proficiency testing, the activities of the State Language Inspectorate, organized language consultation service and supervised language teaching organisations. In 1995 the *National Agency for the Latvian Language Training* has been established to ensure teaching of Latvian as L2 preparing study materials and organising language courses. As a result of these joined activities of teaching Latvian, carrying out language proficiency certification and controlling language use the Latvian language skills among minority population increased from 18% in 1989 to 63% in 1995, and 92% in 2020.

In 1999, the present *Law on State Language*, and in 2005 the *Official State Language Policy Programme* had been adopted. The tasks of the programme included elaboration of a definite state language policy and formation a clear mechanism for its implementation. The fostering of capacity for official language policy institutions and promoting their cooperation provoked some changes in the system of language policy institutions. Now there is a well-defined structure of state-founded language policy institutions in Latvia.

Language Policy Institutions

Now the leading national language policy institutions are the State Language Centre and the Latvian Language Agency. From 2002 till 2019 the State Language Commission under the Auspices of the President of Latvia had been very active with the primary goal to identify strategic directions for language policy by all-encompassing, situational analysis- based research.

The State Language Centre has been founded in 1992 and had undergone several institutional transformations up to now. In 2000, the important function of the State language proficiency certification has been transferred to the Ministry of Education and science; in 2009 the Centre incorporated the previous Translation and Terminology Center. The main task of the Centre is to supervise the compliance with laws and regulations in the field of the use of the official language and to translate the laws and regulations of the Republic of Latvia into languages of the EU Member States. The State Language Centre consists of several departments. Language Control Department consists of two branches –

Riga Branch of the Language Control Department and Regional Branch of the Language Control Department. Language Control Department has the following functions: 1) to exercise control over the compliance with the laws and regulations on the use of the official language; 2) to take measures to protect the rights and interests of the user of the official language in cases of violating the Official Language Law and other laws and regulations; 3) to examine cases on administrative violations and to impose administrative fines according to the procedure set out in the laws and regulations. The Terminology and legal translation department maintains a terminology database, prepares methodological guidelines for legal translation. The Centre supervises the Latvian Language Expert Commission. It codifies norms of the standard language and provides opinions on various language issues. The Latvian Language Expert Commission has two sub-commissions: Sub-commissions for Place-names and Sub-commission of the Latgalian Written Language. The Calendar Names Expert Commission deals with the person names and their inclusion into the calendar (see www.vvc.gov.lv).

The Latvian Language Agency was established in 2002 in order to promote and strengthen the status and sustainable development of the Latvian language. Latvian Language Agency is a direct administration institution supervised by the Minister of Education and Science. Accordingly with the aim there are three areas or objectives, namely:

1) to analyse the situation of the Latvian language and dynamics of the sociolinguistic processes;

2) to increase the competitiveness of the Latvian language in Latvia and worldwide;

3) to provide support for the Latvian language in Latvia and abroad.

Regular investigation of language situation is the only way how to evaluate the results of the language policy and how to plan its forthcoming tasks. Research and monitoring of the language situation carried out by the Latvian Language Agency serves as a basis to define maximum precisely the most urgent tasks in the implementation of language policy to be implemented in the short and longer term.

In order to enhance the language quality in society the Agency is providing consultations related to the usage of Latvian. Major part of consultations deals with proper spelling of foreign proper names in Lat-

vian corresponding to the Standard Latvian, person name identification; questions related to orthography, literary pronunciation (orthoepy), vocabulary, grammar, language culture and literary style. Also, Agency provide linguistic examinations and expertise, i.e. elaborate linguistic explanation and interpretation of a word, sentence or parts of text – how to understand and perceive it in a given context. Language consultations are commonly used by individuals, legal persons, media (radio, TV, magazines, newspapers, national and local government authorities (including law enforcement). It organises various events/activities in order to involve broader general public to take a part in the implementation of language policy. to language. It includes competitions, quizzes, presentations of books, seminars, conferences, educational events for pupils, students, teachers and the wider members of the public in all country and abroad (Latvian diaspora).

One of the key functions of LLA in promoting society integration is to ensure a favourable learning environment for language learning. The acquisition of the Latvian language is supported as for it as the mother tongue, the second language or a foreign language. Great attention is therefore paid to methodological skills and professional development of the teachers of Latvian as a second language (LAT2). In order to ease the remigration, particular attention is paid to those Latvians and their children who are living abroad. LLA provides support to Latvian schools abroad by ensuring the activity of specialists in most of Latvian schools abroad; sending methodological and study resources, dictionaries and literature; preparing and publishing methodological and study resources and materials; evaluating curriculum, study materials and learning process; organizing meetings and seminars and providing methodological consulting; encouraging to award Latvian students and teachers in diaspora.

Specific and very broad area of support is teaching materials, textbooks, E-learning resources, mobile applications, informative materials etc. developed by the Latvian Language Agency. To ensure the availability of language acquisition resources a special website has been created “Māci un mācies latviešu valodu” (“Teach and Learn Latvian”). It is a website offering open educational resources for Latvian language acquisition (see www.valoda.lv).

Latvian language in education

Since 1991, serious changes in the public education system have been taking place. During the Soviet period, general education was available only in Latvian and Russian and Latvian was not mandatory in Russian schools. The system of bilingual education was gradually introduced in the Baltic States. Bilingual education in Latvia meant a purposeful organisation of the study process using two study languages – the respective minority language (Russian, Ukrainian, Belorussian, Polish, Lithuanian, Estonian, etc.) and Latvian as the official state language.

Since 1989, Latvian had been taught in all types of educational establishments. Several stages of bilingual education for minority schools have been implemented: 1995–1998 – two subjects in primary school, three subjects in secondary school in Latvian; since 1999 – various models of bilingual education differing in language proportions; since 2004 – the model 60: 40 in secondary schools; since 2008 – a common exam in Latvian for all graduates, since 2012 – all the exams in Latvian only. Since 2020 the main language of education throughout all the system of general education is Latvia while the respective language and culture studies for minorities provided. The first foreign language in schools is English. Russian is not obligatory in Latvian schools. The other most popular foreign languages are Russian, German, and French.

The *Law on Higher Education* establishes that the language for state-financed higher education establishments is Latvian. Following the internationalization tendencies there are exceptions allowing also the use of the official languages of the European Union. Latvian sociolinguists strongly insist on protection of Latvian in higher education and research because it has an impact on the quality of language in general (terminology, academic writing, scientific popular literature) as well as on the language use and teaching/learning ideologies and practices in all the hierarchically subordinated education system (Druviete 2014).

Language as Identity

The implementation of Latvian language policy has three main aspects: legal, pedagogical, and linguistic aspect. It is necessary to have a coordinated approach in all three aspects. Language policy is a special area, which “takes into account its [language’s] meaning as a national symbol and a fundamental element of national identity and also

considers that the existence, development, and long-term survival of a language are directly dependent on its speakers as well as factors, which, acting together, can significantly influence intended results of a policy” (*Guidelines for State Language Policy 2015-2020*). Latvian policy-makers have to find an answer to the main question: How to promote Latvian language skills, use and positive language attitudes in the situation of implementation of full scope of minority language rights and linguistic self-sufficiency of Russian language speakers, immigration situation and Russia’s media environment? Monitoring the language situation in Latvia for more than thirty years there is a lot of evidence that the main problems of *de facto* establishing the official State language have to do with language attitudes, not with Latvian language skills. As a fact, there is an inseparable link between language attitudes and identity issues. This interaction is quite complex to be described in scholarly terms, but its impact to language use and updating of language policy in Latvia is of great significance.

The popular support is necessary, but the main responsibility lies on official language policy institutions. In 2014 the Latvian Constitution was supplemented with the Preamble which mentioned the Latvian language three times (Druviete, Ozolins 2016: 139-140). One of the authors of the Preamble, lawyer and now President of the Republic of Latvia Egils Levits, asserted the central role of the state in defending cultural uniqueness: “A state is not neutral towards its national culture, but has to justify its existence, and care for the Latvian language and cultural development. This certainly mandates the state’s minimum responsibility (for example, a school system, the Latvian language, use of the state language in public space, support for Latvian culture, and that in all information media, etc). However, in what way and in what measure (above this minimum responsibility) the state undertakes this, is a concrete political question. (Levits, 2013: 11, translation by U.Ozolins). The official state language policy institutions have to do a lot above their “minimal responsibilities” in order to ensure the maintenance and development of Latvian in a complex and competitive language situation.

Conclusion

In Latvia’s ethnodemographic and geopolitical situation, only statistical data and legislation are not sufficient to understand the language

situation, as they do not give a complete picture on language competition with the two languages with much higher economic value (Russian and English). Measurable parameters of the language situation should be analyzed in a broad historical and international context and in close association with language attitudes, or in other words, within the system of values among various societal groups. These values depend not only on traditional narratives, which in Latvia often include stereotypes about Latvian as an endangered and disappearing language, but also on the public awareness of languages and their competition, both in the world and in Latvia. The future of the language will be determined by the adaptability of language to the users' needs, effectiveness of language policies, the will of Latvians, and a multitude of other factors.

References

Druviete, I. (2009). The Latvian language: Official language of the Republic of Latvia and official language of the European Union. In: Stickel, G. (ed.). *National and European Language Policies. Contributions to the Annual Conference 2007 of EFNIL in Riga*. F.am Main: Peter Lang, 79-85.

Druviete, I. (2014) English in Latvia: Symbol of European Identity, Tool for Career Promotion or “The Third Force”? In *Sociolinguistica: Internationales Jahrbuch für Europäische Soziolinguistik. Die Einstellungen und die Politik der Nationalen Sprachinstitute in Europa zu Englisch als Europäische Lingua Franca* (pp.69-88). Berlin/Boston: Walter de Gruyter.

Druviete, I., Ozolins, U. (2016). The Latvian referendum on Russian as a second state language, February 2012. In: *Language Problems & Language Planning* 40:2 (2016), 121–145.

Druviete, I., Veisbergs, A. (2018). The Latvian Language in the 21st Century. In *Latvia and Latvians : Collection of scholarly articles*. (pp.244-278). Vol. I. Riga : Latvian Academy of Sciences.

Hogan-Brun, G./Ozolins, U., Ramoniene, M., Rannut, M. (2009). *Language Politics and Practices in the Baltic States*. Tallinn: Tallinn University Press.

Levits, E. (2013). Izvērstas Satversmes preambulas iespējamā teksta piedāvājums un komentārs. [Draft of possible text of a Constitutional Preamble and commentary]. In *Jurista Vārds*, 39 (790), 8-19.

Ozolins, U. (1999). Between Russian and European hegemony: Current language policy in the Baltic States. In: *Current Issues in Language and Society*. Vol. 6 (1), 6-47.

Ешпанова Д.Д.

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАЗАХСТАНСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Юбилейной датой доктора философских наук, профессора Рустема Казахбаевича Кадыржанова отмечен июль 2020 года. Р.К. Кадыржанов один из ведущих политологов Республики Казахстан, автор многих работ по философии, политологии, этнополологии, политической культуре. Среди его научных работ как монографические исследования, так и учебники, и учебные пособия. Осмысление новой реальности во всем противоречии ее состояния и динамики нашли отражение в ряде работ юбиляра. Особенно значительны его работы по проблемам консолидации казахстанского общества, культурной интеграции, языковым проблемам, этносимволизму. Пожалуй, особенностью его творчества являются новаторские идеи трактовки исследуемых явлений и процессов, иногда спорные, но именно их принимает научное сообщество. Будучи человеком открытым, он сторонник широких контактов с зарубежными коллегами, что, несомненно, способствует международным связям казахстанской политологии. В повседневной жизни он остается человеком непосредственным, честным, порядочным, преданным своему делу. Друзей и коллег подкупает его доброжелательное отношение к людям, мудрость, отзывчивость.

Дорогой Рустем Казахбаевич! Поздравляю со знаменательной датой, желаю долгих счастливых лет Вам и Вашим близким, вдохновения в новых научных поисках.

Важнейшей социальной функцией молодежи является активное преобразование существующих социокультурных моделей, ценностей и убеждений. Новые социально-политические, экономические, исторические реалии, специфика геополитического положения страны, а также многолетняя практика проживания в рам-

ках одного государства общностей с разными этнокультурными традициями, с одной стороны, а, с другой стороны, неспособность отождествить себя в национально-государственном может стать причиной агрессии по отношению к «чужим» этносам и культурам, что будет тормозить процессы консолидации в обществе. В связи с этим, исследование особенностей национально-культурной идентичности казахстанской молодежи представляет большой интерес. В данной статье мы исходили из того, что анализ целостных ориентаций поможет глубже понять особенности идентификационных процессов казахстанской молодежи. Эмпирическую базу исследования составили материалы социологического опроса, проведенного в рамках программно-целевого исследования «Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания» (апрель-июнь 2019 г.).

В процессе развития любой народ формирует свою систему идентичностей (родовую, этническую, конфессиональную), но, если разные народы живут на одной территории, их взаимодействие по обустройству жизни предполагает не просто развитие, но и конструирование новых идентичностей, качественное изменение идентификационных структур на основе формирования новой социальной реальности. Процессы трансформации идентичности сложны и происходят достаточно медленно.

В качестве ценностной составляющей, характеризующей национальную идентичность, молодым респондентам предложили оценку системы отношений «полиэтническое общество и молодежь». Такая оценка выявляет представления молодого поколения о наиболее эффективном способе построения взаимоотношений молодежи в полиэтнической казахстанской среде.

Результаты опроса показывают, что большая часть молодых казахстанцев высказалась за проживание и проведение свободного времени в многонациональной среде – 67,6%, среди людей своей национальности хотели бы жить – 18,8%, в среде, где «большинство представители моей национальности» – 9,3%, где «большинство представители не моей национальности» – 2,6%.

Вместе с тем, есть ощутимая разница в этническом срезе. Так, например, в многонациональном обществе больше предпочитают

жить русская молодежь – 82,8 и молодежь других этносов – 75,3%, среди казахов таковых – 62,5%. Пятая часть молодых казахов комфортно жила бы среди людей своей национальности – 21,7, среди русских таковых – 10,3%, среди молодежи других этносов – 14,1%. За среду, где большинство людей, представители моей национальности высказались – 11,2 казахов, – 4,8 русских и – 3,5% представители других этносов.

Работать и учиться молодые казахстанцы также предпочитают в многонациональном обществе, так высказалось 70,6 опрошенных. Но, если такой выбор сделан казахами – 68,3; то среди русских таковых – 75,9%; среди других этнических групп – 76,5%.

Для выявления комфортной культурной среды респондентам был задан вопрос: «Подумайте о себе и скажите, пожалуйста, в какой культурной среде Вы живите и ощущаете себя?». Опрос показал, что, если для большинства казахов комфортной культурной средой является казахская (68.2%), то для русской молодежи субъективное ощущение сопричастности со своей культурной средой несколько размыты. Конечно, значительная часть русских респондентов отметили свою принадлежность к традиционной русской культуре (44,8%), но немало и тех, кто хорошо чувствует себя и в казахской и в своей национальной культуре (26,9%). Еще более дифференцированы ощущения комфортности культурной среды у представителей молодежи других этносов: в казахской, культуре ощущают себя 24,7%, в своей национальной среде 22,4%, и в казахской и в своей культуре 11,8%. Таким образом, если казахи, в большинстве своем, ощущают себя, прежде всего, в традиционной казахской культуре, то культурные ощущения русских разнятся, хотя тех, кто однозначно заявил о своей принадлежности к русской культуре больше, но немало и других. Представители других этносов, в равной мере, идентифицируют себя и с казахской культурной средой, и со своей национальностью.

Несмотря на то, что казахский язык в Республике Казахстан является государственным, коренного перелома в его распространении не произошло. Данные опроса говорят о неоднозначности языковой ситуации в республике. В эмпирическое исследование были включены вопросы для выявления владения языковой компе-

тенцией различных этнических групп. В целом, безупречное владение государственным языком отметили 70,5; в то время как, доля тех, кто способен воспринимать казахский язык на слух и, тех, кто вовсе не владеет им, представляется более низкими показателями – 17,5 и 12,0%, соответственно.

Наиболее низкий уровень владения государственным языком наблюдается у опрошенных из числа этнических русских – 6,9%, отсюда вполне ожидаемо, что половина представителей данной целевой группы (48,3%) высказались о своем абсолютном незнании государственного языка. Напротив, около половины представителей других этнических групп сообщили, что знают государственный язык в совершенстве (44,7%).

Казахи заявили о высокой степени знания казахского языка, но анализ ответов применения по сферам жизнедеятельности показывает, что в немалой степени русский язык остается языком общения. Так, например, общаться в семье предпочитают на казахском языке – 80,4%, написать письмо или сообщение – 63,4%, прочитать книгу – 57,8%, слушать теленовости – 58,2%, общаться официально и профессионально – 55,1. Если в семьях 18,8% казахской молодежи предпочитают общаться на русском, то в написании писем близким на русском пишут уже -36,1%; читают книги – 40,8%, профессионально общаются на русском языке – 42,8%. Таким образом, опрос показал, что чем дальше сфера деятельности от ближайшего окружения, тем большее коммуницирование на русском языке.

Языковое поведение русской молодежи – это общение на русском языке во всех сферах жизнедеятельности. Русский язык является главным языком коммуницирования и у молодежи других этнических групп, лишь третья часть общается на родном языке в семье (32,9%), писать письма близким предпочитают на родном – 16,5%. Вместе с тем, в отличие от русской молодежи некоторая часть молодежи из этой группы может в различных сферах общаться и на казахском.

Обращают на себя внимание ответы на вопросы, касающиеся сферы языка в государственной политике: «Что на Ваш взгляд, необходимо предпринять государству, чтобы иметь большие гарантии сохранения и упрочения межнационального согласия?».

Респондентам предлагались следующие варианты ответов: «необходимо ускорить внедрение казахского языка во все сферы жизни» и «нужен специальный закон о статусе русского языка как официально употребляемого».

Действия государства в расширении сфер применения казахского языка считают однозначно необходимыми более трети казахской молодежи – 35,1%, 11,7% русских и 27,1% представителей других этнических групп. Вместе с тем, 43,4% опрошенной русской молодежи не считают такие действия государства нужными, среди казахов таковых – 15,2%, среди молодежи других этнических групп – 27,1%. Когда же речь идет о возможности специального закона о статусе русского языка, то половина русской молодежи поддерживают эту идею – 49,7%. В пользу такого закона высказались 22,8% казахов и 35,3% молодежи других этносов, не поддерживают такой закон четверть опрошенных казахов – 24,8%, чуть более десятой части русских респондентов – 11,0 и почти столько же молодежь других этнических групп.

Большая часть казахской молодежи высказалась за внедрение казахского языка во все сферы общества. Молодежь других этнических групп, хотя и в меньшей степени, но также поддерживает такую позицию. Противоположную позицию занимает большая часть русской молодежи, хотя тех, кто заявил о поддержке казахского языка, среди них достаточно много.

Русский язык. в первую очередь, поддерживается русской молодежью. Молодежь других этнических групп, в большей степени, поддерживает русский язык, чем казахский. Большая часть казахской молодежи вполне доброжелательно отнеслась к предложению о придании нового статуса русскому языку.

Приведенные данные показали противоречивые позиции казахской и русской молодежи в языковой сфере. Русская молодежь в большей степени дистанцируется от казахского языка, чем казахская от русского языка. Такая ситуация говорит о том, насколько трудным и сложным является процесс культурного развития и межкультурного взаимодействия.

На первый взгляд может показаться, что четкая этническая идентичность особенно характерна для казахской молодежи. Так,

несмотря на исторически сложившиеся традиции сосуществования в полиэтническом обществе у казахов, больше, чем в других этнических группах наблюдается ориентированность на ограниченное межэтнических контактов. Но так ли это?

Для большинства этносов язык является главным этнодифференцирующим признаком, составляющей этническое самосознание, маркером этнической идентичности, поэтому, значимость и функционирование родного языка – это вопрос существования этноса, народа.

Если казахский этнос условием сохранения и распространения родного языка видит в создании казахской среды, то для русского этноса более важно, чтобы русский язык не терял своего статуса и этим можно объяснить их большую ориентированность на полиэтническое казахстанское общество – жить и работать в многонациональном обществе, где русский язык являлся бы основным языком взаимодействия.

В заключение можно сделать следующие выводы:

- современная модель межэтнического взаимодействия в стране оценивается казахстанцами позитивно. Основным критерием оценки является возможность мирного сосуществования различных этнических групп на одной территории, высокий уровень вовлеченности в культурные практики;

- данные опроса указывают на различную степень владения и применения государственного языка казахстанцами. Низкий уровень владения государственным языком наблюдается в русской этнической группе;

- абсолютное большинство казахов отметили хорошее знание казахского языка, но, как показывает опрос, использование его распространяется, в основном, в общении в рамках семьи, родственников. Опрос также показал, что и в семье общаются не только на казахском языке, но и широко используется русский язык;

- государство должно способствовать развитию казахского языка, распространению его во все сферы общества, считает большая часть казахстанцев и, особенно, казахская их часть. В этом казахов поддерживают другие этнические группы. Но, эта идея не находит широкой поддержки среди русской части казахстанцев,

хотя, и среди них не мало тех, кто поддерживает распространение казахского языка в обществе. Это говорит о разделении русских на две группы: часть (почти половина) не поддерживает развитие казахского языка и, наоборот, другая половина - поддерживающих. Когда же речь идет о возможности специального закона о статусе русского языка, то, как показывает опрос, эта идея находит широкую поддержку со стороны русской части казахстанцев. Среди казахов одна половина выступила в поддержку русского языка, а другая половина, наоборот, отказывает в придании ему нового статуса;

- идентичность со своей этнической группой, как приоритетная модель поведения, характерная для большинства молодых казахстанцев. Особенно это проявилось в языковой сфере.

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ АСПЕКТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Переход стран Центральной Азии на независимый путь развития не во всех этих государствах сопровождался попытками инкорпорировать демократические институты в структуру государственного устройства. Общее состоит в том, что национально-государственное строительство на обломках СССР продолжается на основе прежнего, сталинского понимания нации, высказанного в 1912-1913 гг. в статье «Марксизм и национальный вопрос». Советская действительность добавила к этому пониманию национальности как этнонации определение некоторых национальностей как титульных, т.е. давших название конкретной республике.

Характерная особенность этнополитической ситуации в странах региона есть некоторая «замороженность» латентных конфликтов. С одной стороны, представления некоторых зарубежных экспертов о вероятности межстрановых конфликтов по поводу водопользования оказались, к счастью, несбывшимися.

С другой стороны, вопреки ожиданиям начала 1990-х гг. достижение независимости не решило многих социальных, экономических, политических проблем. Темпы экономического роста стран оказались недостаточными для того, чтобы решить эти проблемы и тем самым убрать социально-экономические предпосылки для межэтнических конфликтов внутри этих бывших союзных республик.

Наличие титульной национальности подразумевает дифференциацию статусов различных этносов. Наиболее уникальная ситуация в части дифференциации статусов этносов имеет место в Кыргызстане. Дело в том, что в отличие от Казахстана и Туркменистана специфика Кыргызстана состоит в наличии двух коренных народов – кыргызов и узбеков. Но национально-государственное размежевание Средней Азии 1924 г. и наследие сталинского понимания нации, придание статуса титульной национальности только

той национальности имя которой носит союзная республика привело к тому, что проблема отношений Севера и Юга Кыргызстанаотягощена этническим фактором. Юг Кыргызстана имеет издавна живущее, по существу коренное, население не только в лице кыргызов, бывших до революции кочевниками местных гор и предгорий, но и земледельцев и горожан – узбеков.

Ошским событиям июня 1990 г. в преддверии распада СССР предшествовала постановка вопроса о статусе титульной национальности и придания статуса государственного и официального языков в Кыргызстане. Группа узбекских аксакалов из Джалал-Абадской области обратилась к руководству СССР (председателю Совета Национальностей Верховного совета СССР Р. Нишанову, первому секретарю ЦК Компартии Киргизии А. Масалиеву и др.) с требованием предоставить автономию узбекскому населению юга Киргизии. Возмущение узбеков вызвал принятый закон о языке, в котором государственным языком признан киргизский, а языком межнационального общения – русский.

Из текста обращения: «Коренным населением области фактически являются узбеки, численность которых в области насчитывается в пределах 560 тыс. человек. ...В Ошской области, то есть в зоне компактного проживания, составляет больше 50 процентов... Язык компактно проживающего большинства населения узбеков остался ущемленным. Вместе с тем следует отметить, что киргизское население области по сложившейся веками укладке жизни, традициями и обычаями, по диалекту речи и по роду производственной деятельности, по семейно-бытовым переплетениям весьма схожи с узбеками, поэтому киргизы северных районов республики шутливо называют своих южных сородичей-киргизов сартами. Во всех 119 школах области, в которых обучение ведется на узбекском языке, свободно обучаются дети и киргизов, не испытывая никаких затруднений в языке.

Коренные жители узбеки чувствуют себя чужеродными этническими группами населения Киргизии» [1].

Если русские имели этнический массив на территории нынешней Чуйской области и г. Фрунзе (ныне г. Бишкек), то узбеки всегда были одним двух основных этносов юга Кыргызстана. Уже по

переписи 1999 г. удельный вес узбеков (почти 14%) опередил долю русских (12,5%) в этнической структуре населения страны [2].

Трансграничность расселения этносов состоит в том, что каждая из пяти титульных национальностей региона проживает в значительной своей части за пределами республики, в которой эта национальность является титульной; поэтому национальное строительство в каждой из пяти республик не может не принимать во внимание это обстоятельство. Известна проблема анклавов Узбекистан и Таджикистана в Ферганской долине. Но проблема анклавов – это только часть трансграничности расселения этносов. Например, до революции каракалпаки проживали не только в Аму-дарьинском отделе, ставшем впоследствии территориальной основой каракалпакской автономии, но и в Ферганской долине и долине реки Зеравшан. Однако каракалпаков этих двух долин национально-государственное размежевание 1924г. и последующая национальная политика отнесла к узбекам, придумав для них понятие «узбек-каракалпаки». Трансграничность расселения каракалпакского этноса привела к соблазну включения их в создаваемую по воле власти узбекскую национальность. Проживавшие же в низовьях Амударьи каракалпаки являются одним из двух титульных этносов Узбекистана, имея в советский период автономию, а с обретением независимости статус республики в составе Узбекистана. Что касается узбеков Таджикистана, то в период независимости фактически поощряется идентификация локайцев, тюрков и пр. по их исконным дореволюционным идентичностям.

Трансграничным также является распространенность эпосов в регионе. Специфика региона состоит в том, что нельзя четко разделить те или иные эпические сказания как принадлежащие тому или иному этносу. Коркут, Едиге (Эдигей в русских летописях), Кобланды, Алпамыш, Кер-оглы были ведущими персонажами героического эпоса кочевников, киргизский герой Манас был известен не только киргизам; творения средневековой персидской и таджикской поэзии трудно делимы и ее образцы были известны образованным людям тюркских этносов.

Были сказания, бытовавшие только у одних этносов и нераспространенные у других, например, узбекский эпос о Мухаммеде

Шейбани, каракалпакский эпос «Сорок девушек». В то же время эта общность эпоса для нескольких этносов не означала, что распространённые сказания бытовали во всех районах расселения какого-либо этноса. В частности, Мухтар Ауэзов в 1927 г. подметил, что героический эпос об Едиге, известный кстати многим другим народам за пределами Казахстана, в то же время неизвестен казахам юга и юго-востока Казахстана и отметил распространение эпоса и жанра айтыса и их содержания в различных регионах Казахстана [3]. Иными словами, и в сфере геокультуры действовал закон наложения и перекрывания (overlapping) границ различного географического характера

Трансграничность расселения этносов и трансграничность ряда эпосов обращает к одному из признаков этноса, отмеченному Энтони Д. Смитом = мифам и эпосу. Например, ногайский героический эпос и эпос о Кер-оглы трансграничны для этносов региона, что опять-таки не свойственно европейским эпосам. Например, «Песнь о Нибелунгах» чисто немецкий эпос, «Роман о Лисе» – французский, «Песнь о моем Сиде» – испанский и отличается от эпических поэм соседней Португалии, также повествующих о реконкисте и борьбе с маврами. Только сказание о короле Артуре трансгранично, ибо вышло за рамки эпоса только кельтского происхождения, став образцом рыцарских сказаний.

Исторически, немногие крупные реки Средней Азии были хозяйственно-географическими и культурно-географическими «стержнями» больших территорий. Оазисы в бассейнах этих рек находились в окружении кочевых и полукочевых этносов. С одной стороны, налицо была мозаика культур и типов хозяйствования; с другой стороны, неотрывность этой мозаики от природной среды (земледелие – в оазисах, кочевничество – в засушливых и маловодных районах). Именно в оазисах располагались стабильные ядра государств Средней Азии, а кочевая периферия характеризовалась неустойчивостью их принадлежности тому или иному местному правителю. Экспансия Российской империи, а затем в больших масштабах разрушение традиционного образа жизни при Советской власти привела к разрушению этой естественной мозаичности. Утрачена была также тесная связь мозаики культур и типов

хозяйствования с природной средой. Наиболее трагичное последствие этого – катастрофа Аральского моря.

Афганский Туркестан (территория между Амударьей и Пянджем на севере, и горами Гиндукуш на юге) исторически был в одних и тех же государственно-политических образованиях вместе со Средней Азией. Державы Сельджуков, Караханидов, Газневидов, Великий Хорезм при шахе Мохаммеде ибн Текеше всегда стремились объединить земли по обе стороны Амударьи. С 1924-1925 г. советская Средняя Азия оказалась поделена по так называемому национальному признаку на пять союзных республик. Для этого, правда, пришлось из десятков коренных этносов форсированно формировать шесть титульных национальностей. Затея ускоренного нацистроительства, как показали события 1990-х гг. в Таджикистане, оказалась неосуществимой. Продолжает существование сталинский проект этнонации в Узбекистане, этот же проект этнонации разрываем регионализмом и клановостью, фактором родо-племенной принадлежности в других трех республиках – Туркменистане, Кыргызстане, Казахстане.

В традиционном пространстве мозаика культур, типов экономики (кочевой и земледельческой), расселения этносов и распространности языков (тюркских и таджикского, поскольку народы Горного Бадахшана и их языки это особая и очень специфическая тема) означала, что это в этом пространстве не могло быть четкого совпадения подданства с этничностью, подданства и типа экономики и т.п. на территории. Иными словами, среднеазиатские общества жили по законам перекрывания (точнее, несовпадения) географических границ различного характера (этнических, физико-географических, социально- и экономико-географических, политических границ). Эта особенность не была должным образом понята.

Создание советских союзных республик вместо Хорезма, Бухары и Туркестанской Республики было попыткой сблизить этнонациональные и политические границы. Последствия этого сказались как в советский период, так и после обретения независимости центрально-азиатскими государствами. Не случайно большинство конфликтов региона фокусируется на территории Ферганской до-

лины или же непосредственно связаны с ней – этим большим плодородным оазисом, территория которого превратилась в яблоко раздора между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном – государствами, между которыми разделена эта долина. Исторически эту долину населяли земледельцы и полукочевники, таджики и разные тюркоязычные этносы, но всегда она входила в состав одного местного или регионального государства.

Узбеки, туркмены, таджики проживали в разных государствах Средней Азии (Хива, Бухара, Коканд). При этом доминировал географический принцип: центры государств формировались в крупных оазисах: Хивинское ханство в Хорезмском оазисе, Бухарский эмират – в бассейне реки Зеравшан, Кокандское ханство – в Ферганской долине. Этнико-географические, физико-, политико-географические границы никогда полностью не совпадали и действовал закон *наложения и перекрывания (overlapping) границ различного географического характера.*

В том же Бухарском эмирате, правили тюркские династии, но культурно доминировал таджикский язык. Физико-географические особенности Ферганской долины позволяли разным этносам, находить свою специфическую хозяйственную и культурную специализацию.

История и политическая география отличались и отличаются от привычных нам европейского принципа образования государств: в Средней Азии этничность отступала перед географией. В Западной Европе, напротив, государственные границы в общем и целом совпадают и соответствуют этническому расселению и географии. Достаточно взглянуть на карту и убедиться, что политические границы Франции и Германии совпадают с естественной границей по реке Рейн, границы Франции и Испании проходят по Пиренейским горам.

Трансграничность расселения этносов, как сказано выше, сопровождалась трансграничностью распространения эпических сказаний и одновременно случаями нераспространения какого-либо эпоса, например, об Едиге, среди казахов Юга и Семиречья. Эти две трансграничности составляют две стороны вопроса о трансграничности национального строительства в регионе. В прошлом

были разные ответы на этот вопрос: от пантюркистских/и панисламистских до тезиса некоторых местных коммунистов, например, Турар Рыскулова, о наличии в регионе единой тюркской нации в ходе дискуссий о национально-территориальном размежевании в Средней Азии 1924 г.

Попытки расколоть эту трансграничность эпосов, например, объявить какой-либо эпос принадлежащим какому-то одному этносу/этносам существовали в советский период. Так «Кероглы» был представлен как эпос туркмен и азербайджанцев, хотя был известен в другой версии для части казахов, узбеков, каракалпаков и таджиков. Регистрация в ЮНЕСКО эпоса «Алпамыш» как узбекского представляет попытку перевода трансграничности в рамки культурного наследия одной этнонации. В целом, вопрос о двух трансграничностях – трансграничности расселения этносов и трансграничности распространения эпосов способен тематику нациестроительства в каждой из стран региона дополнить вопросами дискуссионного характера и адекватное их научное решение обращает к таким дисциплинам как география, история, геополитика, что выходит за рамки доклада. Позитивный момент в том, что феномен двух трансграничностей представляет поле для осмысления общности и различий, специфики нациестроительства в странах постсоветской Центральной Азии.

Литература

1. Ошская резня 1990 года. Хронология трагедии - <https://www.fergananews.com/articles/6601>.
2. https://ru.wikipedia.org/wiki/Население_Киргизии.
3. Ауэзов М.О. Казахское народное творчество и его поэтическая среда // Тамыр: Альманах. Выпуск 1(3): искусство, культура, философия. – Алматы: ИД «CREDO», 2001. – С. 68-71.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ КАЗАХСТАНА

Культурная интеграция этносов, или этнокультурная интеграция, имеет важнейшее значение в национальном строительстве общества, в котором живут различные этносы. Этнокультурная интеграция имеет своей целью трансформацию полиэтнического, поликультурного, полиязыкового сообщества в определенных государственных границах в единое культурное сообщество, без чего невозможно существование нации и национального государства. Свое наглядное воплощение культурно интегрированное полиэтническое общество находит в едином языке, на котором общаются между собой все граждане государства независимо от их этнической и языковой принадлежности.

Наряду с языком важнейшее значение в этнокультурной интеграции имеет история, то есть историческое сознание как часть массового сознания полиэтнического общества. Историческое сознание существует в виде различных исторических нарративов. В этих нарративах представлена как история национального общества в целом, так и отдельных ее эпох и событий. Нарративы формируют коллективные представления граждан об историческом развитии их государства, судьбах их нации, ее великих деятелей и представителей.

В структурном плане общность этнокультурной интеграции на основе языка и на основе исторического сознания состоит в том, что интегрирующим языком и интегрирующей историей является язык и история ведущего этноса в полиэтническом обществе. В литературе ведущий этнос называют также ядерным (core) этносом, а в постсоветской литературе его определяют как титульный и государствообразующий этнос, нацию, учитывая сохраняющуюся советскую традицию отождествления этноса с нацией. В национально-интегрированном обществе язык ядерного этноса становится единым языком для всех проживающих в нем этносов, точно так же как история ядерного этноса выступает как единая история полиэтнического

общества. При этом национальные меньшинства могут иметь свой язык и употреблять его в семейном и этническом общении, а также хранить в памяти исторические представления своего народа.

В силу особенностей исторического развития Казахстана в советский период здесь постсоветское национальное строительство и этнокультурная интеграция не привели к доминированию казахского языка и истории в полиэтническом обществе. Как и в советское время, русский язык остается ведущим средством вербального общения в независимом Казахстане, фактически выступая главным инструментом языковой интеграции многонационального общества. Если говорить об историческом сознании, то государство поощряет в своей политике ту интерпретацию истории Казахстана, которая направлена на предотвращение межэтнических противоречий в подходах различных субъектов в вопросах изучения и оценки прошлого. Избегая конфликтов в оценке и интерпретациях истории Казахстана, государство стремится создать официальную историю страны, которая была бы направлена на интеграцию его этносов.

Интеграционный потенциал официальной истории, несмотря на ее направленность на межэтническую гармонию, не может быть оценен как высокий. Свидетельством этого является критика, которой подвергается официальная история со стороны этнических элит, казахских и русских. Они предлагают собственные интерпретации истории Казахстана, которые не согласны с тем, что утверждает официальная история. При этом исторические нарративы казахских и русских элит находятся в еще более противоречивых отношениях между собой.

Предлагая свою интерпретацию истории Казахстана, государство обращается не только к казахам, но и ко всем его этносам, стремясь интегрировать их в единое надэтническое национальное сообщество на основе общности оценок исторического прошлого. В отличие от официальной истории, исторические нарративы этнических элит направлены в первую очередь на свои этносы, но в них также содержится стремление интегрировать и другие этнические группы Казахстана.

С точки зрения практики этнокультурной интеграции деятельность государства и этнических элит находится в русле трех мо-

делей культурной интеграции этносов в Казахстане. Эти модели были введены и изучены в рамках научного проекта «Культурная интеграция этносов в Казахстане». Первая из этих моделей была определена нами как дуальная казахско-русская модель культурной интеграции этносов, поддерживаемой государством. Эта модель ставит своей целью интеграцию всех этносов Казахстана на основе казахского языка и культуры, в том числе исторического сознания.

Вторая из моделей была определена нами как национал-патриотическая модель культурно-языковой казахизации этносов. Эта модель разрабатывается и предлагается казахскими этническими элитами и ориентирована в первую очередь на казахов, чтобы через внедрение националистических исторических нарративов усилить позиции титульной нации в претензиях на Казахстан как «свое» государство. Интегративный потенциал модели казахизации состоит в том, чтобы нетитульные этносы признали историческую закономерность претензий казахов на Казахстан как казахское государство и согласились бы интегрироваться в общество как подчиненные группы. Речь идет о подчинении в культурном смысле, то есть освоении языка титульной нации и использовании его нетитульными этносами во всех социальных сферах общества, кроме семейного и частного общения. В этом случае казахский язык стал бы языком межэтнического общения и средством интеграции казахстанского общества.

Третья модель была определена нами как русификаторская модель культурной интеграции этносов. Она разрабатывается и продвигается русскими элитами. Эта модель апеллирует в первую очередь к русским и другим нетитульным этносам Казахстана, выступая против культурно-языковой казахизации и призывая защитить позиции русского языка, хотя эти позиции остаются сильными и русский язык, как и в советское время, остается языком межэтнического общения в обществе. Тем самым русский язык, как и в советское время, продолжает выполнять интегративные функции в современном Казахстане.

Несмотря на определенную близость государственной дуальной казахско-русской модели и национал-патриотической модели казахизации этносов в их этнонациональных основаниях, в целом

указанные три модели этнокультурной интеграции различаются между собой в интерпретации истории Казахстана. Эти различия особенно заметны в интерпретации этими моделями основных периодов истории Казахстана.

Национальную историю Казахстана можно разделить на четыре больших периода, различающихся между собой направленностью и содержанием политических, экономических, культурных, идеологических и иных процессов. Этими историческими периодами национальной истории Казахстана являются:

- 1) Казахское ханство (до 1731 г.), охватывающий историю казахов с момента их этногенеза до приобретения российского подданства;
- 2) Колониальный период (1731-1917 гг.) истории казахского народа в составе Российской империи;
- 3) Советский период (1917-1991 гг.) истории Казахстана как советской республики;
- 4) Независимый Казахстан с 1991 г. по настоящее время.

Главной особенностью национал-патриотического нарратива истории Казахстана является его казахоцентричность, то есть история Казахстана в этой интерпретации есть история казахов. Эта особенность находит свое выражение в интерпретации Казахского ханства. Национал-патриотическая модель видит в Казахском ханстве национальную государственность казахов до того периода, когда казахи приняли российское подданство. Казахские национал-патриоты рассматривают Казахское ханство как опровержение европоцентристского и русско-центристского представления о кочевых казахах как полудиком народе, не жившем до вхождения в Россию в условиях государственности. Наоборот, в национал-патриотическом нарративе Казахское ханство предстает как государство, отвечающее всем современным требованиям национального государства. У этого государства, как утверждает нарратив, была выборная власть, правовая система, столица и многие другие атрибуты государственности. Для русификаторской модели ранний период истории Казахстана не имеет никакого значения, поскольку он не связан ни с русскими, ни с Россией. Для дуальной модели национал-патриотическая интерпретация раннего периода истории не представляет опасности, поскольку не несет в себе конфликтного

потенциала, а также позволяет безболезненно утвердить этно-национальную составляющую национальной идеологии государства.

Интерпретация колониального периода истории Казахстана национал-патриотическими и русификаторскими нарративами содержит в себе противоположные, точнее, даже конфронтационные оценки этого периода. В национал-патриотических нарративах используются колониальный и постколониальный дискурсы для интерпретации этого периода казахской истории как ликвидации традиционной кочевой государственности. С ликвидацией ханской власти и утверждением колониального правления связывают притеснения кочевого народа, завоевание и захват его земель, колониальную эксплуатацию, унижение национального достоинства и т.д. Русификаторский нарратив, напротив, основан на оценке принятия казахами подданства Российской империи как позитивном периоде казахской истории. Здесь в позитивном ключе рассматривается не сама по себе колониальная зависимость казахов, а их последующее вхождение в СССР.

Официальная трактовка этого периода истории Казахстана в рамках дуальной модели культурной интеграции этносов более сдержанная, избегая термина «колониализм» и смягчая роль России и русских в колонизации казахских земель. В целом власть в современном Казахстане не поддерживает использование колониального и постколониального дискурсов в исторических исследованиях этого периода истории страны. Признавая колониальный характер вхождения казахских земель в Российскую империю и его отрицательные последствия для казахов, власть, тем не менее, стремится не акцентировать на этом внимания, но, наоборот, по возможности заглушить и замолчать этот период истории. Наглядным примером этой политики памяти может служить ситуация со столетием восстания 1916 г. Это восстание преподносилось и в советской, и в постсоветской историографии как яркое проявление национально-освободительного движения казахов в Российской империи. Но в 2016 г., когда исполнилось 100 лет этому событию, никаких государственных мероприятий в связи с этой датой в Казахстане не проводилось. По всей видимости, власть опасалась, что проведение юбилейных мероприятий может негативно сказаться на интеграции русских в гражданскую нацию.

Самые негативные оценки в рамках национал-патриотической модели вызывает советский период истории Казахстана как время «геноцида» казахского народа, разрушения его кочевой цивилизации, принятия советского образа жизни, превращения казахов в демографическое меньшинство в «своей» республике, огромные экологические проблемы и бедствия для казахов и их земли. Русификаторская модель этнокультурной интеграции основана на апологетике советской истории Казахстана как имевшей позитивное модернизационное значение, благодаря которой казахи приобрели свою государственность (в виде союзной республики) и большой роли русских в индустриализации и культурном развитии страны.

В исторической политике постсоветских государств наблюдается различное отношение к советскому периоду их истории. На официальном уровне, в государственных документах, школьных и вузовских учебниках истории дается негативная оценка советского периода истории этих стран. При этом политико-идеологическая оценка советского периода, в котором ведущую роль играл коммунистический режим, и его этно-национальная оценка как политики, направленной на русификацию титульной нации, во многом совпадают. В этом отношении официальная интерпретация советского периода истории Казахстана значительно отличается от того, что происходит в других постсоветских государствах. В Казахстане негативной оценке подвергается коммунистический режим и его идеология, тогда как оценка национальной политики режима значительно смягчена. В официальном лексиконе отсутствуют такие термины, как «русификация», «ассимиляция» и другие. Такая политика, по мнению руководства страны, способствует интеграции полиэтнического общества.

В этом плане интересно рассмотреть различие в интерпретациях событий декабря 1986 г. в Алматы, предлагаемых национал-патриотическим нарративом и официальным нарративом. Национал-патриоты оценивают выступления казахской молодежи в декабре 1986 г. как национально-освободительное движение против национальной политики Москвы. Официальная трактовка этих событий преподносит протесты в Алматы как антитоталитарное движение безо всякой национальной составляющей этих событий, которая

опять же может повредить культурной интеграции этносов современного Казахстана.

Заметные различия между моделями этнокультурной интеграции наблюдаются и в трактовке независимого Казахстана. Национал-патриоты трактуют независимый Казахстан как позитивный итог стремления казахского народа к независимости, созданию своего государства. Схожим образом сквозь призму национального самоопределения трактуется возникновение независимого Казахстана дуальной моделью культурной интеграции этносов. Как неоднократно заявлял первый президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, независимость стала воплощением пятисотлетних чаяний казахского народа иметь свое независимое государство.

Русификаторская модель культурной интеграции этносов выступает против этно-национального крена национал-патриотов и дуальной модели в интерпретации независимости Казахстана. Приоритетом для русских активистов является гражданская нация на основе равенства всех этносов и без их разделения на титульную и нетитульные группы. По мнению экспертов, однако, их понимание гражданской нации во многом напоминает советский народ. Исторический нарратив русификаторской модели в своей оценке независимого Казахстана делает акцент на главной роли СССР и русских в построении и развитии советского Казахстана, ставшего фундаментом постсоветского государства. Апелляция к советскому периоду и советскому опыту национального и культурного строительства как идеалу культурной интеграции этносов является важнейшей особенностью исторического нарратива русификаторской модели. С этой апелляцией тесно связана ностальгия по советскому прошлому, получившей широкое распространение на постсоветском пространстве, в том числе и в Казахстане. Советская ностальгия придает эмоциональную силу историческому нарративу русификаторской модели культурной интеграции этносов, его идеологическим конструктам. Советская ностальгия представляет собой своего рода историческую мифологию, интегрирующую полиэтничное сообщество Казахстана.

Kaplan S.

UNIVERSITY STUDENTS IN KAZAKHSTAN – A HETEROGENEOUS GROUP

A scholar who bridges different traditions of academic research, focusing on the critical issues of society fits the portrait of Rustem Kadyrzhanov. Critically employing theories of ethnicity and integration, his research provides a prism into the ever evolving world of Kazakhstan. Through his sustained contribution to scholarship and to the development of a younger generations of scholars, Rustem Kadyrzhanov has opened Kazakhstan to the world and shared his wisdom with colleagues throughout the globe. I am happy count myself among them.

Ethnic identity is often viewed as key to attitudes and values of social groups. Language remains a crucial attribute of ethnicity, but unlike some “sticky” characteristics can be acquired. (Chandra 2012 51-131) This is why David Laitin’s treatise on *Identity in Formation* (1998) focused on explaining language change among ethnic Russians in the case of Estonia. Yet, Laitin’s examination of Kazakhstan found a different type of case. In Kazakhstan unlike many other eponymous groups in the Soviet Union Republics ethnic Kazakhs often lost their fluency in Kazakh by the second generation of moving to a city, especially among those with better educated (Pavlenko (2013 265). The consequences of the Soviet era arising from structural incentives to learn Russian and disincentives to main titular languages including the knowledge of Kazakh created a linguistic cleavage among Kazakhs. But implicit in Laitin’s argument is that language acquisition was more than an instrumental language shift for economic or political advantage, but indicative of a symbolic change in identity. Urban Kazakhs responding to structural incentives under conditions of discrimination adopted separate lifestyles and values from their rural, more religious co-ethnics, while remaining distinct from ethnic Russians (Dave 1996). Does this social differentiation contributing to heterogeneity among those identifying as Kazakh continue to be found among current university students who were socialized after the Soviet era? Is language

still associated with different attitudes and values found among Kazakh and Russian students in Kazakhstan?

Many things have changed since the end of the Soviet Union. Kazakh became the state language of the country (Fierman 2012 1083) and although the state proclaimed itself to be founded on 'indigenous Kazakh land' in the constitution preserves a contested national identity (Kudaibergenova 2020 85-86, Karin and Chebotarev 2002). The national discourse, although contested, signaled the end of the Soviet hierarchy of privilege. In addition, the demographic landscape of life, the proportions of Kazakhs and non-Kazakhs, primarily ethnic Russians, has changed. With the emigration of ethnic Russians in the 1990s to the Russian Federation, the immigration of ethnic Kazakhs, the Oralman, and increasing levels of rural migration to cities by more traditional Kazakhs, the ethnic context of urban areas changed (Dave 2010 496). Yet, an increase in Kazakh speakers and what this would mean was far from clear in the years after the Soviet collapse (Dave 1996).

Given the monumental changes experienced by the current university generation born after the Soviet collapse, we would expect the divisions of the earlier generation living under structural conditions which favored Russification, or Sovietization to have abated. And certainly, language knowledge has begun to shift with greater knowledge of Kazakh (Smagulova 2016 100). Yet, Russian maintains a strong presence in the public sector, while Kazakh is increasing in the private sector (Smagulova 2008 462-468, Smagulova 2016 105, Vdovina 2008).

David Laitin in his influential book *Identity in Formation* suggests that in Estonia ethnic Russians began to learn Estonian in order to gain economic advantage. This was understood from a rational choice perspective as a 'tipping game'. Estonian scholarship has captured what is a long-term process of not only language change, but greater contact within society, i.e., a decline in social distance between ethnic Estonians and Russians. However, even before independence, ethnic Russians who had lots of contact with Estonians shared many of their outlooks and values (Brady and Kaplan 1990). However, Estonians unlike Kazakhs did not lose their knowledge of Estonian, although upon independence the younger generation quickly switched from studying Russian to English. Estonians also enjoyed the advantage of being viewed

by the Soviets as more Western, ‘European,’ thereby enjoying a more privileged position, than that of ethnic Kazakhs in the USSR. Simply put, while without doubt Estonian culture and values were harmed during the era of Soviet occupation, Estonians who pursued education and constituted the majority of the urban population of the Republic of Estonia remained resilient. Thus, current attitudes and value shifts in Estonia are more about the influence of the European Union and globalization, than the Russian Federation or the previous Soviet era. Identity shifts among ethnic Russians reflect societal changes, not just language acquisition. A new group identity of Russian speakers did not arise, but integration into Estonian society, including the knowledge of the Estonian language, has not meant assimilation.

So is language knowledge sufficient to lessen value differences found among earlier Soviet generations of ethnic Kazakhs? Alternatively, despite greater knowledge of Kazakh, do attitudinal differences persist? In particular, do ethnic Kazakh students’ values represent a shared set of values, or do ethnic Kazakh students who study in Russian share more similar attitudes with their ethnic Russian classmates? Census data clearly show the increasing knowledge of Kazakh among younger age groups. Is language knowledge sufficient to decrease differences between ethnolinguistic university students?

Based on the Youth Survey of Kazakhstan University Students (2016) in which 1,162 students at 10 universities in Kazakhstan participated (Principle Investigators C. Kaplan and G. Nassimova), we are able to address some of the questions posed using cross-sectional data. We begin by showing the differences in the knowledge of Kazakh among ethnic Kazakhs studying in Kazakh and Russian and among ethnic Russian. We utilize a weighted sample in the analysis presented in order to draw inferences about the general population of ethnic Kazakh and Russian university students in Kazakhstan (Kaplan, Nasimova and Brady 2018).

Graph 1

Graph 1 shows mean language knowledge among university students divided by ethnolinguistic group – ethnic Kazakhs who study in Kazakh (KzKz) and those who study in Russian (KzR) and ethnic Russians. As expect, knowledge of the Kazakh language differs among

ethnic Kazakh university students. Based on a question asking students to evaluate their knowledge of languages on a scale of 0 no knowledge of the language to 4 indicating fluency, Kazakh students studying in Russian have a mean Kazakh language score of 3.47 halfway between reading and speaking and fluency defined as reading, speaking and writing. Russians at university read or speak Kazakh, an improvement in ethnic Russian knowledge of Kazakh over earlier generations (Aminov 2010). Still, 23.5 percent of ethnic Russian students knew no Kazakh, while only 2 percent of Kazakh students studying in Kazakh didn't know any Russian. Russian language knowledge remains high among all university students and English is only slightly lower among Kazakhs studying in Kazakh (mean 2.5), than among ethnic Russian students (mean 2.73). Interestingly, Kazakhs studying in Russian have the highest knowledge of English (mean 3.08). So, while knowledge of the Kazakh language still differs among ethnic Kazakh university students studying in Kazakh and Russian, the knowledge of Kazakh has clearly improved and among those studying in Russian, it is high, even if not yet at native fluency. The levels of Kazakh found among ethnic Russian students is less impressive, if one considers the potential need for professional competency for those with a university education.

Linguistic differences found among ethnic Kazakh University students go beyond language knowledge. Language knowledge has not meant a similarity in attitudes and values; nor has studying in Russian served to create a homogeneous group of Russian speakers. We present just a few examples of values differences that we found on our 2016 survey. We focus on support for democratic values and the importance of religious freedom.

Democratic values is based on a composite variable. We asked the importance on a 4 point scale ranging from not at all important to very important of three items associated with democracy.

Freedom of expression of political views

Right to participate in a social or political organization

Equality before the law

We considered including the question, "How important for you is freedom of religion?" (4 point scale) in this additive index, but based on a factor analysis of these four questions, it was clear that freedom of religion was a separate dimension and should not be included.

Graph 2

Differences between the ethnolinguistic groups exist, but while Russian students have the lowest average mean score, the difference among Kazakh students is rather small. However, differences are much larger when the importance of religious freedom is considered. Graph 3 shows that students studying in Kazakh are more supportive of religious freedom, than other students.

Graph 3

Graph 3 presents the mean scores on the importance of freedom of religion. A clear distinction among Kazakh students exists with those studying in Russian actually lowest among the three ethnolinguistic groups. Of course, this may reflect differences in the degree of religiosity among the student groups.

Using religious identification as a filter, we created an additive index based on behavior – observance of religious norms of life, fasts, reading of prayers, and frequency of attending services at a house of worship for each of the student groups. The religiosity variable uses a four point scale of 0 not religious at all, 1-somewhat religious 2 -religious 3-very religious.

Graph 4

Kazakh students studying in Kazakh were the most religious and Russian students the least religious, but Kazakhs studying in Russian had very low levels of religiosity. The differences between ethnic Kazakhs studying in Russian and ethnic Russians are not significant. Among ethnic Kazakhs studying in Kazakh who identified as Muslims, almost 5 percent were in the most observant category.

What do these findings suggest about language knowledge and the continued existence of differences in attitudes and values among university students? Has an increase in Kazakh proficiency among ethnic Kazakhs studying in Russian drawn them closer to other Kazakh students creating group homogeneity, or are their attitudes closer to their Russian classmates, perhaps suggestive of a Russian speaking group identity?

Language knowledge has shifted among ethnic Kazakh students, but this does not mean that they represent a homogeneous group, or that ethnic Kazakhs who study in Russian share the same values as those

of ethnic Russian students. Language alone is not identity. Language can be a marker of identity and have value in itself, but it can also be an instrument for achievement. Knowledge of different languages can promote integration or form cleavages within society. This depends on the political and economic consequences of language knowledge. However, even when language is an identifier of ethnic identity, it remains an empirical question as to whether other factors, such as, religion and political values continue to differentiate university students in Kazakhstan. University students to a large extent appear to share their assessment of the importance of democratic values, but differ over the importance attributed to religious freedom. Knowledge of Kazakh has improved, but social complexity among ethnic Kazakh students remains.

Bibliography

Aminov, K. et al. 2010. "Language Use and Language Policy in Central Asia." *Central Asia*

Regional Data Review 2 No. 1 (Spring) http://osce-academy.net/upload/file/language_use_and_language_policy_in_central_asia.pdf Accessed 4/23/2019.

Brady, H. and C. Kaplan. 2000. "Categorically Wrong? Nominal versus Graded Measures of Ethnic Identity," *Studies in Comparative International Development* 35 (Fall): 56-91.

Chandra, K. 2012. *Constructivist Theories of Ethnic Politics*. Oxford University Press: New York.

Dave, B. 1996. "National Revival in Kazakhstan: Language Shift and Identity Change."

Post-Soviet Affairs, 12:1, 51-72.

Dave, B. 2010. "National Revival in Kazakhstan: Language shift and identity change." in Dave, ed. *Politics of Modern Central Asia*. Vol II: *State-Society Relations: Stability and Transformation*. Routledge: London and New York: 147-169.

Fierman, W. 2012. "Russian in Post-Soviet Central Asia: A Comparison with the States of the Baltic and South Caucasus." *Europe-Asia Studies*. 64 6; 1077-1100. <http://dx.doi.org/10.1080/09668136.2012.691722>. Accessed September 28, 2014.

Kaplan, C., Gulnar N. and Brady, H. 2018. "Research Note: Methods in Studying University Youth in Kazakhstan." *Journal of Philosophy, Culture and Political Science* no. 4 (66): 126-130.

Kudaibergenova, D. T. 2020. *Towards Nationalizing Regimes: Conceptualizing Power and Identity in the Post-Soviet Realm*. University of Pittsburgh Press: Pittsburgh.

Laitin, D. 1998. *Identities in Formation*. Ithaca: Cornell University Press.

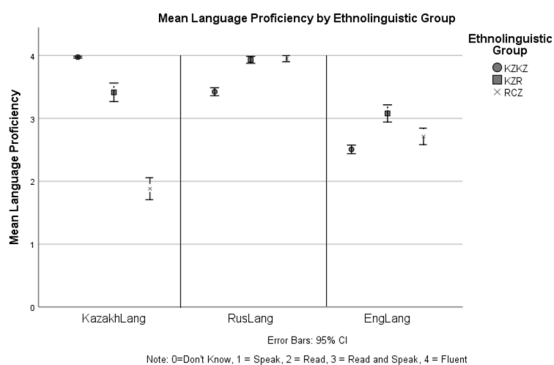
Laurelle, M. 2019. “Introduction: The Nazarbayev Generation: A Sociological Portrait.” In M. Laurelle. Ed. *The Nazarbayev Generation: Youth in Kazakhstan*. Lexington Books: Lanham MD: 1-21.

Masanov, N.E., E. Karin, A.Chebotarev. 2002. *The Nationalities Question in Post-Soviet Kazakhstan*. Institute of Developing Economies, n.p

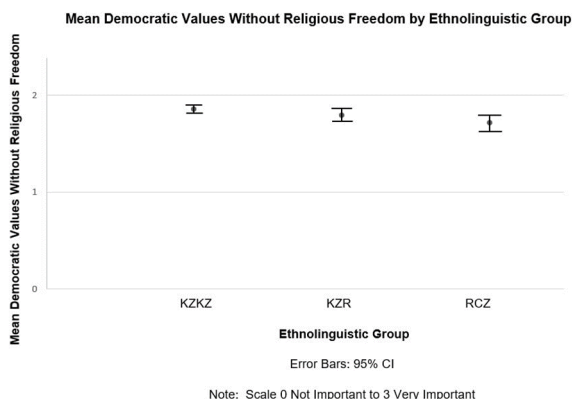
Pavlenko, A. 2013. “Multilingualism in Post-Soviet Successor States.” *Language and Linguistics. Compass* 7 (4): 262-273.

Appendix: Graphs

Graph 1

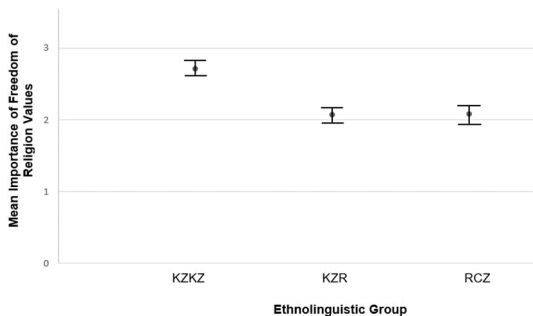

Graph 2

Graph 3

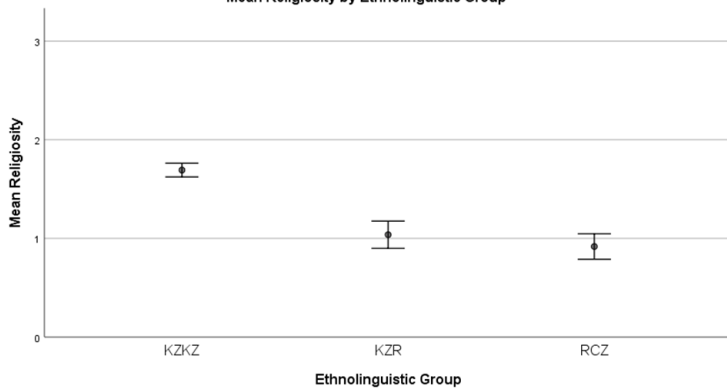
Mean Importance of Freedom of Religion Values by Ethnolinguistic Group

Note: Scale 0 Not Important to 3 Very Important

Graph 4

Mean Religiosity by Ethnolinguistic Group

Error Bars: 95% CI; 0 = Not Religious at All, 1 = Somewhat Religious, 2 = Religious, 3 = Very Religious

Качеев Д.А.

АНАЛИЗ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КОСТАНАЙСКОЙ ОБЛАСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

Рустем Казахбаевич был председателем диссертационного совета, в котором я защищал кандидатскую в 2009 году, и с тех пор я знаю его как настоящего «солдата науки» – принципиального и объективного ученого. В то же время, Рустем Казахбаевич обладает такими замечательными человеческими качествами, как доброта, отзывчивость, сопереживание. Подобный симбиоз Человека и Ученого дал нам «научную школу» профессора Кадыржанова, пройти которую – честь для любого молодого исследователя. Меня всегда восхищало в юбиляре то, что он, будучи ученым мирового уровня, обладателем различных научных регалий, в то же время, всегда доступен и прост в общении. Наверное, это и позволило Рустему Казахбаевичу не только внести весомый вклад в развитие казахстанской философии, но и воспитать плеяду достойных учеников. Хочу пожелать дорогому юбиляру бодрости духа и тела, долгих лет жизни, и, конечно же, новых научных трудов!

Полиэтничность – черта всего Казахстана, во многом определяющая его социально-политическую обстановку, особенно при-суща Костанайской области. Полиэтничный, поликультурный и многоконфессиональный регион является достаточно сложным в плане межэтнических отношений, поскольку на его территории проживают представители более 100 этнических групп.

Уникальность и особенность Костанайского региона, накопившего за многовековую историю примеры взаимодействий между народами и религиями, между коренными и переселенцами, может быть связана с возрастающей в последнее время значимостью этнокультурного фактора. В последние годы (в связи с активизацией миграций, появлением в мире новых очагов межнациональных конфликтов, ростом числа многонациональных семей и другими тенденциями глобализации мира) для все большего числа людей актуализируется этнопсихологический (этнокультурный) статус.

В этой связи актуальной является изучение состояния и динамики межэтнических отношений, степени благополучия межэтнической ситуации во многонациональном Костанайском регионе. Объективное представление о ситуации в сфере межнациональных отношений позволяет принимать стратегически верные решения и избегать последствий межэтнической напряжённости.

В основу написания данной статьи легли результаты мониторинга межэтнической ситуации в Костанайской области, проведенного в 3 квартале 2020 года [1].

92,5% респондентов Костанайской области, дают позитивную оценку ситуации в отношениях между различными этносами в стране. Сравнение за три года показывает нам, что позитивная оценка выше, чем в 2019 году (88%), но не дотягивает до уровня 2018 года (93,9%). Лишь 5,7% респондентов высказались о ее негативном характере. Это ниже, чем в 2019 году (9,8%), но на 1,5% выше, чем в 2018.

В разрезе квот, самое высокое позитивное восприятие ситуации в отношениях между различными этносами в стране показали представители всех возрастных групп – больше 90% ответов респондентов, начиная от группы «18-29 лет» – 93,5% и заканчивая группой «65 и старше» – 94,3% ответов. В разрезе национальной принадлежности, представители всех этнических групп также продемонстрировали единодушие в позитивной оценке ситуации в отношениях между различными этносами в стране – и также более 90%. Лидерами среди этнических групп являются казахи (95,2%), далее идут представители иных национальностей (89,9%), украинцы (89,4%) и русские (91,5%).

В разрезе социальных категорий респондентов, самые высокие позитивные оценки ситуации в отношениях между различными этносами в стране дали «Работники правоохранительных органов, военнослужащие» (100%), «студенты, учащиеся» (98,8%), пенсионеры и «Работники сельского хозяйства, фермеры» (по 94,1%). Негативно оценивают отношения между этносами «Предприниматели, работники финансовой сферы» (9,6%).

35,6% респондентов считает, что отношения между людьми разных этносов стали лучше (сумма значений «стали значительно лучше» и «стали несколько лучше»). 57,4% респондентов считают,

что данные отношения за последние полгода остались такими же спокойными, как и были. Наконец, ухудшение в отношениях отметили 5,7% респондентов, что почти на 50% меньше показателей 2019 года (10,1%).

Больше других считает, что за последние полгода отношения между людьми разных этносов улучшились, 41,6% казахов, что немного больше, нежели представителей иных национальностей (27,5%), украинцев (35,1%) и русских (32,5%). В то же время, мы наблюдаем, что больший процент респондентов иных национальностей (67%), русских (59,2%) и украинцев (51,1%), считают, что отношения остаются без изменений. Все вышеперечисленные показатели, являются хорошим показателем состояния межэтнической сферы. Причиной этого является положительное восприятие титульной нацией отношений между людьми разных национальностей, а также то, что второй по величине этнос – русские, оценивают межэтнические отношения, как спокойные. Исходя из этого, нельзя не согласиться с точкой зрения В. Малиновского, который пишет о том, что «в единении народа Казахстана в качестве Нации Единого Будущего – центральное место отведено формированию гражданина Республики Казахстан – казахстанца-патриота» [2, с. 58].

В разрезе социальных категорий, считают, что отношения между людьми разных этносов улучшились, предприниматели, работники финансовой сферы (50%) и студенты, учащиеся (51,3%). Сохранение спокойствия в данных отношениях за последние полгода, отметили работники торговли, сферы услуг (62,7%), пенсионеры (60,7%), Работники органов государственного управления, Работники правоохранительных органов, военнослужащие и Безработные, временно не работающие, домохозяйки (по 60%). Негативную оценку отношениям людей разной этнической принадлежности, мы видим у предпринимателей, работников финансовой сферы – 7,7% ответов респондентов.

Полярность мнений по поводу отношений между людьми разных национальностей, мы наблюдаем в категории «уровень достатка респондента». Считают, что отношения улучшились, те, кто «живет в достатке почти ни в чем себе не отказывая» (55%) и те, кто «Живут удовлетворительно, имеем все необходимое» (35,5%).

Считают, что отношения остаются без изменений за последние полгода, те, кому «Пока удастся сводить концы с концами» – 71,4% ответов и кто «Живут в нищете, отказывая себе в самом необходимом» (66,7%). Те респонденты, которым «Пока удастся сводить концы с концами» (11,8%) – указали на ухудшение отношений между людьми разных этносов за последние полгода. Как видно, имущественная дифференциация и стратификация общества напрямую влияет на уровень восприятия межэтнических отношений.

Положительно к представителям других этносов относится 98,4% респондентов Костанайской области. 1,1% высказали свою отрицательную позицию по данному вопросу [1, с. 23].

В разрезе квот, почти все категории респондентов показали единодушное одобрение представителей других этносов. Даже квотная категория уровня достатка респондентов показала не менее 98% ответов положительной оценки представителей других этносов. Даже респонденты, ответившие, что они «Живут в нищете, отказываем себе в самом необходимом» показали положительное восприятие в 100%.

82,2% респондентов области, не наблюдали в месте своего проживания нарушения прав граждан по этническому признаку. 15% респондентов очень редко наблюдали таковые нарушения и 2,8% респондентов часто наблюдали нарушения прав граждан по этническому признаку.

В разрезе национальностей, казахи (86,9%) и украинцы (81,9%) не наблюдали нарушения прав граждан по этническому признаку. В то же время очень редко наблюдали подобные нарушения русские (18,2%) и представители иных национальностей (17,4%). 3,7% представителей иных национальностей часто наблюдали подобные нарушения.

Работники органов государственного управления (90%), студенты, учащиеся (85%) и пенсионеры (84,9%) не наблюдали нарушений прав граждан по этническому признаку. Редко наблюдали таковые нарушения работники промышленности, строительства, транспорта и связи (21,3%) и работники правоохранительных органов, военнослужащий (20%). Часто являлись свидетелями нарушений пенсионеры – 4,1% ответов.

Респонденты Костанайской области, сталкиваются с проблемами в межэтнических отношениях:

в магазине, кафе, ресторане, кинотеатре, на дискотеке: никогда – 69,8% ответов, редко – 27,3% ответов, часто – 2,9% ответов.

в СМИ: никогда – 79,5% ответов, редко – 19,2% ответов, часто – 1,3% ответов.

на работе: никогда – 85,3% ответов, редко – 12,9% ответов, часто – 1,8% ответов.

на улице, в общественном транспорте: никогда – 73,1% ответов, редко – 24,9% ответов, часто – 2% ответов.

В среднем по области, 54,3% респондентов «Обычно не обращают внимания и не учитывают при знакомстве» этническую принадлежность человека. 16,9% учитывают ее «иногда, смотря в каких обстоятельствах и с какой целью», а 24,8% «Механически обращают внимание, но не придают значения» данной принадлежности.

Для категории 18-29 лет придание значения этнической принадлежности человека «механически, но не придавая значения» (32,2%). В остальных же случаях, в основном, «Обычно не обращают внимания и не учитывают при знакомстве» этническую принадлежность человека респонденты всех возрастных групп, от 49,1% в группе 18-29 лет, по нарастающей, до группы 65 и старше – 59,1%. Украинцы (54,3%) и русские (52,8%) меньше «Обычно не обращают внимания и не учитывают при знакомстве», чем казахи (54,9%) и представители иных национальностей (57,8%).

«Всегда учитывают и придают значение» этнической принадлежности, предприниматели, работники финансовой сферы – 9,6% ответов респондентов. «Иногда, смотря в каких обстоятельствах и с какой целью», придают значение этнической принадлежности работники правоохранительных органов, военнослужащих (20%). «Механически обращают внимание, но не придают значения» данной принадлежности, студенты, учащиеся (32,5%) и работники сельского хозяйства, фермеры (30,9%). «Обычно не обращают внимания и не учитывают при знакомстве» этническую принадлежность человека, работники правоохранительных органов, военнослужащие (80%) и работник органов государственного управления (60%).

Жители Костанайской области, в основном, видят Казахстан «Многоэтничным государством, население которого владеет казахским, русским и английским языками» – 83,7%. «Полиэтнической страной, население которой говорит только на казахском языке» Казахстан видит лишь 10,2% респондентов. «Моноэтнической страной, в которой проживают только казахи» видят нашу страну ничтожно малое количество респондентов по области – 5,7%.

Казахи (78,7%) и русские (88,6%) почти единодушны в том, что Казахстан будет «Многоэтничным государством, население которого владеет казахским, русским и английским языками». Больше число казахов (14,4%) чем русских (6,9%) видят Казахстан «Полиэтнической страной, население которой говорит только на казахском языке», что, по мнению профессора Р. Кадыржанова, показывает нам противоречивость позиций в языковой сфере, выраженную в том, что «большинство населения страны согласно с объединяющей ролью казахского языка в обществе, но, в меньшей мере, такого мнения придерживается русская часть казахстанцев» [3, с.86].

Рассматривая социальную принадлежность респондентов, необходимо отметить, что 100% работников правоохранительных органов, военнослужащих, 86,3% студентов, учащихся и 85,4% пенсионеров, видят Казахстан преимущественно «Многоэтничным государством, население которого владеет казахским, русским и английским языками». 17,3% предпринимателей, работников финансовой сферы и 13,2% работников сельского хозяйства, фермеров, считают, что Казахстан будет «Полиэтнической страной, население которой говорит только на казахском языке». 13,3% работников органов государственного управления, считают, что Казахстан будет «моноэтнической страной, в которой проживают только казахи».

По области, суммативные данные опроса респондентов, которые считают, что межэтнический конфликт в месте их проживания невозможен, составляет 90,3%. 5,4% респондентов по области, полагают, что такой конфликт вполне допустим – и это на 50% меньше, чем в 3 квартале 2019 года (11,5%) и еще меньше чем в 2018 году – 16,3%.

В разрезе квот, по половой, возрастной или этнической категориям, нет никаких существенных отличий в мнении о возможности

межэтнического конфликта – все группы респондентов одинаково отрицают в суммативном значении, его возможность. По социальной категории респондентов, в основном работники сельского хозяйства, фермеры (94,1%), работники органов госуправления (96,7%), работники правоохранительных органов, военнослужащие (100%), отрицают возможность межэтнического конфликта, нежели другие группы. Лишь работники образования и здравоохранения (8,7%) и работники торговли, сферы услуг (6%), допускают возможность подобного конфликта в месте своего проживания.

Подавляющее число респондентов Костанайской области, «Будут требовать от властей принятия мер» – 29,8% ответов. 49,6% респондентов «не будут вмешиваться» в данный конфликт – показатель по данному варианту ответа существенно вырос как по сравнению с 2019 (35,6%), так и с 2018 (31,7%) годами.

Казахи и русские одинаково «Будут требовать от властей принятия мер» (казахи – 33,1% и русские – 29,1%) и «не будут вмешиваться» (казахи – 49,1% и русские – 49,5%). Только украинцы (12,8%) и иные национальности (11,9%), в случае конфликта, «попытаются сменить место жительства» [1, с. 76].

В разрезе социальной принадлежности респондентов, «Будут требовать от властей принятия мер», работники промышленности, строительства, транспорта и связи (41,8%), работники торговли, сферы услуг (32,7%) и работники образования и здравоохранения (34,9%). Больше, чем кто-либо другой, «не будут вмешиваться» пенсионеры (61,6%), работники правоохранительных органов, военнослужащие (60%) и работники органов государственного управления (56,7%).

Большинство респондентов полностью поддерживают политику по сохранению межэтнического согласия в Казахстане, так как эта политика «взвешенная, активная и содействует единству народа Казахстана» – 49,1%. 47% респондентов «Частично поддерживают, политика правильная, но на словах – на местах все делается по-другому». Налицо снижения количества респондентов, которые полностью поддерживают данную политику – сравнение с 3 кварталами 2019 (60,7%) и 2018 годов (55,7%) демонстрируют нам это. В то же время, сравнение с 3 кварталом 2019 года (34,2%)

показывает нам увеличение количества респондентов, частично поддерживающих данную политику. «Не поддерживают, т.к. политика изначально неправильная, ведет к напряжению межэтнических и межконфессиональных отношений» лишь 3,6% респондентов по области.

Казахи (53,1%) и украинцы (53,2%) «Полностью поддерживают, политика взвешенная, активная и содействует единству народа Казахстана». Русские (49,8%) и иные национальности (52,3%), напротив, «Частично поддерживают, политика правильная, но на словах – на местах все делается по-другому».

При анализе оценки респондентами деятельности общественных институтов Ассамблеи народа Казахстана по укреплению общественного согласия и общенационального единства, были получены следующие результаты:

- положительно оценивают деятельность *этнокультурных объединений* по укреплению общественного согласия и общенационального единства, 85,2%. Отрицательную оценку данной деятельности дали 3,8% респондентов;

- положительно оценивают деятельность *домов дружбы* по укреплению общественного согласия и общенационального единства, 86,7%. Отрицательную оценку данной деятельности дали 2,9% респондентов;

- положительно оценивают деятельность *советов общественного согласия* по укреплению общественного согласия и общенационального единства, 83,9%. Отрицательную оценку данной деятельности дали 4,3% респондентов;

- положительно оценивают деятельность *советов матерей* по укреплению общественного согласия и общенационального единства, 84,3%. Отрицательную оценку данной деятельности дали 4,3% респондентов.

Высокие положительные оценки деятельности общественных институтов АНК, демонстрируют нам и высокую оценку самой Ассамблеи, доверие к ней со стороны жителей области. Это подчеркивает особый статус АНК, которая, по мнению А. Сейдумановой, «относится к категории промежуточных социальных институтов, которые одновременно выступают несущими кон-

струкциями и гражданского общества, и политической системы» [4, с.117].

Перманентно изменяющаяся социальная ситуация требует всестороннего учета всех новых обстоятельств, которые могут повлиять на межэтнические отношения в Костанайской области. Укрепление позитивных тенденций в обеспечении стабильности региона не в последнюю очередь зависит от качества этнокультурной среды в ее полиэтническом разрезе, степени комфортности образовательных, культурных и иных гуманитарных условий проживания представителей различных этносов в полиэтнической области, способов включения интересов этнических групп в интегральные общественно-политические интересы Казахстана. Так перспективными остаются вопросы об оценке состояния и качественных характеристик межнациональной сферы, об определении и типологии факторов, которые способствуют как оптимизации, так и обострению межэтнического взаимодействия.

Литература

1. Мониторинг межэтнической ситуации в Костанайской области [Текст]: Аналитический отчет по итогам социологического исследования. – Костанай: ТОО «ОФ «Қостанай аймағының зиялы азаматтар қоғамы»», 2020. – 154 с.
2. Малиновский В.А. Общественное согласие и национальное единство – основа формирования казахстанской идентичности. – Юридический вестник ДГУ. Дагестан, 2018, № 2, с. 56 – 60.
3. Культурная интеграция этносов в Казахстане: Коллективная монография / Кадыржанов Р.К. (отв. ред. и рук. науч. проекта). – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2020. – 220 с.
4. Сейдуманова А.С. Роль Ассамблеи народа Казахстана в формировании казахстанской модели единства и согласия. – Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. Москва, 2018, № 3, с. 110 – 127.

МАЛЫЕ ЭТНОСЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОГО КЫРГЫЗСТАНА

Этнонациональная политика исторически всегда была для Кыргызстана актуальной, частью общей политики правовой страны, так как здесь проживает почти 100 этносов. С обретением суверенитета во всех республиках на постсоветском пространстве мощный стимул получило национальное самосознание, то есть обострение политической борьбы и поляризация населения по национальному признаку. В сочетании с трудностями социально-экономических последствий переходного периода, все это резко повысило роль и значение этнической составляющей в национальной политике государства. Этническое возрождение кыргызов, актуализация их национальной культуры и языка оказали сильное психологическое воздействие на представителей других народов, проживающих на территории республики, порождая у них чувство глубокого дискомфорта. Социальная размытость, кризис идентичности обусловили конфликтность постсоветского кыргызстанского общества, которая постепенно приобретала этнический характер, что послужили причиной обострения межэтнических отношений в Кыргызстане.

Обострению межэтнической ситуации в Кыргызстане в значительной степени способствовал и введенный в 1989 года Закон о государственном языке, в качестве которого стал язык титульной (кыргызской) нации. Его реализация предполагала постепенный переход до 1998 года во всех учреждениях и организациях, вузах, школах и т.д. Однако на практике этот процесс был значительно ускорен. Введение языка в сферы государственного управления, делопроизводства, науки, культуры, образования создавало преимущества кыргызам и ущемляло интересы представителей других национальностей республики. При этом цивилизационные различия в этнокультурном и этнопсихологическом образе жизни европейских и азиатских народов, оседлых и кочевых культур проявились по двум направлениям межэтнических взаимоотношений основных национальных

групп: на севере республики – между кыргызами и русскоязычным населением, на юге – между кыргызами и узбеками.

Новая этнополитическая ситуация характеризовалась политизацией этнического фактора и поляризацией населения по национальному признаку. 1990 год исторически стал временем подъема национального самосознания, как кыргызов, так и узбеков. Одновременно обостряются социально-экономические проблемы, при этом особо чувствительной становится нехватка земельных участков для жилищного строительства, что и привело к конфликту.

После урегулирования в 1990 году межэтнического конфликта между кыргызами и узбеками на юге республики усилились миграционные процессы: с одной стороны, – отток сельского населения в города, с другой, – отток в другие республики, в особенности русскоязычного населения. В результате эмиграции, за 1989 – 1991 годы республику покинули более 300 000 русских, 100 000 немцев, 50 000 узбеков, 44 000 украинцев и 30 000 татар. В следствием ее стал отток русскоязычного населения Кыргызстан покинули люди преимущественно активного трудоспособного возраста, а это были десятки тысяч квалифицированных специалистов, работавших в различных областях экономики, на промышленных предприятиях, в строительстве, энергетическом комплексе и других важных сферах. После распада СССР пик миграции приходится на 1991 – 1993 гг., из 500 промышленных предприятий в режиме неполной занятости и приостановки производства работало только 100.

Кроме этого, после распада СССР в новых независимых государствах коренные нации объявили свой язык государственным, а представители титульной нации РСФСР (русские) и русскоязычные стали равноправными в ряду остальных наций. Это и послужило основной причиной оттока русскоязычного населения из Кыргызстана, в начале 1990-х годов. Ряд других причин также способствовали изменению межнационального климата в стране. Руководство Кыргызстана предпринимало шаги для удержания русскоязычного населения. В 1992 году были введены коррективы в реализацию государственной языковой политики, направленные на повышение роли русского языка как официального и развитие социально-экономических, культурных связей с Россией.

Вместе с тем, в связи с миграцией на треть сократилось русское население. Если в 1989 г. удельный вес русских составлял 21,5%, то в 1999 г. он снизился до 12,5%. Наполовину сократилась численность украинцев, в 5 раз немцев. В 1989 – 1999 гг., при росте общей численности населения за десять лет на 13,3%, количество кыргызов увеличилось на 900 тыс., или на 40% и составило 3,5 млн. чел. Эти тенденции наблюдались и среди других местных жителей – дунган, тюрков, уйгур, узбеков, а резкий рост численности таджиков на 27,2% произошел в основном за счет прибытия беженцев.

Необходимо отметить, что массовый отток русскоязычного населения стал следствием не только социально-экономического, политического развития и возрождения национального самосознания коренного населения. Не менее важным фактором его миграции послужили результаты политики Советского государства, которое создавала льготные условия для прибытия в национальные республики, в том числе Кыргызстан, в процессе строительства коммунизма. Распад СССР лишил их гарантированной обеспеченности со стороны государства и об этом свидетельствует следующая таблица.

Динамика и национальный состав населения Кыргызстана с 1926 по 2009 гг.

годы	1926	1939	1959	1970	1979	1989	2009
кыргызы	66,6	51,73	40,5	43,8	47,9	52,4	7,1
узбеки	11,1	10,39	10,6	11,3	12,1	12,9	14,3
русские	11,7	20,78	03,2	29,2	25,9	21,5	7,8
украинцы	6,5	9,42	6,6	4,1	3,1	2,5	0,4
казахи	0,2	1,64	1,0	0,7	0,8	0,9	0,6
прочие	4	6,04	1,0	10,9	10,2	9,8	8,2

После распада СССР наблюдается трансформация этнического состава населения республики. В их соотношении преобладают кыргызы и узбеки, а в целом удельный вес их в общей численности населения вернулся к начальному периоду советского строительства, зафиксированный переписью 1926 года. Это означает, что в

целом расширение в количественном и качественном отношении этнического состава населения республики в рассматриваемый период шло при активном вмешательстве Советской власти и поэтому внесенное извне изменение в его структуру с распадом государства утратило свои позиции.

Удельный вес кыргызов в общей численности населения по регионам Кыргызстана в 1926,1989, 1999 и 2009 гг.

годы	Джалал-Абад	Иссык-Куль	Ош	Чуй	Нарын	Талас	Баткен	Всего
1926	71,3	61,4	71,3	93,5	97,6	75,9	-	66,6
1989	60,9	67,7	56,7	29,3	97,1	76,9	65,7	52,4
1999	69,8	79,4	63,8	43,8	98,7	88,5	74,3	64,9
2009	71,8	86,2	68,6	59,1	99,2	91,9	76,5	71,0

По результатам анализа динамики народонаселения Кыргызстана можно сделать некоторые выводы:

1. Кыргызы, узбеки, дунгани, уйгуры, таджики, турки, азербайджанцы – это народы чья численность возросла, по сравнению с данными Всесоюзной переписи населения 1989 года, и по отношению на 01.01.1999.

2. Русские украинцы, немцы, белорусы и представители других национальностей – это народы, численность которых значительно упала за последние первые 10 лет независимости.

3. Армяне, молдаване, грузины, туркмены, литовцы, эстонцы и др., чья численность осталась стабильной, либо изменилась незначительно.

Межнациональные отношения в том или ином регионе зависят от компактности проживания представителей соответствующих этносов. Например, в Чуйской области местное кыргызское население в основном проживает смешанно с представителями других национальностей. И очень часто местные кыргызы встают на защиту иных национальностей (славян, дунган и др.) во время конфликтов. Особенно это заметно, в населенных нетитульных национальностей в западной части Чуйской области, где они чувствуют себя более уверенно.

Самым важным моментом является то, что большинство подобного рода конфликтов почти полностью лишены чувства межэтнической неприязни, а нацелены на социально-экономические проблемы. В таких случаях сам конфликт используется, как инструмент воздействия на потенциальных источников материальных благ.

Следует отметить, что действия правоохранительных органов и местной власти при подавлении конфликта слабо выражены, отсутствуют профилактические мероприятия. В основном их участие начинается тогда, когда конфликт уже входит в свою ярко выраженную стадию и факты насилия становятся очевидностью. Роль центральных органов власти и управления вряд ли можно оценить как положительную. Как правило, правительство страны ограничивается лишь обращениями и отслеживанием. Метод, который кажется местным властям доступным инструментом влияния, является обращение к пожилым людям обеих сторон (аксакалам), чтобы те договорились и утихомирили молодежь. В большинстве случаев именно аксакалы улаживали конфликт, но эта мера тоже не всегда помогает. Например, во время конфликтов в Чуйской области между дунганями и кыргызами очень часто используют сходы аксакалов для мирного решения конфликта. Но выяснилось, что если для кыргызских сел аксакал в определенной ситуации является непререкаемым авторитетом, то для дунган его компетенция чаще всего ограничивается семейными делами, а настоящими авторитетами являются богатые и влиятельные люди (30 – 55 лет). В результате, когда, казалось бы, между кыргызскими аксакалами и дунганскими старейшинами были достигнуты договоренности, авторитетные дунгане могли их отменить, а кыргызы воспринимали это, как «вероломство, оскорбление и не уважение». Сегодня по-прежнему остается проблема представительства этнических меньшинств в органах государственной власти, Жогорку Кенеше, местных администрациях, правоохранительных органах и т.д. Возможно решение данного вопроса сняло бы некоторые межнациональные напряженности.

Исходя из статистических данных, мы видим, что за последние 5 лет сократилось число административных государственных служа-

щих из числа этнических меньшинств. Если в 2014 году работали 437 русских, то в 2019 году их число снизилось до 317. Если узбеки составляли в 2014 году 258 человек, то в 2019 году уже 190. Сократились также показатели числа таких этнических меньшинств как корейцы, татары и казахи. Что касается дунган и уйгур, то если в 2014 году их вообще не было, то в 2019 году уже было 22 уйгура и 16 дунган 16. Также выросло количество дунган, работающих в административно-муниципальных службах. Обратная картина наблюдается среди немцев и украинцев: если в 2014 году немцы составляли 11 человек, а украинцы – 29, то в 2019 году они вообще отсутствовали.

Это один из показателей того, что в действительности мусульманский ресурс Кыргызстана представляет собой потенциально влиятельную силу. И от того, как этот ресурс будет использован и какую форму может приобрести в политической жизни страны, будет зависеть дальнейшее развитие государства и общества Кыргызстана, особенно в условиях роста политического самосознания мусульман и продолжающегося процесса развития ислама. Но есть вероятность перехода от исламизации к радикализму, развитие которого чревато опасностями для будущего страны. При отсутствии контроля со стороны государства этот процесс вполне возможен. Кыргызстан на сегодняшний день – единственная страна в Средней Азии, где вопросы религии контролируются государством довольно слабо. Религия заполняет вакуум из-за отсутствия в стране государственной идеологии и национальной идеи. Здесь возводятся новые мечети, число которых уже превышает количество образовательных школ; в городах и селах все больше женщин, закрывающих лицо, и все больше растет количество детей посещающих не общеобразовательные учреждения, а медресе и мечети именно из-за религиозных соображений. Государство и мусульманское сообщество должны прийти к какому-либо консенсусу в вопросах ношения хиджаба, получения образования, регулирования семейных и наследственных отношений в мусульманских семьях, опираясь на Конституцию страны, где четко указано, что Кыргызстан является светским государством. И чем раньше начнется диалог государства и религии, тем легче будет решить существующие проблемы и ликвидировать определенные риски для общества.

Известно, что функционирование национальных языков является одним из условий развития этносов. Вопрос о языке очень важен для многонациональной страны, поскольку он является средством общения, одним из основных признаков народа, а также важнейшим элементом его культуры. Для рассмотрения внутренних условий этнического развития, необходимо исследовать состояние данной проблемы. Весьма важны также данные о распределении населения отдельных национальностей по владению родным и другими языками, в том числе кыргызским государственным и русским, которому дан статус официального. Данный фактор является один из основных, влияющих на изменение этнического состава населения. Почти все русские, дунгане указали родным языком – язык своей национальности. Для большинства уйгур (92%), казахов (87%), узбеков (87%) родным языком является также язык своей национальности. У представителей отдельных национальностей, в особенности украинцев, немцев, корейцев, часто родным языком является русский, а не язык своей национальности.

Несомненно, что центральное место в полиэтническом обществе должно принадлежать государственному языку как основы гражданской идентичности. Однако создавая условия для его развития, необходимо сохранять не только язык межнационального общения, но и многоязычие. Именно такой государственный подход будет способствовать адаптации граждан к реалиям формирования кыргызстанского общества. Это, в свою очередь приведет к такому понятию, как «мы – кыргызстанцы», произносимое с гордостью за свое Отечество. Этот путь успешно реализован многими цивилизованными странами и Кыргызстан также способен стать достойным представителем этого процесса в мировом сообществе.

В процессе национального строительства должен участвовать каждый гражданин Кыргызской Республики вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. При этом граждане должны вносить надлежащий вклад в укрепление кыргызской государственности и отстаивать «общенациональные интересы многонационального народа». Именно такой подход позволит начать процесс формирования гражданской идентичности, столь необходимой для построения стабильного кыргызстанского общества.

**ОРЫСТІЛДІЛЕРДІҢ ОН «БІЛМЕСТІГІ»
НЕМЕСЕ ШЫНДЫҚ ДЕП ҚАБЫЛДАНАТЫН
ЖАЛҒАН ТҮСІНІКТЕР**

Тл мәселесінде көпшілігіміз көңіл бөле бермейтін, бірақ қазақ тіліне деген теріс көзқарас қалыптастыратын, немесе қазақ тілін білмеуді, үйренбеуді ақтап алуға бағытталған, кейде қазақ тілінің қасиетін төмендетіп, оның мүмкіншілігін жоққа шығаруға тырысатын түрлі ұғымдар мен «аңыздар» бар. Олардың біздің өмірізге кіріп, кірігіп кеткені соншалықты, көптеген адамдар үшін бұл ұғымдар мен «аңыздар» – шындық ретінде қабылданады. Осы құбылыстарды біреулер «қазақ тілін үйренуге қарсы «мифтер» деп атаса, енді біреулер «стеротип» (белгілі бір мәселелерге қатысты халық арасында кеңінен қалыптасқан жалпы түсінік. Оның қате де болуы мүмкін) деп атайды.

Қазақ тіліне, қазіргі тіл саясатына, мемлекеттік тілдің дамуына белгілі деңгейде кері әсер ететін бұл стеротиптер әсіресе орыстілді қауымда кең таралып, таптауырын болғаны соншалықты оның шындықтан алыс жатқанын түсіндіру, ұғындыру, көздерін жеткізу – орасан еңбекті қажет етеді. Өкінішке орай, бұл көзқарастар қазақ қоғамында да кездеседі. Орыстілді қауым бұл стеротипті өздерінің қазақ тіліне деген салқын көзқарастарын ақтау үшін пайдаланса, қазақ азаматтары бұл ертегілерді қараңғылық пен надандықтың, ұлтсыздықтың салдарынан қайталайды. Өз басым, бұл көзқарастардан құтылудың жалғыз жолы – түсіндіру, халықтың сауатын ашу деп білемін.

Қазақстанның Ақпарат және азаматтық қоғамды дамыту министрлігінің «Мемлекеттік тіл – ел бірлігінің негізгі факторы» деп аталатын жобаны (аталмыш Жоба «Азаматтық бастамаларды қолдау орталығы» Коммерциялық емес акционерлік қоғамның мемлекеттік гранты аясында ұйымдастырылған) бастады. Оның басты міндеттерінің бірі – орыстілді қауымға қазақ тілінің қазіргі жағдайын және болашағын түсіндіре отырып, қоғамда қазақ тіліне деген позитивті көзқарасын қалыптастыру болып табылады.

Алдарыңыздағы сараптамалық мақаланы осы бағыттағы зерттеуден, орыстілді азаматармен кездесуден, пікірлесуден туған туған тұжырым деп қабылдауға да болады. Мақала барлық азаматтарға ой салып, қазақ тілін дамыту мақсатында жұмыс істеп жүрген жандарға ақпараттық көмек береді деген үміттемін.

1. «Орыс тілі – ұлтаралық қатынас тілі» деген заң бар.

Өтірік. Дөңгелек үстелдер мен кездесулерде орыстілді азаматтардың көпшілігі «Орыс тілі – ұлтаралық қатынас тілі» деген бап бар дегенді алдымызға тартудан жалықпайды. Заңнан хабары жоқ жұртшылықта осы жалған ақпараттың салдарынан «Қазақстан – қос тілді мемлекет» деген көзқарас қалыптасатын сияқты. Мойындауымыз керек, 1989 жылғы «Тілдер туралы» заңда бұндай бап (екінші бап) бар болатын. Бұл – ешқандай сын көтермейтін, адам құқығына қарсы баптың бірі болатын. Екі ұлттың өкілі, екі адам бір – бірімен қай тілде қатынас жасағысы келеді, қай тілде сөйлеседі – оны өздері біледі. Бұл мәселе ешқашан, ешбір елде заңмен реттелмейді. Сондықтан да 1997 жылы «Тілдер туралы» заңнан бұл бап алынылып тасталды. Алайда, орыс тілділердің көпшілігі осы күнге дейін орыс тілін «ұлтаралық тіл» деп есептейді. Өкінішке орай, бұл қате тұжырымды кейде мемлекеттік қызметкерлерден де естиміз. Бұл ұғым Қазақстанда орыс тіліне заңдық тұрғыдан ерекше рөл беретіндей пікір тудырады. «Ұлтаралық қатынас тілі» ұғымын орыс тілділерге түсіндіре отырып, тілді қатынас құралы ретінде қолдануда ешқандай тілге заңдық тұрғыда артықшылық берілмейтіндігін түсіндіру қажет. Ұмытпасам, академик Д.А.Сахаровтың «Евразия елдерінің Конституциясы» деген еңбегінде «ұлтаралық қатынас тілі заңмен реттелмейді» деген нақты бап та бар.

Қысқасы, егер пікірталас кезінде «орыс тілі – заң жүзінде ұлтаралық тіл ғой» деген сөзді естісеңіздер, «бұл – барып тұрған өтірік» деп ашық айта аласыздар.

2. «Орыс тілі – ресми тіл» ұғымы. Өтірік. ҚР «Тілдер туралы» заңында кездесетін «Ресми тіл» деген ұғым да бүгінге дейін орыстілді қоғамда (өкінішке орай, қазақ тілді қоғамда да) қате қабылданып келеді. Заңдарды тағы бір қарап шығыңыздар, ешқандай құжаттан (Конституция, «Тіл туралы» заң) «орыс тілі

– ресми тіл» деген сөзді таба алмайсыздар. Заңда «Мемлекеттік ұйымдарда және жергілікті өзін-өзі басқару органдарында орыс тілі ресми түрде қазақ тілімен тең қолданылады» деген сөйлем кездеседі. Демек екі жерде ғана «Ресми тіл ретінде», онда да қазақ тілімен тең дәрежеде қолданылады. Бұл сөз тіркесі орыс тіліне «ресми тіл» статусын бере алмайды.

Екіншіден, барлық өркениетті елдердің заңдарында «мемлекеттік тіл» мен «ресми тіл» деген – бір ұғым. Біреуі тілдің статусына берілген атау да, екіншісі – оның қолданылуы деңгейіне берілген атау. Википедияны қарап көрсеніздер «мемлекеттік тіл» деген сөздің қасында, жақшаның ішінде «ресми тіл» деген сөз тіркесі кездеседі. Әрине, заң шығарған заңгерлер осыны білмеді ме деген сұрақ туады. Меніңше, білді. Бірақ ол кездегі, кеңес жүйесі кезіндегі саяси, тілдік, ұлтаралық жағдай мүлдем бөлек болатын. Сондықтан бір ұғымда екіге бөліп, қазақтілділерге – «мемлекеттік тілдің» статусын беріп, ал орыстілділерге «ресми түрде тең қолданылады» деген тіркесті құшақтатып, екі жағын да риза қылуға тырысқан сияқты. Қазір тілдік ахуал түбегейлі өзгерді. Демек Қазақстанда заңдық негізде айрықша статусы бар бір ғана тіл бар екенін ашық айтуымыз керек. Ол – қазақ тілі. Орыс тілінде ешқандай статус жоқ.

3.«Тілдік дискриминация» ұғымы. Орыстілді азаматтармен кездесу барысында азаматтардың көпшілігі «тілдік дискриминация» деген саяси-әлеуметтік терминді мүлдем түсінбейтіндерін не қате түсінетіндеріне көзіміз жетті. Олардың көпшілігі өздеріне қазақша сөйлегендерді «біздің құқығымызды бұзып, орыс тілін шеттетіп тұр» деп ұғады екен. Бір ғана мысал: Қазақстаннан Ресейге көшіп жатқан азаматтардың 37 пайызы (2013 жылғы әлеуметтік зерттеудегі дерек) өздерінің Қазақстаннан кету себептерін – «орыс тілінің шектелуі (дискриминация)» деп түсіндіріпті. Алайда, дөңгелек үстелдер мен кездесулерде менің «тілдік дискриминация» деген сөз тіркесін қалай түсінесіңдер» деген сұрағыма ешқандай нақты жауап ала алмадым. Жауап бергендердің біреуі «мен дүкенге барып, орыс тілінде бір зат сұрасам, ал маған дүкенші қазақ тілінде жауап қайтарса, орыс тілінің дискриминация жасалуы деп түсінемін» десе, енді біреуі «егер мынадай қызметті

атқарушылар мемлекеттік тілді білуі қажет деген талап заңда болса, орыс тілін шеттетілуі деген сол болады» деп жауап берді. Демек, орыс тілді тұрғындар бұрынғы Кеңес Одағы кезінде, «бізді түсіну үшін, бізбен сөйлесу үшін басқалар орыс тілін білу керек» деген ұстанымнан құтыла алмай жүр.

Белгілі бір тілдік топты (ұлтты) белгілі бір тілді білмегені үшін азаматтық не саяси құқықтан айыруды, немесе белгілі бір ұлттың не ұлттардың өзінің ана тілінде сөйлеулеріне, өз тілдерін қолдануларына заң жүзінде тиым салынуын – тілдік дискриминация деп аталады. Құдайға шүкір, біздің заңдарымызда барлық ұлт өкілдерінің азаматтық, саяси құқығы бірдей. Ал қызметке байланысты белгілі бір тілді, оның ішінде мемлекеттік тілді білу талабы – тілдік дискриминацияға жатпайды. Мысалы, транспорт саласында жолаушылармен тікелей қарым-қатынас жасайтын қызметкерлердің қазақ тілін білуі – біздің елімізде заң арқылы белгіленген талап. Қазақ жерінде, қазақ елінде, тұрғындардың басым көпшілігі қазақтілді азаматтар болғанда оларға қалайша басқа тілде қызмет көрсетуге болады. Қысқасы, орыстілді азаматтардың көпшілігі қызметке қатысты қазақ тілін білу талабын, немесе өздерімен қазақ тілінде қарым-қатынас жасауды – орыс тілінің шектелуі деп қабылдайды екен.

4. Мемлекеттік тілді білудің азаматтарға міндеттілігі. Ишара барысында көптеген азаматтар мемлекеттік тілді білудің сол елдің азаматтарына міндеттілігі туралы мәселе қозғады. Оларға қарсы пікір айтушылар «тілді заң жүзінде міндеттеу – демократияға жатпайды» деген сылтауды алға тартты. Меніңше, бұл жерде халықаралық тәжірибе мен халықаралық заңдарды алға тартуымыз керек. Мысалы, Испанияның тілге қатысты заңында «Испания республикасының тілі – испан тілі (кастиль диалектісі). Испания азаматарының мемлекеттік тілді білуі міндетті болып табылады» деген баптар бар. Осыған ұқсас баптар Балтық жағалауындағы елдерде, Израиль мемлекетінің заңдарында да кездеседі. Қазақстан заңдарында бұндай бап жоқ, бірақ осыдан он жыл бұрын қабылданған, республиканың ұлттық саясатының негізгі бағытын анықтайтын «Ұлт бірлігі доктринасында» мемлекеттік тілді білу – әр азаматтың «парызы және міндеті» де-

ген жолдар бар. Демек, келешекте мемлекеттік тілге қатысты жаңа заң қабылданатын болса, азаматтарға өздерінің мемлекеттік тілін білуді міндеттейтін баптың болуы әбден мүмкін. Бұл талап – адам құқығы мен еркіндігіне қайшы келмейді.

Осы жерде тағы бір мәселені ескерте кеткен дұрыс сияқты. Қазақстанда орыс тілін білу міндетті емес. Мемлекеттік мекемелер, немесе мемлекеттік қызметкерлер Сіздерден қазақ тілімен қатар орыс тіліндегі сұрақнаманы толтыруды, немесе құжаттың орыс тіліндегі мәтінін қоса тапсыруды талап ете алмайды. Бұл – нағыз заңсыз талап болып табылады.

5. «50/50 пайыз». Телехабарлар мен радио хабарлары туралы сөз болғанда, ондағы хабарлардың елу пайызы қазақ тілінде, елу пайызы орыс тілінде болуы шарт деген тұжырымды да жиі естиміз. Екі тіл тең дәрежеде талап етілетін сияқты. Дұрыс емес. Шындығында, заң жүзінде «мемлекеттік тілдегі хабарлар елу пайыздан кем болмау керек» деген талап бар. Демек қазақ тіліндегі хабарлардың 99 пайыз болуы да мүмкін.

6. «Қостілділік» ұғымы. Кеңес одағынан бері келе жатқан тағы бір «миф» бар. Бұл – «қостілділік» деген ұғым. Кеңес кезінде «Қазақстан – «қостілді» республика» деген сөзді көп айтатын. Әлеуметтік лингвистика бойынша тұрғындардың барлығы да қостілді меңгеріп, сөйлесу кезінде бір тілден екінші тілге еркін көше алатын болғанда ғана, ондай елді «қостілді ел» деп атайды. Өкінішке орай, Қазақстанда тек қазақтілділер ғана қос тілді болды да, орыстілді қауым – бір тілді деңгейде қалды. Бұндай жағдайды әлеуметтік лингвистикада «біржақты қостілділік» деп атайды және бұл жағдай әлеуметтік әділетсіздік пен қоғамдағы қайшылыққа алып келеді. Орыстілді азаматтардың «біз – қостілді елміз ғой» деген ұстанымының астарында «сендер орыс тілін білесіңдер ғой, онда біздер қазақ тілін үйреніп неге әуре боламыз. Біздер түсінісе аламыз ғой» деген ой жатыр. Бұл да бұрынғы орыс тілі үстемдік құрып тұрған кезеңнен қалған ұлыдержавалық шовинизмнің қалдығы.

7. «Қазақ тілі ғылым тілі бола алмайды» деген «ертегі». Орыстілді аудиторияның құдайдай сенетін тағы бір стереотипі, ертегісі – қазақ тілінің мүмкіндік деңгейінің төмендігі. Бұл

ертегіні орыстiлдi қазақтар да жиi қайталайды, сондықтан болуы керек, орыстiлдi азаматтар «қазақтардың өздерi де осы пікірді қолдайды ғой» деп «бұлтартпас дәлел» келтіреді. Меніңше, бұл – өздерінің ана тілін білмейтін адамдардың қазақ тілін төмендету арқылы өздерін ақтап алуға тырысуы сияқты. Көптеген кездесулерде орыстiлдi аудиторияда «қазақ тілі қанша дамығанмен от басы ошақ қасының тілі болып қала береді, ғылым, медицина, жаңа технологияның тілі бола алмайды» деген ойды ашық айтады. Ең қызығы, бұндай ойларды қазақ тілінен хабары жоқ, қазақ тілін білмейтін, түсінбейтін адамдар көп қайталайды екен... Оларды бұл пікірлерінен қайтару да оңай емес – өздері сенгісі келіп тұрған жалған тұжырым, олар үшін – аксиома болып табылады.

Өз басым, бұндай жағдайда Ресей мемлекетінің тарихынан мысал келтіремін. Он сегізінші ғасырдың ортасында Ресей елінде де тілдік ахуал күрделі болды. Бір де бір жоғарғы оқу орындарында орыс тілі қолданылмады. Ресейдің ғылыми Академиясы тек француз тілін қолданды. Зиялы қауым француз тілінде сөйлесіп, француз тілінде шығармалар жазылды (Толстойдың «Соғыс және бейбітшілік» романының алғашқы беттері әлі күнге дейін француз тілінде жазылған және француз тілінде жарық көреді). Кеңес одағы кезінде біздің тіліміз де француз тілінің көлеңкесінде қалған орыс тілінің күйін кешті. Орыс тілі үшін осы бір қыйын жағдайда орыстың бір ғалымы «Орыс тілі де ғылым тілі болады!» деп бастама көтерді. Оған қандастары «ақымақ» деген атақ берді. Француз тіліне көшкендер «орыс тілі ешқашан ғылым тілі бола алмайды, ол – от басы, ошақ қасы, мұжықтың тілі болып қалады» деп дес бермеген. Ол «ақымақ» – М. Ломоносов болатын. Сол азаматтың бастамасымен, ұлтшыл орыс оқығандарының қолдауымен орыс тілі де ғылым тілі болды, жоғарғы оқу орнының тіліне айналды. Ал қазақ тілінің мүмкіндігі орыс тілінен артық болмаса кем емес. Біздің Академия алғашқы күндерден бастап өзінің жұмысын екі тілде жүргізе, жоғарғы оқу орындарындағы факультеттердің барлығында қазақ бөлімдері болғаны талассыз шындық. Демек біздің старттық мүмкіндігіміз – он сегізінші ғасырдағы орыс тілінің жағдайынан көш ілгері. Сондықтан «қазақ тілі – ғылым тілі бола алмайды» деген ұстаным – сауатсыздарға арналған «мифтердің» бірі.

8. Орыстілді мектептер сапалы білім береді. Қоғамда қолдаушылары көп, Кеңес кезінен келе жатқан тағы бір тұжырым – «орыстілді мектептер – жақсы білім береді, ал қазақтілді мектептердің сапасы нашар» деген ертегі. Айта кету керек, бұл ертегіні, көбінесе, балаларын орыстілді мектепке берген қандастарымыз қайталаудан жалықпайды. Кейбіреулері қуыстана қайталайды, енді біреулері езеуреп, осы идеяның соңында өлуге дайын адамдай беріле қайталайды. Әрине, қай тілдегі мектепке баласын береді, ол – ата-ананың таңдауы, бірақ қазақ тіліндегі мектептерді ешқандай дәлелсіз жамандау – бәріміздің намысымызға тиетіні анық.

Біз – унитарлы мемлекетпіз. Сондықтан оқу бағдарламалары екі тілде де бірдей. Оқулықтар сол бағдарламаларға сай жазылады. Демек олар да бірдей. Кей жағдайда қазақ бөлімдеріне де, орыс бөлімдеріне де бір адам сабақ береді. Қысқасы, барлығы бірдей болса, орыстілді мектептер неліктен сапалы білім береді деген заңды сұрақ туады. Меніңше, бұл сұрақтың бір ғана жауабы бар – «орыстілді адамдар ерекше ақылды, құдай оларды артық етіп жаратқан да, қазақтілді азаматтарды екінші сорт етіп жаратқан». Бұл – өздеріңіз жақсы білетін фашизмнің идеологиясы. Өз басым, орыстілді мектептерді қазақ тілді мектептермен салыстырып, орыс тілді мектепті артық деп есептейтін жандарды – фашистік идеологияны жақтаушылар деп білемін. Әрине, қай тілдегі мектептің оқушылары олимпиадаларда жеңіске жетті, қаншасы алтын медаль алды деп, деректерді салыстыруға да болады, бірақ ол ойын балаларының «менің әкем күшті» дегені сияқты әсер қалдырады. Меніңше, мектептің атын жақсы ұстаз және сондай жақсы ұстаздарды жинаған директор шығарады. Оның қай тілде оқытуы ешқандай әсер етпейді. Алайда, қазақ тілді мектептердің бір артықшылығы бар екенін ешкім жоққа шығармайды деп ойлаймын. Орыстілді мектепті бітірген жастардың басым көпшілігі – бір тілі (орыстілді) болып шығады екен, ал қазақ тілді мектепті бітірген жастардың барлығы – қос тілді меңгерген азамат болады. Айырмашылығы осы ғана.

9. Барлық қазақтілділер орыс тілін біледі. Орыстілді қауымның тағы бір адасуы, тағы бір құдайдай сенетін «ертегісі».

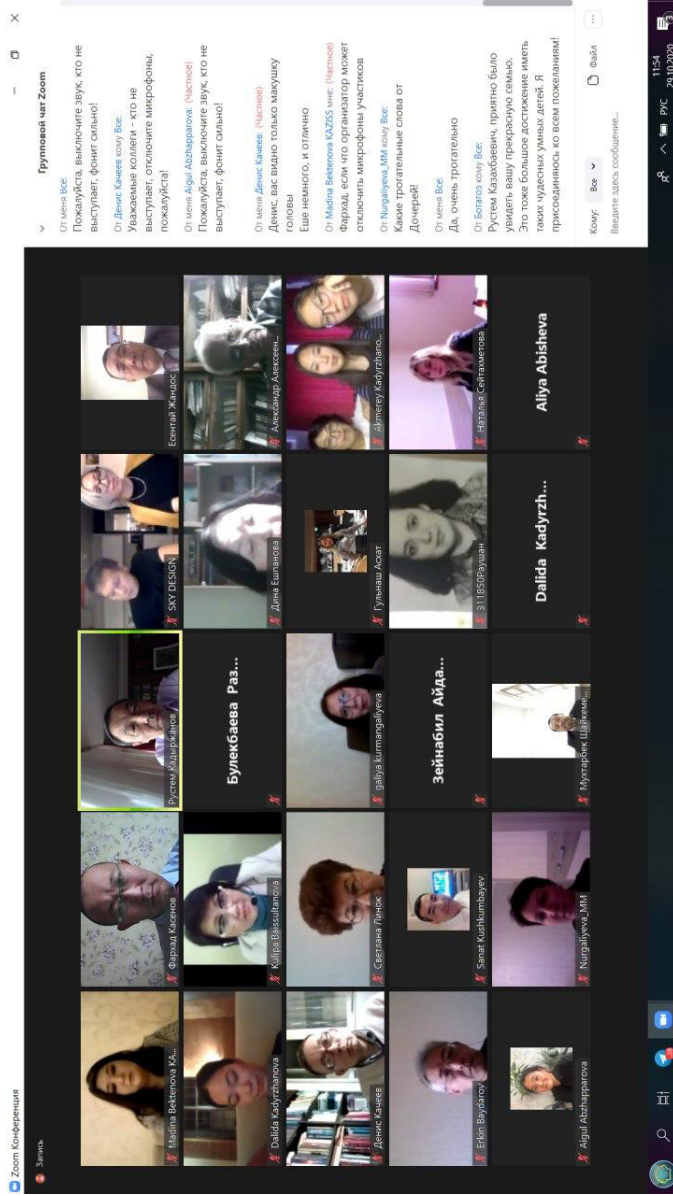
Бұл да «көстiлдiлiктiң» жалғасы. Бiрiншiден, бiлу бар да, сол бiлген тiлiндi қолдану бар. Алдында айтып кеттiм, қандай тiлде сөйлеу – сенi таңдау құқығың. Әр адам өзiне оңай, өзiнiң қажет деп тапқан тiлiнде сөйлейдi. Сондықтан, «орыс тiлiн бiлесiң ғой, онда неге орыс тiлiнде сөйлемейсiң» деген талап – ең ақымақ талаптың бiрi. Ең қызығы, осы ақымақ ұстаным сот жүйесiне де жетiптi. «Дүкендердегi тауардың атаулары нелiктен тек орыс тiлiнде, заң бойынша екi тiлде болуы керек» деп сотқа дейiн барған азаматтарға сот төрағасының «Сен орысша бiледi екенсiң ғой» деген уәжiн естiп, жағамды ұстадым...

Екiншiден, соңғы деректерге қарағанда Қазақстанда орыс тiлiн бiлмейтiндер жиырма пайызға жетiп қалыпты (Грузияда орыс тiлiн мүлдем бiлмейтiндер – 80 пайыз, Тәжiкстанда 67, Өзбекстанда 60, Қырғызстанда 50 пайыз болады). Сондықтан «қазақтiлдiлердiң барлығы орыс тiлiн бiледi деген стереотиптен арылатын кез келдi. Ендi орыстiлделердiң, мемлекеттiң тiлiн бiлмейтiн қызметкерлердiң, қызмет көрсету саласының өкiлдерiнiң алдында орыс тiлiн түртпейтiн жаңағы жиырма пайыз отандастарымен қарым-қатынасқа түсу мәселесi тұр.

10. Тiл мәселесiн – саяси, ұлттаралық мәселеге айналдырмау қажеттiгi. Орыстiлдi аудиторияда қазақ тiлi мәселесiн сөз ете бастасаң, «ал орыс тiлi ше?», «орыс тiлi нелiктен..?» деп басталатын сұрақтар қойыла бастайды. Ал бiрде менiң «әлеуметтiк лингвистиканың заңы бойынша, кез келген адам, егер ол туғаннан топас болмаса, басқа тiлдi үш жылдың iшiнде меңгерiп ала алады. Ал бiздiң орыстiлдi азаматтарымыз отыз жылда да меңгере алмай жүр. Сонда оларды кiм деймiз?» деген сөзiмнен кейiн бiр қызыл көз келiншек «Сiздi сотқа беремiн. Сiз орыстарды топас дедiңiз!» деп айқай көтергiсi келгенi есiмде. «Менiң әр сөзiм жазылып отыр, мен орыстарды деген жоқпын, орыстiлдiлердi дедiм» деп, «түрмеден» аман қалдым...Қысқасы, орыстiлдi аудитория «орыс тiлi» деген сөздi «орыс ұлты» деп қабылдайды. Бұл да – жылдар бойы қалыптасқан стереотиптердiң бiрi. Сондықтан болар, кездесулерге келген әсiрес қызыл орыс ұйымдарының өкiлдерi тiл мәселесiн ұлттық, ұлттаралық мәселеге бұруға барлық күш-жiгерлерiн салады.

Демек дөңгелек үстелдер мен кездесулердегі ерекше көңіл бөліп, жан-жақты түсіндіретін бір мәселе – лингвистикалық мәселені – саяси мәселеге айналдырмау мәселесі. Сондықтан да кездесулерде біздер тек қана «орыстілділер», «қазақтілділер» деген сөздерді қолданамыз. («Орыс тілділер» дегенде оның ішіне миллиондаған қазақтар кіреді де, «қазақтілділер» деген ұғымға мыңдаған басқа ұлт өкілдері енеді). Өкінішке орай, 90-жылдарда тіл мәселесін саяси, оның ішінде, ұлтаралық мәселеге айналдыру кең орын алды. Сол кезеңдегі психологияның зардаптары әлі күнге дейін сақталып келеді. Осы бағдарламаны жүзеге асыру кезінде, қуанышымзға қарай, дөңгелек үстелдер мен кездесулерде тіл мәселесіне байланысты ұлтаралық мәселе қозғалмады. Бұл да қоғамның оянып келе жатқанының көрсеткіші деп білуіміз керек.

Скриншот конференции «Национальное строительство и этнополитика в современном Казахстане» 29 октября 2020 г.

В день 70-летия дома (18 июля 2020 г.)

Коллективное фото ИФПР КН МОН РК после награждения медалью «20 лет независимости Казахстана», декабрь 2011 г.

С моим учителем Кажимуратом Абишевым
на новогоднем вечере 2016 г.

С моими учителями (Жабайхан Абдильдин и Абдумалик Нысанбаев)
и коллегами (Нагима Байтенова, Куаныш Альжан и Алия Абишева)
на Всемирном философском конгрессе, Стамбул, август 2003 г.

Выступление на секции Всемирного философского конгресса,
Сеул, август 2008 г.

Лекция в Университете Гиссена, Германия, май 2014 г.

Выступление на конференции в Казахском университете международных отношений и мировых языков им. Абылай хана, май 2017 г.

Экспертная встреча по вопросам перехода узбекского языка на латиницу в университете им. Низами, Ташкент, декабрь 2017 г.

Экспертное интервью у профессора Ины Друвиете в рамках проекта «Культурная интеграция этносов в Казахстане» в университете Латвии, Рига, сентябрь 2019 г.

Экспертная встреча в рамках проекта «Культурная интеграция этносов в Казахстане» в Национальном институте стратегических исследований Украины, Киев, июнь 2019 г.

Дружеский ланч с профессором Биллом Фирманом,
Алматы, июнь 2015 г.

у входа в Международный научный центр им. Вудро Вильсона, Вашингтон,
США, май-сентябрь 1999 г.

Курганская В.Д., Дунаев В.Ю.

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОЙ СТРАТИФИКАЦИИ КАЗАХСТАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Политическая сфера современного Казахстана характеризуется смешением различных принципов своей организации, начал структурирования, форм институционализации и т.д. Традиционные представления о власти и её субъектах-персонификациях интерферируют с новыми, экзогенными моделями самопрезентации политического истеблишмента. Этим обстоятельством обусловлены как особенностями политической культуры, так и возникающими в соответствии с ними особенностями формирования имиджей политических деятелей: высших должностных лиц государства, лидеров политических партий и движений, парламентариев, глав местной исполнительной власти и т.д.

Качественное изменение типа культурно-цивилизационного развития Казахстана сопровождается формированием противоречивого комплекса ценностных ориентаций массового политического сознания населения. Несмотря на наличие в стране объективных предпосылок для обострения социальных противоречий, они не привели к масштабным политическим акциям населения, как в Киргизии, Украине, Белоруссии. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что дифференцированные интересы социальных групп не артикулированы политически и, соответственно, отсутствуют интегрирующие эти интересы политические субъекты. Профсоюзы деградировали в политическом плане, а партии и политические движения не имеют достаточной социальной базы. В конечном счёте, всё «замыкается» на государстве, которое и является единственно значимым политическим актором.

Наиболее сложной проблемой, встающей перед исследователем особенностей политической стратификации казахстанского общества, является проблема выделения политических установок массового сознания. В политической науке принято определять политические установки массового сознания через проявляющиеся им симпатии/антипатии к какой-либо политической партии.

Существующие в Казахстане политические партии не отражают весь спектр политических убеждений и ориентаций граждан страны. Большинство граждан страны плохо проинформированы об их деятельности, за исключением разве правящей партии «Нур Отан». На наш взгляд, узнаваемость «Нур Отана» объясняется тем, что сегодня на политическом рынке выставляются и продаются в острой конкурентной борьбе не политические идеи и программы, не общественно-политические движения, политические партии и избирательные блоки, а личности политиков, точнее, их имиджи, политические образы. То есть выборы, как и всякая политическая кампания, по многим компонентам аналогичны обычной рекламной кампании товарного бренда. При всей важности лозунгов и символики для формирования имиджа партии, и это важно подчеркнуть, символом и выражением политического бренда является конкретный человек, политический лидер, а не слоган, пусть и эмоционально окрашенный. Как отмечается практически во всех социологических исследованиях, посвящённых анализу формирования образа власти в массовом сознании казахстанцев, для людей характерно *персонифицированное* восприятие политической власти, которое редуцирует всю совокупность властных отношений до фигуры конкретного политического лидера. Таким образом, личностные особенности политических лидеров при персонифицированном типе восприятия выходят на первый план.

Определённое представление о динамике политических предпочтений казахстанцев дают социологические исследования, в частности проведённые Институтом философии, политологии и религиоведения КН МОН РК в различные периоды работы над проектами социально-политической направленности. Результаты социологических исследований подтвердили, что политические предпочтения/отвержения населения, как правило, не принимают форму осознанного партийно-политического выбора на основе критической оценки программных целей и стратегических приоритетов политических деятелей и партий. В свою очередь, политические партии и движения остаются оторванными от процессов структурирования гражданского общества и политического представительства интересов различных социальных групп и страт населения РК.

Как выяснилось в наших социологических опросах, характерной чертой современного казахстанского общества является абсентеизм – равнодушное отношение большинства населения к политической жизни (диаграмма 1).

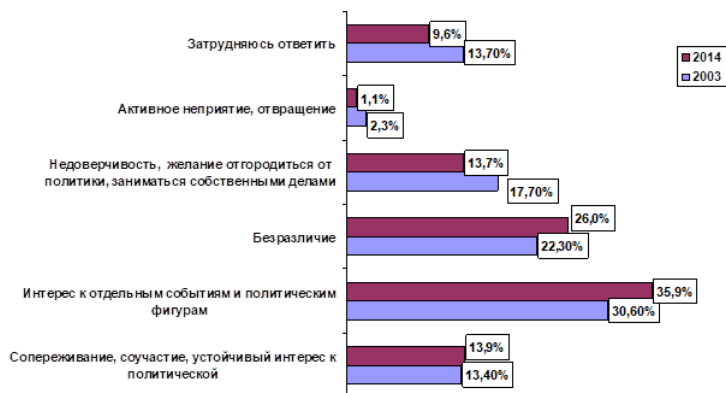

Диаграмма 1. Как бы Вы охарактеризовали своё отношение к политическим процессам в Республике Казахстан?

Такой тип поведения сформировался вследствие того, что рядовые граждане как в советский период, так и в настоящее время отстранены от политических процессов, и население страны, по существу, остаётся сторонним наблюдателем событий в политическом пространстве страны.

Наибольшее безразличие к политике проявляют люди с наименьшим уровнем дохода, сельские жители. Не доверяют политике, стремятся заниматься собственным делом больше других группы с высокими доходами. В категорию лиц, проявляющих наибольший интерес к политике, относятся люди со средним уровнем дохода независимо от возраста, служащие с высшим образованием.

Как следует из приведённых на диаграмме 1 данных, отношение казахстанцев к политическим процессам в стране с 2003 г. по 2014 год практически не изменилось: преимущественной формой восприятия политической жизни является интерес к отдельным политическим деятелям и событиям. Около 40% респондентов всё

также с безразличием либо с недоверием относятся к политической сфере жизни казахстанского общества. В целом такое распределение можно считать нормальным, типичным для населения современных стран. В литературе отмечается, что оптимальным для стабильного функционирования общества является такая степень его политизированности, при которой около 20% населения и менее проявляют устойчивый интерес к политике. К примеру, в Англии относят себя к какой-либо политической партии 16%, а во Франции – только 1% населения.

Политические предпочтения казахстанцев проявляются наиболее выпукло на выборах. Формирование современной электоральной культуры казахстанцев начинается с 1991 г., когда альтернативные выборы становятся неотъемлемой частью демократического развития Казахстана, а прогнозирование исходов выборов – важной политико-идеологической функцией экспертного и аналитического сообщества республики. Хотя при анализе электорального поведения казахстанцев не могут считаться вполне релевантными «классические» модели, например, так называемая «воронка причинности», схемы Шэнкса-Миллера и Т. Дж. Колтона и т.п., тем не менее, имеющийся у отечественных экспертов опыт и наработанная за годы независимости методология анализа выборных кампаний позволяет делать достаточно точные прогнозы.

Ряд вопросов анкеты в нашем исследовании был нацелен на выяснение отношения респондентов к политической сфере жизни казахстанского общества в целом и на оценку роли в этой жизни различных политических институтов, созданных в процессе социально-политического реформирования страны. Ответы респондентов из различных страт, хотя и говорят о возросшей осведомленности граждан страны о деятельности партий, но свидетельствуют о знании людьми направлений деятельности партий лишь в общих чертах. Политические убеждения граждан страны можно дифференцировать по отношению к целям и программным установкам той или иной партии: около пятой части населения ответили, что существуют политические партии или общественно-политические движения, цели и программные установки которой они разделяют (диаграмма 2).

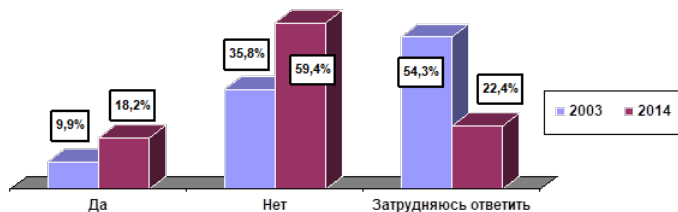

Диаграмма 2. Существует ли в Казахстане политическая партия или общественно-политическое движение, цели и программные установки которых Вы разделяете?

Предпочтения избирателей в 2014 году стали более определёнными. Если в 2003 году затруднились в своём партийном выборе 40,8% респондентов, то в 2014 году не определившихся стало значительно меньше – 14,1%. Это говорит о том, что партии страны проводили с населением определённую работу, хотя может быть и не столь активно как партия «Нур Отан». Но даже то, что пятая часть казахстанцев указывает на привлекательность целей и программы определённой партии, не означает массового членства этих респондентов в партии. Количество членов партий среди респондентов увеличилось за 11 лет незначительно – с 3,7% в 2003 г. до 4,4% в 2014 г. Как показывает опрос, в 2014 году в общественном мнении лидировали три партии: 1. Народно-демократическая партия «Нур Отан» (Н. Назарбаев); 2. Демократическая партия «Ақ жол» (А. Перуашев); 3. Казахстанская социал-демократическая партия «Ауыл» (Г. Калиев). Членами различных партий в нашем опросе оказались работники с различным уровнем дохода, социальным статусом, уровнем образования, типом поселения, пола, этнической принадлежности. Поэтому с помощью полученных социологических данных не удаётся выделить социальную базу партий в Республике Казахстан.

Одна партия, по определению, не может выражать интересы всех без исключения членов общества, даже если она и лидирует в общественном мнении. Социологическое исследование показало, что векторы политических ориентаций у людей, относящихся к одним и тем же социальным стратам, в общем и целом не совпадают, взаимно не скоординированы, нет партии или движения, которые бы

их отражали. В итоге казахстанское общество, не имеющее соответствующих культурных традиций правовых и ценностно-нормативных ограничений и самоограничений политической власти, в отсутствии конструктивной оппозиции оставалась под властью не закона, а административного воздействия властных структур на социум.

В развитии партийного строительства вплоть до последнего времени не происходило серьёзных сдвигов. Авторитет партий в казахстанском обществе остаётся невысоким. Граждане страны в исследовании 2019 года по-прежнему не связывают надежды на разрешение своих проблем с политическими партиями (на наличие таких надежд указало лишь 0,3% респондентов). Активное участие в политической жизни страны (участие в выборах, политических и общественных мероприятиях, стремление всегда быть в курсе политической повестки и т.д.) не связывается большинством респондентов и с успехом в их жизни (на связь успехов в жизни и активного участия в политической жизни страны указало 2% опрошенных).

С другой стороны, респонденты интересуются событиями, происходящими внутри страны и за её пределами. Слабый интерес к внутриполитической деятельности обусловлен, главным образом, отсутствием сильной оппозиции, которая, с точки зрения респондентов, носит фиктивный, показной характер и никак не влияет на внутриполитическую повестку. Отмечается пассивное восприятие текущей внутриполитической ситуации – люди не верят в силу собственных голосов, считают, что все политические решения принимаются без оглядки на их интересы, вплоть до выдвижения кандидатов в местные органы власти, не верят они также и в эффективность принципа выборности. «До выборов кандидаты в депутаты дают много обещаний о том, что изменят законы, и народу станет легче жить, и что они, депутаты, реально начнут работать. Выборы проходят, а после них ничего не меняется», – так в обобщённом виде можно представить мнения тех участников фокус-групп, которые критично относятся к избирательной системе в стране.

Тем не менее, от смены руководства страны респонденты ожидали реформ в сфере здравоохранения, в частности расширения перечня бесплатных медицинских услуг, доступа к квалифицированной медицинской помощи. Помимо этого, участники фокус-

групп хотели бы возвращения бесплатного высшего образования, а также повсеместной поддержки предпринимательского сектора, повышения заработной платы, создания новых рабочих мест, снижения цен на продукты питания. Также респонденты хотели бы реальных изменений в социальной политике, в частности повышения пособий многодетным матерям, пособий при рождении ребёнка («материнский капитал»), снижения пенсионного возраста и повышения размера пенсий. Население надеялось на усиление борьбы с коррупцией, улучшение условий труда, снижение процентов по кредитам для бизнеса, улучшение экологической обстановки, преобразования в сельской местности (газификация, водопровод и пр.). В молодёжных фокус-группах высказывались пожелания, направленные на создание для молодёжи рабочих мест, льготного кредитования в жилищном строительстве.

Что касается узнаваемости партий, то у большинства респондентов она продолжала оставаться крайне низкой. Кроме партии «Нур Отан», лишь некоторые респонденты смогли назвать партии как ныне действующие, так и прекратившие существование: «Ақ жол», «Ауыл», «Руханият», «Асар», «Азат» и «КНПК», причём сельчанам по большей части известна лишь партия «Нур Отан».

Основная причина неизвестности других партий, по мнению участников фокус-групп – отсутствие какой-либо деятельности с их стороны: «Остальные партии активизируются тогда, когда начинается предвыборная кампания, а так они находятся в спячке» (участник фокус-группы).

Более известной стала запрещённая в стране партия Демократический выбор Казахстана (ДВК), результатом деятельности которой стала резко возросшая протестная активность населения в разных городах страны. Причём если раньше в подобного рода протестах принимало участие практически исключительно казахское население, то в акциях 2019 года были замечены и другие этносы. В ходе фокус-групп их участники высказывали претензии некоренным этносам, которые не поддерживают казахов в разного рода протестных акциях.

Наибольший интерес к политике высказывали участники казахских фокус-групп на западе и на юге страны. Так, участники фокус-группы в Мангыстауской области считают, что партии не

оказывают влияния на ход развития страны и выразили критическое отношение к партии «Нур Отан», чья деятельность, по мнению респондентов, носит исключительно показательный характер. Вместе с тем они проявляют большой интерес к политической деятельности. От смены руководства опрошенные ожидают развития культуры, медицины и образования (в частности внедрения бесплатного высшего образования), а также отказа от трёхязычия.

Участники казахской фокус-группы в Кызылординской области также активно интересуются политикой, но считают, что влиять на социально-экономическую ситуацию страны может только одна партия – «Нур Отан». На слуху также такие партии как «Ак жол», «Алаш», которые они не считают оппозиционными. Между тем, по мнению участников фокус-группы, стране необходимы настоящие оппозиционные партии. От руководства страны они ждут повышения социальных пособий; бесплатного высшего образования для всех; борьбы с безработицей; повышения заработной платы; стабильного социально-экономического и политического курса.

Фокус-групповое исследование 2019 г. показало, что население хочет видеть реальные реформы в образовательной, медицинской и экономических сферах, амнистию по кредитам, снижение процентной ставки на кредиты для развития бизнеса, помощь многодетным матерям, экономическое и социальное развитие села, усиление борьбы с коррупцией, улучшение условий труда, экологической ситуации.

Представление о связи этничности и политических предпочтений дают социологические исследования прежних лет. Так, в 2016 году при проведении фокус-групповых исследований не было обнаружено симпатий какой-либо этнической группы к определённой зарегистрированной партии. Фокус-группы показали, что электоральные ожидания у всех этнических групп остаются одинаковыми и отличаются лишь регионально. Для г. Алматы, по мнению опрошенных, наиболее актуальными являются экологические и социальные проблемы, которые должны решаться государственными органами. Участники дискуссии в Атырауской области указали на комплекс региональных проблем, которые необходимо решить: социально-экономические, духовно-нравственные. В Восточно-Казахстанской области на первом месте стоят вопросы

экологии и здоровья населения. В Северо-Казахстанской области актуальными остаются проблемы занятости и нехватки детских учреждений. В Южно-Казахстанской области наиболее острыми являются проблемы безработицы и доступности жилья.

Этническая принадлежность кандидата в депутаты не являлась значимой для большинства городских респондентов. Однако для сельского населения национальность депутата более важна. Участники фокус-групп указывали на нарушение языкового законодательства в местах компактного проживания этносов: в русскоязычном регионе многие чиновники не заботятся о наличии табличек на двух языках даже в официальных учреждениях. Респонденты указывают на представительство только одного этноса – казахов в органах власти, поэтому сельчане хотели бы видеть в органах власти представителя своей этнической группы. Такая позиция может свидетельствовать о том, что в сельской местности уровень этнической консолидации выше, чем в городе. Тот факт, что большинство столкновений последнего времени, принимающих этническую окраску, происходили в сельской местности, может быть истолкован в пользу этого предположения.

Большинство участников фокус-групп затруднились дать оценку работе депутатов избранных от Ассамблеи народа Казахстана (АНК). Они либо вообще не знакомы с результатами их деятельности, либо охарактеризовали её весьма критично. Многие респонденты вообще не знали о существовании такой депутатской группы. Даже если некоторые участники фокус-группы и слышали о ней, им не совсем понятны цели её деятельности. Те участники, которые знают о деятельности этой группы, полагают, что неправильно избирать одних и тех же депутатов на второй срок.

Анализ этнополитической стратификации казахстанского общества показал, что электоральные предпочтения казахстанцев в настоящее время формируются под воздействием показателей экономического и социального развития региона, географических факторов, социальной микросреды. В целом же, участие или неучастие отдельных групп и слоёв населения в электоральном процессе зависит от политической культуры избирателей, уровня правопонимания и осознания ими собственной роли в отношениях между властью и гражданином.

Кушкумбаев С.К.

КАЗАХСТАН И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ: МЕЖДУ НАЦИОНАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТЬЮ

Страны Центральной Азии имеют общие исторические судьбы и очевидно имеют значительный потенциал для создания взаимовыгодного общего экономического, культурного и политического пространства. Важное значение имеет тот факт, что в период независимости в 1993 г. произошло отождествление внутрорегиональной и внешней геополитической идентификации, когда контуры международно-политической Центральной Азии стали базироваться исходя из современных границ пяти региональных стран.

К углублению политического диалога

Казахстан анонсировал ранее стремление к более тесной кооперации и намерен закрепить позитивные тенденции как политически (двусторонний и многосторонний диалог), так и экономически (инвестиции в энергетику, транспорт и др.). Эти усилия обусловлены состоянием двусторонних и многосторонних связей стран региона, необходимостью обеспечения стабильности и безопасности в регионе, создания благоприятной внешнеэкономической и внешнеполитической среды.

Суть позиции Астаны заключается в максимальном использовании диалоговых переговорных механизмов. Для решения водно-энергетических и многих других экономических вопросов в Центральной Азии, Казахстан предлагает интенсифицировать региональное многостороннее сотрудничество. В пакете предложений Астаны создание отраслевых консорциумов: водно-энергетического, транспортного и продовольственного; специальные приграничные зоны; совместные инвестиционные структуры и ряд других. Эти инициативы, безусловно, открыты для обсуждения и новых предложений со стороны центральноазиатских соседей.

Таким образом, Астана предлагает своим центральноазиатским партнерам последовательно двигаться к тесному региональному взаимодействию на прагматичной основе, с учетом особенностей каждой страны.

Результативное межстрановое взаимодействие в Центральной Азии может быть осуществлено в рамках решения актуальных вопросов, связанных с энергетическим комплексом, с вопросом распределения водных ресурсов и делимитации границ. В числе жизненно важных проблем – транспортный транзит, пограничные вопросы и трудовая миграция. Достигнув вначале эффективного решения ключевых проблем в этих сферах, создав стабильный механизм их разрешения, можно будет последовательно развивать взаимовыгодное региональное сотрудничество.

Дальнейшее развитие и расширение взаимовыгодных торгово-экономических связей между государствами Центральной Азии должны рассматриваться прежде всего через стремление к созданию реально действующей зоны свободной торговли, развитие предпринимательства и инвестиционного сотрудничества, проведение государствами Центральной Азии и их соседями согласованной таможенной, налоговой и тарифной политики, гармонизацию денежно-кредитных и валютных отношений, принятие активных мер по унификации национальных законодательств, с целью реализации режима свободной торговли.

Кроме того, важными факторами развития взаимной торговли между государствами Центральной Азии являются гармонизация макроэкономической политики этих стран и синхронизация экономических реформ, что будет способствовать созданию условий для формирования транспарентного общего рынка товаров и услуг.

К общему транспортному пространству

Регион Центральной Азии в силу своего геополитического положения, исторически являлся транзитным звеном в системе различных взаимосвязей стран Евразии. Частично это положение сохранилось в начальный период независимости, но в силу ряда международно-экономических, внутри -и внешнеполитических

причин темпы вхождения стран Центральной Азии в мировое экономико-политическое пространство замедлились. Известно, что крупным сдерживающим фактором здесь выступает неразвитость транспортно-коммуникационной инфраструктуры, как на национальном, так и на региональном уровнях. Как известно, транспортные издержки серьезно влияют на конкурентоспособность производимой продукции, в целом экономик наших стран.

Логично, что развитие транспортной инфраструктуры является приоритетным направлением сотрудничества стран Центральной Азии.

Центральноазиатский регион демонстрирует значительный транспортно-транзитный потенциал, что подтверждается как масштабами модернизации и строительства, так и заинтересованностью зарубежных инвесторов в сотрудничестве со странами региона. Кроме того, транспортная инфраструктура в виде транспортных и экономических коридоров – стержень дальнейшей реализации инициативы КНР «Пояс и путь». Ожидается, что развитие транспортных коридоров положительно скажется на решении общих региональных вопросов и национальных задач.

Однако странам региона для полномасштабного раскрытия потенциала транспортных систем предстоит сфокусироваться на фундаментальных проблемах – качество железных и автомобильных дорог. При этом, в Казахстане например, железная дорога – наиболее предпочтительный метод перевозки грузовых товаров. Различные стандарты железной дороги стран вдоль инициативы «Пояс и Путь», а также разнородный ландшафт и климатические условия многими исследователями рассматриваются как препятствия дальнейшего объединения транспортных узлов и перевозки габаритных и тяжелых грузов.

Следует напомнить, что в конце 2015 г. Казахстан и Китай подписали соглашение о сопряжении ЭПШП и программы Новая экономическая политика «Нурлы Жол», принятой правительством Казахстана в 2014 г. Программа направлена на комплексное продолжение курса реформ в экономике страны. В этих целях в Казахстане проводится масштабная программа модернизации транспортных активов, которая охватывает все виды транспорта, одной

из задач которой является соединение столицы Астаны по «лучевому принципу» с основными крупными регионами.

Летом 2016 г. стороны подписали детальный план сотрудничества, выделив три приоритета: транспортная инфраструктура, торговля, промышленность.

План предусматривает строительство нескольких транспортных коридоров (Китай-Казахстан-Западная Азия, Китай-Казахстан-Россия- Западная Европа и Китай-Казахстан-Южный Кавказ-Турция-Европа) и логистических терминалов в Казахстане, Китае и третьих странах.

Таким образом, правительство Казахстана, поддерживая китайскую инициативу, намерено максимально использовать ее для защиты и продвижения национальных экономических интересов. В 2017 г. Астана приняла инвестиционную стратегию, которая призвана повысить эффективность сотрудничества Казахстана с Китаем в рамках ЕАЭС, ШОС и ИПП и способствовать становлению Астаны как регионального финансового центра в рамках проекта создания Международного финансового центра (МФЦА), который был запущен 5 июля 2018 года.

Значимой платформой по сотрудничеству стран Центральной Азии в сфере модернизации транспортной инфраструктуры является продвижением интересов в программе ЦАРЭС. Данная программа рассматривается также восточным соседом стран Центральной Азии, как механизм кооперации по совместной реализации инициативы «Пояса и пути». Эти усилия направлены на модернизацию транспортной инфраструктуры, включая транспортные и транзитные коридоры в странах региона.

Страны региона, реализуя собственные государственные программы модернизации транспортной инфраструктуры, в целом имеют схожие интересы в сокращении транспортных расходов и привлечения транзитных потоков через свои территории. Так, запуск нового железнодорожного маршрута «Китай – Казахстан – Туркменистан – Иран» позволил добиться сокращения времени в пути в 2 раза по сравнению с морскими перевозками.

Следует отметить, что государства Центральной Азии стремятся диверсифицировать транспортные маршруты, идущие глав-

ным образом из Китая. Так, к примеру, запущенный Казахстаном и Китаем в 2017 году маршрут «Китай-Европа» («Новый Евроазиатский континентальный мост») позволил добиться сокращения времени пути составов с 20 дней до 14 дней.

Предпринимаемые меры по поиску и разработке альтернативных транспортных коридоров – это показатель стремления к более низким транспортным затратам. Однако в случае стран Центральной Азии важно сохранить баланс между существующими структурными предпосылками для регионального сотрудничества. К примеру, создание Туркменистаном новых маршрутов Туркменбаши через Гарабогаз к границе Казахстана, Туркменабат – Газачак – Дашогуз, Мары – Серхетабат позволят диверсифицировать автомобильную сеть.

Также, в Туркменистане ведутся работы по модернизации магистральных автодорог «Ашхабад-Туркменбаши» и «Ашхабад-Мары», а также по реконструкции дорог «Туркменбаши-Бекдаш-граница Казахстана». Другие страны Центральной Азии также ведут работы по модернизации существующих автомобильных сетей.

В Узбекистане проведена реконструкция многих транспортных артерий, например, «Ташкент-Ош», «Ташкент-Термез», «Самарканд-Бухара-Алат», «Гузар-Бухара-Нукус-Бейнеу». Также ведется реконструкция и модернизация следующих путей: «Бейнеу-Кунград-Бухара-Самарканд-Ташкент-Андижан» и «Бухара-Алат».

Таджикистан: реконструкция дорог «Куляб-Кальаи-Хумб-Кульма», «Шкев-Кальаи Хумб», «Душанбе – Курган-Тюбе» и Куляб – Дарваз.

Кыргызская Республика ведет реконструкцию дорог «Бишкек-Ош», «Казарман-Джалалабат».

Модернизированная транспортная система, позволит странам Центральной Азии иметь свои конкурентные преимущества, например, в сравнении с морскими путями инициативы «Пояса и Пути» и соответственно увеличить товарооборот между странами и показатели международной торговли.

К углублению региональной торговли

В этой связи странам Центральной Азии необходимо продолжать искать точки взаимной кооперации. Страны ЦА обладают зна-

чительным потенциалом для наращивания торгово-экономического сотрудничества как на основе двусторонних отношений с крупными партнерами, так и в рамках участия в международных организациях – СНГ, ЕАЭС и ШОС. В этом смысле гармонизация и сопряжение проектов ЕАЭС, ШОС и ЭПШП создаст более значительный синергетический эффект для экономического развития всего региона.

Государства понимают выгоду от сотрудничества в сфере транспортной инфраструктуры, из-за роста транзитных грузоперевозок и внутрорегиональной и международной торговли. Как известно, по итогам министерской встречи ЦАРЭС в Душанбе в октябре 2017 года, была подписана стратегия ЦАРЭС до 2030 года по дальнейшему устойчивому развитию в регионе. Стратегия предусматривает «кластерный» подход развития и разработана для создания «открытой и инклюзивной платформы регионального сотрудничества». В то же время, был обсужден вопрос создания «единого железнодорожного оператора ЦАРЭС» и «открытого неба».

Согласно стратегии ЦАРЭС-2020, сопряженного с национальными планами развития, общий объем инвестиций в стимулирование транспорта и торговли до 2020 года составит 39 миллиардов долларов США. Это позволит ощутимо укрепить каркас региональной транспортной инфраструктурной сети с целью реализации экономического потенциала и улучшить общее состояние транспортных маршрутов.

На наш взгляд, для эффективной кооперации необходимо выработать стратегию реагирования на волатильность торговых показателей, а также принять меры по недопущению конфликтов вытекающих из международных торговых отношений.

Разные таможенные пошлины и тарифы могут стать краеугольным камнем в развитии регионального сотрудничества. Кыргызстан и Казахстан, связанные обязательствами по ВТО должны будут удерживать свои экспортные ставки на достаточно низком уровне в виду их параллельного участия в ЕАЭС, что может вызывать обеспокоенность у государств-соседей. Национальные экономические приоритеты будут обуславливать и различные взгляды и подходы, могут возникать вопросы по различным группам товаров, в частности по продовольственной продукции.

Как было отмечено в приветствии Президента Узбекистана Мирзиёева на открытии прошедшей в сентябре 2018 года в Ташкенте международной конференции по развитию транспортных коммуникаций в регионе «транзитные расходы стран Центральной Азии, которые не имеют прямого выхода к морю, достигают 70-80% от стоимости экспорта продукции, а перевозчики теряют 40% времени из-за отсутствия унифицированных таможенных процедур». Конечно, в Казахстане есть понимание подобных издержек. Как уже отмечалось, доля Казахстана в ж/д путях всего региона составляет 2/3, или около 66%.

По нашему мнению, очень актуальным является призыв Президента Узбекистана о «целесообразности создания регионального совета по транспортным коммуникациям стран Центральной Азии, который станет координирующей структурой в решении проблем в транспортно-логистической сфере».

В контексте усиления этой идеи, очевидно, что настало время также обсудить возможность создания постоянной рабочей структуры или платформы для эффективной реализации и последующих решений глав государств и предложений наших правительств. Возможно создание такого неформального института на межправительственном уровне (уполномоченных или специальных представителей). Основная цель – не создание каких-либо межгосударственных структур, а результативное и взаимовыгодное решение актуальных региональных вопросов.

От внешнего регионостроительства к внутреннему

Центральная Азия не в простом окружении. На фоне соседей – России, Китая, Ирана и ряда других стран исламского мира позиции каждой страны в отдельности и даже региона в целом выглядят не сопоставимо. Отдельные страны более уязвимы в случае внешнего воздействия. Речь идет об экономическом и политическом потенциале, культурно-цивилизационном векторе. Усиление региональной субъектности сообщества стран, где их потенциал соизмерим, и существует культурная, историческая и географическая сопряженность, по сути, путь к укреплению субъектности каждой страны в отдельности.

Парадигма региональной кооперации это консенсусный и диалоговый путь решения общих вопросов, таких как управление трансграничными реками, общими границами, развития транспортного транзита, торговли, энергетики и сельского хозяйства, совместного решения проблем безопасности и ряда других. Таким образом, выигрывает страна через усиление региона в целом.

Примечательно, что отдаленные географически страны политически, дипломатически и иными способами поддерживают региональный формат «5+». Это видно в отношениях с ЕС, США, Индией, Японией и Южной Кореей. По нашему мнению, опыт, прежде всего ЕС является востребованным для стран стремящихся создать эффективные региональные платформы сотрудничества. В Центральной Азии базовые принципы европейского опыта вполне применимы, если не сейчас, то в перспективе. Сам известный постулат ЕС «единство в многообразии» не теряет актуальности и вполне соответствует условиям нашего региона.

Полагаем, что адаптация и развития многих элементов из этого большого багажа (в том числе опыт, Вышеградской группы, Нордического Совета и других) сыграет в потенциале свою позитивную роль и в Центральной Азии.

В этих условиях страны Центральной Азии должны быть заинтересованы в большей сплоченности и посредством этого в минимизации издержек от соперничества и конкуренции своих внешних партнеров. Следует отметить, что региональное сотрудничество в Центральной Азии не может и не должно быть направлено против кого-то, или против чьих-то интересов. Это, прежде всего, процесс продвижения и защиты своих интересов и он возможен только при условии взаимного уважения суверенитета и должен базироваться на принципе равноправия, добровольности, консенсуса и диалогового, дипломатического решения вопросов. Этот процесс может вызвать противодействие только тех игроков, кто имеет державные амбиции, кто стремится иметь односторонние преимущества и/или зоны привилегированных геополитических интересов и соот-

ответственно кто видит в региональном сотрудничестве в Центральной Азии риски для своих геополитических целей.

Важным на данном этапе для государств региона является переход от встреч на политическом уровне, заключения масштабных соглашений к практической реализации достигнутых договоренностей.

В этом контексте целесообразным является создание действенной платформы, эффективно решающей вопросы сотрудничества стран Центральной Азии, которая позволит наладить продуктивный механизм многостороннего диалога и послужит консолидации усилий государств на региональном уровне.

Сейчас необходимо сфокусироваться на урегулировании непротиворечивых торгово-экономических вопросов сотрудничества, максимально использовать потенциал наших экономик, и завершить решение пограничных, водно-энергетических вопросов. Эффективные совместные меры стран Центральной Азии в этих сферах позволят вывести региональное сотрудничество на качественно новый уровень.

Линок С.А.

РОЛЬ КУРСОВ «ПОЛИТОЛОГИЯ» И «СОЦИОЛОГИЯ» В ФОРМИРОВАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Данная статья посвящена юбилею замечательного Учителя, великодушного и мудрого человека – профессора Р.К. Кадыржанова. Он подготовил много учеников, соискателей, аспирантов, к которым относится и автор статьи.

70 лет – это прекрасная дата! Богатый профессиональный опыт, много мудрости, идей и планов на будущее! Деятельность Рустема Казахбаевича, основанная на высоком профессионализме, умении решать научные проблемы, чутко улавливать перемены в жизни общества и воспринимать новации, принесли успех и заслуженное уважение коллег.

Поражает разносторонность интересов профессора – математика, философия, политология, социология. Рустем Казахбаевич – признанный Мастер в области теории политических систем, национальной идентичности, этнической политики – многие работы стали классикой для нас. Именно он заставил многих задуматься над темой разрешения противоречия этнической и гражданской идентичности, баланса идентичностей и заняться полевыми исследованиями данного вопроса в регионах.

Мы – ученики профессора Кадыржанова безмерно благодарны за уникальные знания и навыки, которыми он щедро делился с нами, за те качества личности и свойства характера, которые демонстрировал – всё это было и остаётся для нас лучшим примером принципов жизни настоящего Человека! Рустем Казахбаевич – прирождённый наставник, и мы искренне рады, что он и по сей день, также передаёт свои знания молодым поколениям – нашему будущему!

Поздравляем Учителя и желаем долгих лет плодотворной деятельности, крепкого здоровья, благополучия, дальнейших успехов и удачи!

Проблема идентичности по-прежнему актуальна в научном и общественном дискурсах. XXI век можно назвать веком бурного роста идентичностей. Национальная идентичность как самоопределение индивидов и групп постоянно производится и воспроизводится в мире, что проецируется на область международных, внутриобщественных, межличностных отношений, тем самым затрагивая все сферы жизни.

Национальная идентичность является не только следствием локализации и архаизации, но и инструментом интеграции народов в современные условия. Эти обстоятельства требуют анализа и оценки национальной идентичности. Формирование национальной идентичности в условиях глобализации характеризуется, во-первых, обособлением от других этнических групп, поисками коллективного национального «Я», а во-вторых – включением ресурса идентичности в качестве предпочтительной позиции государства в мире.

Сложность процесса национальной идентификации состоит в многомерности критериев идентичности. Так, структурно-функциональный подход (Т.Парсонс, Р.Мертон) характеризует национальную идентичность, как интерпретацию процесса интеграции социальных общностей в национальное государство.

Соответственно, Дж. Мид анализирует когнитивные и социально-ориентационные модели идентичности, основанные на существовании матрицы идентичности как паттерна социальной деятельности. Условиями формирования идентичности являются социальная модернизация, создание демократических институтов и развитие форм гражданской активности в политической жизни.

В постклассической социологии (Э. Гидденс, З. Бауман) обосновывается конструктивистский характер национальной идентичности, как интернализации «внешних структур» для реализации целей национального возрождения, соперничества с «другими» и принятия объединяющих ценностей.

В концепции позднего модерна содержится представление о национальной идентичности, как возможности социальной консолидации и реализации национальных интересов. При этом признается растущая неопределенность идентификационного выбора, ограниченность удовлетворения социальных потребностей в рамках классических моделей идентичности.

В теории В. Тишкова процессы национальной идентичности показаны с точки зрения конструктивизма (нациестроительство). В работах Р. Кадыржанова говорится о возможности сочетания в национальном строительстве этнического и гражданского начал, реализации синтеза этнической и гражданской нации. Ученые В. Ядов, Т. Данилова определяют национальную идентичность в контексте глобализации, как способ организации общества в условиях перехода от традиционного общества к обществу позднего модерна.

К настоящему времени в политологии, культурологии, социологии, философии в понимании данного термина сформировались три основных теоретических направления:

1. Примордиалистский подход связан с тем, что нацию можно идентифицировать на основе определенных объективных признаков, не зависящих от субъективных воззрений ее представителей. *Примордиализм* понимаемый, в самом широком значении как обращение к «корням» – ставит акцент на родовой идентичности. «Примордиальность», естественность этнической принадлежности и этнообразующих признаков, маркирующих границы этнического, понимается как трансляция в поколениях представления о себе как об исключительной, иной группе по сравнению с соседними народами.

2. Инструментальный дискурс понимания этничности выражается в признании и институциональном представительстве какого-либо этнического сообщества в средствах массовой информации, органах образования, структурах власти (советскость).

3. В рамках конструктивизма этничность понимается не как некоторая данность, а скорее как результат созидания, творческого воображения. Самосознание понимается не как «фиксированная суть», а как «стратегическое самоутверждение». Здесь этническая группа выступает в виде субэтнуса, т.е. региональной части этноса, не вполне слившейся с ним и имеющей особенности разговорного языка (диалект), культуры и быта, а также особое самосознание. Или этнической группой называют небольшую часть определенного этноса, территориально определяющуюся в результате миграции (корейцы в Казахстане), но сохранившую прежнее этническое самосознание, язык, особенности культуры и быта.

Понятие «национальная идентичность» можно отнести к числу универсальных констант современного гуманитарного знания. Исследователи, как правило, рассматривая типы национальной идентичности, дают им различные названия: гражданская и этническая, политическая и культурная.

При этом в сфере общественного обсуждения существуют самые противоречивые взгляды по данной проблематике – от полного исчезновения наций под влиянием мировой культуры и экономики до приобретения ими новых характеристик, ренессанса этничности и нового понимания национального государства. Иными словами, мы видим обе концепции идентичности, как примордиалистскую, так и конструктивистскую.

В казахстанском обществе постоянно ведутся дискуссии о том, как называться гражданам страны – казахстанцами или казахами, независимо от этнической принадлежности. Обсуждения доктрины национального единства по поводу идентичности наглядно показали многомерность идентификационного процесса, связанного с актуализацией как культурно-исторического контекста, так и стратификационной моделью общества.

«Национальная идентичность является для современного человека главной, определяющей другие его социальные идентичности. Формирование нации вокруг государства является в современном обществе ведущим способом национального строительства».

Это связано с центральной ролью государства в современном обществе, особенно в развивающихся странах. Государство оказывает влияние на все процессы, протекающие в обществе, выполняет в нем управленческие, регулирующие, идеологические и легитимирующие функции. Оно отвечает за состояние социальной сферы, устанавливает правовые и нравственные законы, защищает граждан и территорию страны, консолидирует общество для решения важных задач, организует людей и придает их деятельности смысл, что определяет его решающую роль в идентификационных предпочтениях и поведении граждан.

Национальная идентичность несет в себе сильный эмоциональный заряд связи индивида со своей этнической группой, нацией и государством. Связь индивида с нацией в значительной мере

выражается через его связь с государством. У государства есть свои символы, церемонии и ритуалы, являющиеся по существу национальными. Участвуя в них, граждане испытывают душевный подъем, чувство единения, сопричастности с государством и нацией, сильную эмоциональную нагрузку, что формирует и укрепляет их национальную идентичность.

Национально-государственное строительство в современном Казахстане осуществляется по формуле, которую Э. Смит определил как «нация на основе доминирующего этноса». Его концепция «этнического ядра» описывает ситуацию, в которой социальные идентичности и солидарности, как в традиционных, так и в современных обществах, выстраиваются «вокруг доминирующего этноса, который притягивает другие этносы или их фрагменты в государство, которому он дает свое имя и культурные основания». На основе этой схемы Казахстан стремится соединить в своем национальном строительстве этнические и гражданские принципы, осуществить синтез этнической и гражданской нации. При этом для этнических групп полиэтнического общества крайне важно, чтобы нация определялась не в этнокультурных терминах, а как гражданское сообщество равных этносов. Это означает, что в полиэтническом обществе граждане должны определять свою национальную идентичность по названию государства и его институтам, а не по этносу и родовой принадлежности.

Таким образом, по сути, концепция идентичности в Республике Казахстан, рассматриваемая в современном историческом и политическом дискурсе, является конструктивистской.

Однако с пониманием конструктивизма, далеко не все очевидно. Эмоционально, в дискуссиях, которые ведутся в молодежной студенческой среде, часто превалирует примордиализм. Такое положение вещей вполне объяснимо – ведь национальная идентичность связана с определенной идентификационной матрицей, включающей социальные и культурные основания. Апелляция к историческим событиям естественна, ведь прошлое является одним из главных оснований политической легитимности государств, которые обращаются к событиям прошлого или воспоминаниям о нем. И данное явление характерно не только для Казахстана, но и

для других постсоветских государств. В то же время с точки зрения конструктивизма нация должна быть одна, независимо от ее полиэтнических составляющих. Государство, нация и территория во многом воспринимаются как синонимы. Поэтому понятие нации охватывает все население страны, независимо от этнической принадлежности граждан. А вот этничность – это составная часть единой нации.

В связи с чем, особый интерес представляет формирование национальной идентичности студенческой молодежи. Ведь именно она будет во многом определять процессы (в том числе, национальную идентичность) в обозримом будущем. И то, чему студенты обучаются, вводит их в культуру определённого типа, а не только формирует некие профессиональные навыки. То есть, государство, прежде всего, заинтересовано в унификации обучения всех своих граждан для того, чтобы сформировать национальную идентичность.

Из сказанного можно понять, почему такие предметы как «Политология» и «Социология» столь важны как для государства, так и для его граждан. И это вновь актуализирует тему преподавания социально-гуманитарных дисциплин в вузах.

Проблемы национальной идентичности рассматриваются в курсах «Политология» и «Социология». Однако, отнюдь не праздный вопрос: есть ли последовательность, преемственность, системность? Анализ программ обнаруживает очевидные недостатки.

Как известно, преподавание по дисциплине «Политология» и «Социология», ведется во всех вузах в соответствии с ГОСО, типовыми учебными планами и программами, является обязательной дисциплиной. Казалось бы, все нормально. Но, при этом, особо следует отметить, что с 2019-2020 учебного года их объем, к сожалению, уменьшился до 2 кредитов ECTS. На наш взгляд, при оставленном количестве кредитов (и часов), которые отводятся на изучение большинства СГД, знать даже их основы невозможно! Тем более, они не могут осваиваться системно. И в содержании типовых программ системность не просматривается. Вопросы национальной идентичности фрагментарно разбросаны по темам. И не дают цельного представления о предмете.

Данные предметы в результате, фактически оказывается «в загоне», особенно в негуманитарных вузах. Соответственно, утрачивается способность адекватно оценивать ситуацию, теряются многие ценности и социальные нормы поведения. К сожалению, в технических вузах гуманитарная составляющая образования обычно понимается как необходимая уступка требованиям госстандарта или формальное стремление следовать принципам гуманитаризации инженерной подготовки. Академическая свобода вуза понимается однозначно – как увеличение количества часов на спецдисциплины и глобальное сокращение «непрофильных» курсов.

Одними из главных дисциплин цикла СГД в техническом вузе являются взаимосвязанные и взаимодополняющие друг друга политология и социология. Политологические и социологические знания позволяют определить систему взаимодействия социальных и политических субъектов и их место в конкретном сообществе, перспективы изменений и влияние последних на формирование типа личности, национальной идентичности и многое другое.

И раз мы говорим об академической свободе вузов, то уместно говорить о новом содержании учебных курсов, которые создадут конкурентное преимущество, в том числе и на рынке труда. Курсы политологии и социологии в техническом вузе должны иметь для инженеров конкретную направленность. Ведь способность конкурировать на рынке труда определяется не только уровнем конкретных профессиональных знаний, но и способностью анализировать и использовать информацию, работая в команде. В каждом техническом вузе есть сфера приложения политических и социологических знаний. Студенты-программисты, например, могут составлять вероятностные компьютерные и математические модели событий и прогнозы, что представителям других специальностей недоступно; студенты-менеджеры и маркетологи могут рассчитать стоимость избирательной кампании или создание политической партии, а также эффективность применяемых технологий. Но, чтобы реализовать это в учебном курсе, необходимо увеличение количества кредитов на изучение дисциплины.

Это, скажем так, «техническая» проблема, а есть и содержательная: усиливается фрагментация общества, когда у разных

социальных, политических, демографических, этнических, религиозных и прочих групп существует представление о «своем Казахстане».

Опасность представляет то, что разрыв между этими группами существенно увеличивается, а это в перспективе может заложить основу для серьезных конфликтов. Отсутствие казахстанской мечты привело к тому, что страна, особенно в представлениях молодежи, делится на большое количество «маленьких Казахстанов». Социологические опросы показывают: кто-то считает, что страна должна быть моноэтнической, кто-то говорит о религиозном государстве, кто-то – о демократическом. Во взрослую жизнь уже вступило поколение, которое не видело действенной объединительной идеи, за это в большей мере ответственность лежит на системе образования. Есть некоторая потеря идентичности, несогласованность вопроса о том, какой ей быть? Что есть «мое» государство?

В регионах идут активные процессы этнического и межкультурного взаимодействия и взаимовлияния, связанные с приграничным сотрудничеством. В этих условиях важнейшей становится проблема идентичности, как на индивидуальном, так и на социальном, этническом, религиозном и национальном уровнях. Именно формирование идентичности может способствовать предотвращению ряда конфликтов, возникающих на почве непонимания иной культурной традиции. Цель преподавания СГД заключается в последовательном усвоении знаний проблемного поля идентичности, а также в том, чтобы продемонстрировать возможности позитивной совместимости процессов этнической и гражданской идентификации, способствовать расширению политологического и общегуманитарного кругозора студентов за счет использования концепций и навыков из области социальной/культурной антропологии и социологии.

На наш взгляд процесс формирования идентичности имеет не однонаправленный характер «сверху», он включает в качестве активного субъекта отдельного человека или небольшие группы людей, в поведении и сознании которых только и может проявиться эффективность вырабатываемых властями технологий (большая разница по регионам). Здесь, большой простор для инициативы

в формировании учебных курсов, которые могут включать региональные исследования данной проблематики.

Изучение комплекса технологий формирования идентичности было бы наиболее продуктивным одновременно с двух точек зрения – изучения комплекса государственных мероприятий, прямо или косвенно направленных на формирование идентичности – в курсе «политология», и анализа локальных измерений принятия/непринятия данных действий власти, усвоения и творческой переработки «снизу» политики элит – в курсе «социология».

При формировании «soft skills», следует иметь ввиду, что понимание человеком собственной этнической идентичности не статично, под влиянием государственной политики и личных обстоятельств, жизненные ориентиры, ценности, стратегии отдельных людей могут претерпевать значительные изменения. Основная сложность для молодого человека заключается в том, что примордиалистское мышление в отношении этничности другого и конструктивистское осмысление собственной этнической принадлежности приводят к конфликту внутри отдельного человека и создают напряжённые ситуации в обществе в целом, затрудняя формирование консолидирующей идентичности.

Для понимания студентами всех этих сложных вопросов без полноценных курсов СГД не обойтись! Образовательные программы призваны обеспечить интеграцию граждан «поверх» этнических, религиозных, языковых и других границ, чтобы общество разделяло общие ценности, идеи, представляло бы собой общую идентичность. Сейчас в программе сокращается часовое наполнение кредитов на СГД, их необходимо увеличить.

Возможно, более целесообразно перераспределить кредиты в пользу политологии и социологии на изучение национальной идентичности, формирование новых политических институтов, их правовое обеспечение, политические технологии, информационное воздействие, влияние миграции на социум, электорального цикла и т.д., что является «вторым этажом» над школьными курсами (не повторяет их) и жизненно необходимо молодым гражданам государства.

Масалимова А.Р.

ЖИЗНЬ, ПОСВЯЩЕННАЯ НАУКЕ

Приветствую всех участников международной научно-практической конференции «Национальное строительство и этнополитика в постсоветском Казахстане», посвященной 70-летию доктора философских наук, профессора Кадыржанова Рустема Казахбаевича. В самом названии сегодняшней конференции отражается сложность и злободневность ситуации, связанной с реалиями времени, с нациестроительством и этнополитическими аспектами жизни нашей страны. Этими проблемами давно и серьезно занимается Рустем Казахбаевич.

От имени факультета философии и политологии КазНУ им. аль-Фараби поздравляем Вас с юбилеем! День рождения – не просто праздник, это повод задуматься о пройденном жизненном пути и наметить очередные планы на будущее, на новые вершины, которые предстоит покорить.

Кадыржанов Рустем Казахбаевич родился 18 июля 1950 года в г. Караганда. После окончания средней школы он поступил в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, потом перевелся Казахский государственный университет им. С.М. Кирова на механико-математический факультете, где получил диплом о высшем образовании и затем учился в очной аспирантуре.

В 1983 г. Рустем Казахбаевич защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Диалектика исторического и логического в определении предмета науки», а в 1992 г. – докторскую тему: «Социально-культурная природа математического познания» в диссертационном совете по философским наукам при Институте философии и права АН Казахской ССР по специальности 09.00.08 – философские вопросы естествознания.

В 1998 г. получил ученое звание профессора.

Вся трудовая деятельность Рустема Казахбаевича связана с Академией наук Казахстана, он начинал с должности младшего научного сотрудника Института философии и права АН КазССР, затем был старшим и ведущим научным сотрудником, потом стал

заведующим отделом. В разные годы Рустем Казахбаевич возглавлял отдел политологии и этносоциологии, отдел теоретической и прикладной политологии, отдел по изучению национальных процессов и этнополитики Казахстана Института философии и политологии МОН РК.

В настоящее время Рустем Казахбаевич – главный научный сотрудник, заведующий сектором этнополитических исследований отдела политологии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК

Рустем Казахбаевич – многосторонний и энциклопедически образованный человек, имея базовое естественнонаучное образование, он занимался изучением политических систем и элит, вопросами национальной безопасности, и основная сфера научных исследований постепенно сформировалась – ею стала национальная политика независимого Казахстана.

Рустем Кадыржанов является признанным научным сообществом специалистом и экспертом по вопросам национальной идентичности, этнополитики и межэтнических отношений, руководителем ряда научно-исследовательских проектов и автор множества книг и статей по этим вопросам. Среди публикаций Рустема Казахбаевича – четыре индивидуальные монографии, он является соавтором 15 коллективных монографий. В числе публикаций Рустема Казахбаевича учебное пособие-хрестоматия «Децентрализация государственного управления в различных регионах мира» (на английском языке), более 150 научных статей, изданных в США, Германии, Великобритании, России и других странах и множество статей публицистического характера.

Мы живем в очень непростое время для нашей страны и всего мира, период пандемии затягивается, обостряются все экономические, социальные, политические, этические проблемы. Многие годы Рустем Казахбаевич занимается поиском оптимальных путей разрешения противоречий этнической и гражданской идентичности как одной из ведущих социально-политических задач постсоветского государства, касающихся непосредственно каждого гражданина Казахстана. Смысл и цель решения этой дилеммы состоит в том, чтобы, с одной стороны, сохранить и укрепить титульное

лицо своего национального государства, а с другой стороны – формировать и поддерживать гражданскую идентичность с целью предотвращения межэтнических конфликтов и укрепления межэтнической стабильности.

В обществе не прекращаются споры о том, как всем нашим гражданам правильно называться – казахстанцами или казахами, независимо от этнической принадлежности. Вопрос встал в повестку дня с момента обретения нашей страной независимости. Какая идентичность нам нужна – казахстанская или все-таки казахская? Дискуссии не прекращаются, а наоборот, принимают еще более острый характер. Рустем Казахбаевич последовательно отстаивает свою позицию по данному вопросу. В своих научных публикациях, он пишет о том, что с советских времен принято понятие нации соотносить с понятием этнос, то есть говорить, например, о нации казахов, узбеков, русских. Поэтому смысл нации раньше во многом понимался этническим. В то же время с точки зрения науки и мировой практики нация должна быть одна, независимо от ее полиэтнических составляющих. Государство, нация и территория во многом воспринимаются как синонимы. Следовательно, понятие нации охватывает все население страны, независимо от этнической принадлежности граждан. А вот этничность – это составная часть единой нации.

Единую нацию правильно называть казахстанской, ведь под понятием «казахи» мы подразумеваем этнический смысл. В полиэтническом смысле мы все – казахстанцы. Однако это понятие еще недостаточно утвердилось, хотя и довольно часто употребляется в официальном плане.

Рустем Казахбаевич убежден, что для этнических групп полиэтнического общества важно, чтобы нация определялась не в этнокультурных терминах, а как гражданское сообщество равных во всех отношениях этносов. Это означает, что в полиэтническом обществе граждане определяют свою национальную идентичность по названию государства и его институтам, а не по этносу.

Рустем Казахбаевич – настоящий ученый-исследователь. А быть ученым – значит быть терпеливым, вдумчивым человеком, обладающим невероятным запасом знаний, эрудиции, терпения,

умением анализировать и сопоставлять. Быть ученым – значит не принадлежать себе, потому что наука требует огромных затрат времени и сил. Быть ученым – значит понимать, что твой труд важен, необходим, и только от тебя зависит результат.

В активе Рустема Казахбаевича участие в международных конгрессах и симпозиумах, конференциях разного уровня, включая Всемирные философские конгрессы. Он является стипендиатом программы регионального академического обмена Института Кеннана (Международный научный центр им. В.Вильсона, г. Вашингтон), программы Фулбрайт (Университет Индианы, г. Блумингтон), Германской службы академического обмена (Институт международных проблем безопасности) и Гумбольдт университета, г. Берлин.

Рустем Казахбаевич имеет государственные и ведомственные награды, такие как медаль «20 лет Независимости Республики Казахстан», нагрудный знак Министерства образования и науки Республики Казахстан «За вклад в развитие науки Республики Казахстан», государственную научную стипендию для учёных и специалистов, внесших выдающийся вклад в развитие науки и многочисленные Почетные грамоты МОН РК и НАН РК.

В совершенстве владея казахским, английским и русским языками, Рустем Казахбаевич занимается и преподавательской деятельностью в ведущих вузах нашего города. В одном из своих интервью, Рустем Казахбаевич отмечал, что важной объединяющей ценностью сегодня является предоставление хорошего образования казахстанской молодежи. Образование имеет важное значение, ведь именно через знания люди смогут включаться в мировую систему глобализации, реализовывать себя и способствовать развитию Казахстана. Им подготовлено 11 кандидатов наук по политическим наукам.

Рустем Казахбаевич – человек, который с огромной душой и профессионализмом подходит к своему делу. Желаем, чтобы Ваши личностные качества, Ваши высокие принципы и жизненные ценности всегда были несомненным авторитетом для Ваших учеников. Желаем, чтобы каждый из них видел в Вас не просто уважаемого ученого и педагога, но и хорошего друга. Пусть работа приносит не просто удовлетворение, но и ежедневное счастье от общения с учениками, с которыми он щедро делится знаниями и опытом.

Рустем Казахбаевич успешно занимается и общественной работой, он является членом редколлегии журнала «Аль-Фараби» ИФиП МОН РК; членом научно-экспертной группы Ассамблеи народа Казахстана г. Алматы. Он являлся членом рабочей группы по подготовке Госпрограммы развития языков на 2020–2024 гг.

Рустем Казахбаевич также выполняет обязанности заместителя Председателя диссертационного совета по политическим наукам в ИФиП МОН РК.

В своих научных трудах Рустем Казахбаевич ищет оптимальные пути решения вопроса, который не теряет своей актуальности с начала образования независимого Казахстана – как добиться того, чтобы наше полиэтничное общество сделать единой нацией на основе идей, ценностей, объединяющих все этнические группы.

Национально-государственное строительство в современном Казахстане осуществляется по формуле, которую ученый Энтони Смит определил как «нация на основе доминирующего этноса». Его концепция «этнического ядра» или «доминирующего этноса» описывает ситуацию, в которой социальные идентичности и солидарности, как в традиционных, так и в современных обществах, выстраиваются «вокруг доминирующего этноса, который притягивает другие этносы или их фрагменты в государство, которому он дает свое имя и культурные основания». Полностью разделяя данную позицию, Рустем Казахбаевич продолжает свою научно-исследовательскую работу в настоящее время.

Рустем Казахбаевич нашел главный путь к успеху – любить свое дело и получать большое удовольствие от достигнутого.

Сегодня от всей души хотим пожелать Вам новых творческих идей, широких возможностей и перспективных проектов, свободных полётов интеллекта, полезных идей и креативных новшеств, осуществления всех замыслов.

Вы очень многое сделали для науки, а Ваши труды являются бесценным вкладом в развитие казахстанского общества. Мы верим, что еще долгие годы Вы будете радовать нас новыми открытиями, смелыми решениями и интересными работами!

Искренне желаем Вам огромных успехов, добра и семейного благополучия!

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ ТАТАР АКМОЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ

Получение независимости Республикой Казахстан ознаменовало новый этап в жизни татар Акмолинской области. Татарский язык в начале 1990-ых годов стал появляться в местных СМИ: уроки татарского языка можно было услышать на кокшетауском радио, в кокшетауской газете «Окжетпес» начинает выходить рубрика «Изучаем татарский язык».

Стали вестись факультативы по татарскому языку в детских садах («Айголек» (Кокшетау), «Колосок» (Имантау), а также в средних образовательных учреждениях (средняя школа №2 и №11 в г. Кокшетау; средняя школа №1 в с. Красный Яр)

Однако в скором времени обучение в них в силу разных причин, в том числе и финансовых, прекратилось.

Татарский язык в Акмолинской области в настоящее время изучается в воскресной школе при татарском центре в Кокшетау. На уроках в воскресной школе изучаются также традиционные обряды народа, например, бэби туе (пир по случаю рождения ребенка).

Некоторое время при татарском культурном центре в Кокшетау велись уроки и по изучению основ ислама. В период суверенного Казахстана большую известность приобрел ансамбль «Галиябану», выступающий как в городах республики, так и за его пределами. Кокшетауский татарский ансамбль побывал с выступлениями в Атбасаре, Астане, Петропавловске, Омске, Темиртау, Уральске, Щучинске. В репертуаре ансамбля появились казахские, русские, украинские, башкирские народные песни и песни современных композиторов.

К 2000 году в коллективе насчитывалось около 50 человек в возрасте от 7 до 70 лет. В 2016 году ансамбль «Галиябану» под его руководством получил диплом лауреата первой степени в номинации вокальный жанр на XVII Международном фестивале–конкурсе татарского искусства «Көзге Иртыш моннары» в городе Семее (Казахстан).

Позже появились молодёжные ансамбли «Яшьлек» и «Йолдыз». Сейчас при ансамбле «Яшьлек» работают две возрастные группы (первая – дети от 6 до 12 лет, вторая – дети от 13 до 17 лет).

Татарский культурный центр в Кокшетау проводит множество культурных мероприятий: «Каз байраме» (впервые прошел в 2003 году), «Чак-чак байраме» (впервые прошел в 2015 году), конкурс «Татарочки-кулинарочки», литературно-музыкальный вечер, посвященный 110-летию татарского композитора Латифа Хамиди, встречи «Душлашу», декады татарского кино, вечера знакомств татарской молодежи «Очрашу киче» и другие мероприятия.

С 2002 года в Кокшетау при поддержке Акмолинской ассамблеи народа Казахстана, областного управления внутренней политики, акимата города, городского отдела культуры и развития языков, а также спонсоров ежегодно проводится праздник «Сабантуй».

В рамках Сабантуя проходит конкурс «Сабантуй йолдызы», где юные активистки этнокультурного объединения не только дефилируют на сцене в элегантных вечерних платьях, но и демонстрируют знание языка, традиций, песен и танцев татарского народа.

С 2008 года проходит ежегодный фестиваль татарской культуры «Мин яратам сине, Кокшетау» (организатор – журналист Ринат Дусумов). На нем талантливая молодежь исполняет песни о родном крае на разных языках, включая татарский, представляют национальные танцы и традиции.

В 2011 году был впервые в области проведен детский Сабантуй в селе Красный Яр. От взрослого он отличался тем, что действующие лица праздника были в основном дети: артисты, участники состязаний, зрители.

При центре татарской культуры в Кокшетау активно действует молодежное крыло. Им был проведен музыкально-поэтический вечер в честь выдающегося татарского поэта Г. Тукая, встреча с ветеранами ВОВ и целый ряд других мероприятий. На базе молодежного крыла Кокшетауского центра татарской культуры был создан театрально-экспериментальный коллектив «Осознание». 31 января 2016 года коллектив поставил спектакль «С Новым годом, Лешаки!» по пьесе М. Каришнева-Лубоцкого.

Татарские культурные центры функционируют и в других населенных пунктах Акмолинской области.

В 2005 году появился татарский культурный центр в Щучинске. В период с 2005 по 2014 год татарскими культурными центрами Кокшетау и Щучинск проведено множество совместных культурных мероприятий. Одним из самых знаменательных событий стал праздничный концерт, состоявшийся 1 июня 2014 года в Щучинске.

5 мая 2007 года был создан татаро-башкирский культурный центр «Якташлар» и в городе Атбасаре

Татаро-башкирский культурный центр «Якташлар» неоднократно принимал участие в проведении «Сабантуя» в Кокшетау, готовил «Уголок татарской кухни» на городских праздниках. При центре был организован детский татарский ансамбль «Ляйсан».

Степногорский центр «Юлдаш» был официально зарегистрирован в июне 2017 года как филиал Кокшетауского центра татарской культуры. Существовал он с 2004 года. В 2016 году в Степногорске татарскими активистами был проведен Сабантуй, ставятся концертные программы на различные республиканские и городские праздники.

Важным культурным мероприятием последнего времени в Акмолинской области стала презентация сайта, посвященного творчеству кокшетауского татарского писателя Ибрагима Салахова, которая состоялась 20 марта 2017 года в Астане. Мероприятие открыл документальный фильм кокшетауского журналиста Ларисы Аитовой о Салахове «Забвению не подлежит», в основу которого вошли архивные фото и интервью автора с писателем, записанное двадцать лет назад к его 85-летию. Книгу и фильм «Забвению не подлежит» разместили на сайте salakhov.kz, на котором представлены биография писателя, его основные произведения, фото и видео из архивов семьи Салаховых, общественного деятеля Фарука Богапова, Кокшетауского центра татарской культуры и открытых источников.

Итак, этнокультурное возрождение татар Акмолинской области сопровождалось образованием в городах культурных центров, преподаванием татарского языка в воскресных школах, появлением национальных ансамблей. Большую роль в данном процессе сыграли местные активисты, Ассамблея народа Республики Казахстан, государственные органы власти.

ҰЛТТЫҚ БІРЕГЕЙЛІКТІ ҚАЛЫПТАСТЫРУДАҒЫ ДІН ЖӘНЕ ҰЛТШЫЛДЫҚ АРА-ҚАТЫНАСЫ

Ұлттық құрылыс, ұлтшылдықты зерттеу саласындағы дін мен ұлтшылдық арасындағы қарым-қатынас ең аз зерттелген немесе ескерілмеген тақырыптардың бірі екендігі белгілі (Губернау және Хатчинсон 2001; Рекехо және Юрген-Нагель 2015; Риффер 2003, Лиоу 2016). Бұл негізінен дін рационализация процестерінің дамуының нәтижесінде бірте-бірте қоғамдық өмірден шеттетіліп немесе ұлтшылдықпен алмастырылады деген модернизация және секуляризация теорияларына байланысты болды. Алайда соңғы онжылдықтарда діндердің қоғамдық өмірге қайта оралуы және «әлемнің көптеген бөліктеріндегі ұлтшылдыққа қарсы исламдық қозғалыстардың, ұлтшылдықпен қазіргі заман арасындағы қатынасты қайта қарастыруға мәжбүр етті» (Губернау & Хатчинсон, 2001). Жалпы, дін мен ұлтшылдықтың өзара байланысына жүйелі түрде шолу жасау, олардың арасындағы бірқатар сәйкестіктерді ашды. Мысалы, Хейс (1926) ұлтшылдықты дін ретінде сипаттап, олардың арасындағы ұқсастықтарды көрсетті. Хейстің пікірінше, ұлтшылдық дін сияқты «терең және әсерлі эмоцияны» туғызады, екеуі де сыртқы (мәңгілік) күшке деген сенімді көрсетеді:

«Ұлтшылдық, кез-келген дін сияқты, алдыңғы қатарға ерікті ғана емес, ақыл-ойды, қиял мен эмоцияны шақырады Сонымен бірге кез-келген дін сияқты ұлтшылдықтың табиғаты әлеуметтен бастау алады, ал оның басты әдет-ғұрыптары – құтқарылу жолындағы қоғамдық рәсімдер». (Хейс, 1960).

Энтони Д. Смит (1999) дін мен ұлтшылдық арасындағы параллельдерге назар аударып, екі құбылыстың «сенімдер мен тәжірибелер жүйесін» және «оның жақтастарын біртұтас моральдық қоғамдастыққа біріктіруді» бойынша функционалдық ұқсастықтарын атап өтті (Смит, 2003).

Бенедикт Андерсон діни (христиан әлемі, исламдық умма, буддистік әлем) қауымдастықтарды, сондай-ақ ұлттық қауымдастықты оның мүшелері бөлісетін қасиетті символизмнің

маңыздылығына сенетін «қиялдағы қауымдастық» деп санады (Андерсон, 1983).

Ван Дер Бир және Леман Андерсонның әсерлі туындыларындағы аналитикалық құралдарға сүйене отырып, «оның ұлт пен діни қауымдастықты ойдан шығарылған құрылым ретінде талдау әдеттегідей болды» деп атап өтті. «Олар әлеуметтік қиялдың мәдени өнімдері ретінде талданды» және қазіргі заманғы қозғалыстардағы олардың әлеуметтік күштеріне мысал келтірді.

Гросби ұлт пен дінді «адамның танымы мен іс-әрекетін, әрқайсысы бір-біріне сүйеніп, бір-біріне сіңіп кететін бұйрық беретін құрылымдар» деп сипаттады (Гросби 2001). Автор егер «осы дүниелік тіршіліктің маңызды құрылымдары (тегі, этносы және территориясы) діннің де элементтері болса», онда дін мен ұлттың жақындасуы болуы мүмкін дейді. Егер олар жоқ болса, онда дін мен ұлт арасында айтарлықтай шиеленіс болуы мүмкін (Гросби 2001) деп қорытады.

Лиоу «Оңтүстік-Шығыс Азиядағы дін және ұлтшылдық» атты еңбегінде дін мен ұлтшылдықтың абстрактілі формаларда ғана емес, сонымен қатар оларды белгілі бір мақсатта жұмылдыру үшін жүзеге асатын практикалық құралдар ретінде де қарастырады (2016). Лиоу 'дінді ілім және теология ретінде емес, тарихи, әлеуметтік және саяси контексттер шеңберіне енетін құбылыс ретінде түсініп, зерттеуді қажет ететін аналитикалық тұжырымдама ретінде қарастыруды ұсынады. Себебі, ол түсіндіргендей, 'дін, ұлтшылдық сияқты, ұлт тұжырымдамаларына негіз болатын мифтер, рәміздер, сенімдер жүйесі мен тілді ұсынады' (2016: 11).

Барбара-Энн Риффер (2003: 215-242) екі құбылыстың өзара байланысын жүйелі түрде талдап, олардың өзара әрекеттестігінің үш классификациясын ұсынады: діни ұлтшылдық, инструменталды тақуалық ұлтшылдық және зайырлы ұлтшылдық. Екі жағдайда да автор діннің ұлтшылдыққа әсер ету дәрежесін анықтады.

Кристофер Марш «адамзат тарихы бойында діннің ұлтшылдықпен қарым-қатынасы бәсекелес те, бір-бірін толықтыратын сипатқа да ие болды» деп атап өтті. «Ұлтшылдық көбінесе халықтың адалдығына ие болу үшін дінмен тікелей бәсекелестікке түсті, сондықтан ұлтшылдық кейде дінге қарсы

шабуылдар да жасады. Діннің ұлтшылдықпен қарым-қатынасы күрделі және тарих бойында олар оң және теріс жағынан да қолданылды.

Марк Юргенсмейер дін мен ұлтшылдықты идеология ретінде немесе одан әрі тәртіп идеологиясы ретінде қарастырғанды жөн көреді. «Діни және ұлтшылдық ойлау құрылымы әлемді келісілген, басқарылатын тәсілдермен түсінеді: екеуі де әлеуметтік және саяси тәртіпке оның өмір сүру себебін беретін билік береді» (Юргенсмейер 1993). Автор дін де, ұлтшылдық та тәртіп идеологиясы болғандықтан, «олар әлеуетті қарсыластар» дейді. (1993) Олардың екеуі де қоғамдағы тәртіптің кепілі рөлін талап ете алады: кез-келген адам әлеуметтік тәртіптің жоғары сатысы рөлін талап ете алады.

Роджер Брубэйкер (2012) дін мен ұлтшылдық арасындағы байланысты зерттеудің төрт түрлі әдісін ұсынды. Атап айтқанда:

- «дін мен ұлтшылдықты ұқсас құбылыс ретінде қарастыру.
- дінді ұлтшылдықтың себебі (түсіндірмесі) ретінде қарастыру.
- дінді ұлтшылдықтың бір бөлігі ретінде қарастыру;
- ұлтшылдықтың ерекше діни формасын қарастыру» (Брубэйкер 2012).

Жоғарыда аталған ғалымдар ұсынған дін мен ұлтшылдықтың өзара байланысын зерттеу әдістеріне сүйене отырып, біз Қазақстан Республикасындағы ұлт құрылысы аясынағы ислам мен ұлтшылдық арасындағы терең қайшылықтар пен шиеленістерді түсіндіреміз. Брубэйкер дін мен ұлтшылдықты ұқсас құбылыстар ретінде қарастырудың балама стратегиясын ұсынады. Атап айтқанда, ол екі құбылысты неғұрлым жалпы әлеуметтік құрылымдар мен процестермен байланыстырады және екеуін де сәйкестендіру әдісі, әлеуметтік ұйым және саяси талаптарды қалыптастыру тәсілі деп санайды (Brubaker 2012).

Кеңестік режимнің құлдырауы нәтижесінде бұрынғы одақтық республикаларда ұлттық және діни бірегейлігін қайта қарастыруға мүмкіндік туындады. Ұлтшылдық пен дін ұлттық бірегейлікті қалыптастыруда негізгі идеологиялық конструктілерге айналды. Ұлттық бірегейлікті сақтау және қайта жаңғыртуда басты актор мемлекет пен зиялы қауым түрлі ұлттық бағдарламалар

арқылы жүйелі саясат жүргізген болса, діни бірегейлікті қайта қалыптастыру қарама-қайшылықтарға толы үрдіс болды. Бұл әсіресе, исламдық институттардың толықтай жойылу және ғаламдық исламофобия шартында мұсылмандық бірегейлікті қалыптастыруға ұмтылған ортаазиялық мемлекеттер үшін өзекті болды.

Ұлттық және діни бірегейлікті қалыптастыру – академиялық, мәдени және саяси күн тәртібіндегі ең қызу талқыланған және әлі шешімін таппаған мәселелердің бірі. Бұрынғы одақтық мемлекеттер кеңестік кезеңнен алшақтап, кеңестік кезеңге дейінгі этноұлттық, сондай-ақ діни бірегейліктерін қайта құруға және дамытуға ұмтылды. Ұлттық бірегейлікті өзіндік этникалық құндылықтар арқылы қайта қалпына келтіру және нығайту, тіл саясатын қайта қарастыру, төл әдебиеттерді нығайту, тарихты қайта жазу және т.с.с. ұлт құрылысы аясындағы мемлекеттік саясат жүргізілді. Алайда, ұлттық және діни бірегейлікті қалыптастыру жаһандану үрдістерінің күшеюіне байланысты қайшылықтарға толы болды. Бұл проблема дәстүрлі исламдық институттар мен ілімдердің толықтай жойылу және саяси ислам мен халықаралық терроризмнің өршу жағдайында исламдық бірегейлікті қалыптастырып, оны ұлттық бірегейлікпен сәйкестендіруге талпыныс жасап жатқан Орталық Азия елдері үшін өзекті болып тұр.

Жаңа мұсылмандық бірегейлік көп жағдайда сыртқы ықпал мен дереккөздерге негізделген, бұл өз кезегінде мемлекеттік билік органдар, сондай-ақ ұлтшылдар тарапынан белгілі бір алаңдаушылық туғызады. Қазіргі таңда ұлттық салт-дәстүрлерді, құндылықтар мен әдет-ғұрыптарды терістейтін, неофунданменталды ислам қоғам қоғам тарапынан кеңінен сынға алынып, ұлт құрылысы аясынан тысқары шығарылып отыр.

Қазақстан Республикасы халқының басым бөлігі өздерін мұсылман деп бірегейлендіретін зайырлы мемлекет болып табылады. Тарихи тұрғыдан Ислам ұлттық бірегейліктің ұлттық-мәдени бөлігін үйлесімді түрде құрап келді. Дегенмен, дағдарыс пен ұлттық және діни бірегейлікті қайта ұғыну, трансұлттық Ислам мен ислам ілімі дамуының жаһанды үрдістері тек Қазақстанның ғана емес, ал күллі посткеңестік кеңістіктегі мұсылмандардың жаңа діни

бірегейлігін қалыптастыруға өз түзетулері мен өзгерістерін енгізді. Тәуелсіздік жылдары ішінде діндарлықтың сандық өзгерістері сапалы түріне ауысып, Ислам ұлттық бірегейліктің мәдени бөлігі ғана болып қоймай, мұсылмандардың жеке және қоғамдық өмірінің барлық салаларын белгілі ережелерге бағындырған идеологиялық құрылымға айналды.

Қазіргі қазақстандық қоғамның ғасырлық дәстүрлі және жалпыұлттық құндылықтарын мойындамайтын, оларды жоққа шығаратын жаңа әлеуметтік мұсылмандар санаты пайда болды. Нақтырақ айтқанда, «жаңа мұсылмандардың» маргиналдандуы мен окшаулануы, Ислам заңдарына сәйкес келмейтін ұлттық заңдарды мойындап, орындаудан бас тарту, діни және зайырлық құндылықтардың қақтығысы, ұлттық және ислам құндылықтарының қақтығысы, діни сананың радикалдандуы, вакцина егуден бас тарту, сауд және бірқатар ультраконсервативті мұсылман қоғамдарының дәстүрлері негізінде әйелдердің никаб кию үрдістерінің күшеюі, қоғамдық ережелерді сақтаудан бас тарту сияқты жайттарды мысал ретінде келтіруге болады. Осының барлығы ұлттық бірлесудің мемлекеттік саясаты үшін белгілі бір кедергілер мен қиыншылықтар тудырып, жалпықазақстандық патриотизмнің қалыптасуына тосқауыл жасап, мұсылман конфессиясының өзара ыдырауына және қоғамда ислам фобиясының күшеюіне септігін тигізіп отыр.

Ұлттық бірегейлік қандай болу керек, ол негізінен қандай құндылықтарға сүйену керек деген сұрақ кез келген ұлттың қоғамдық-саяси күнтізбесіндегі өзекті мәселелердің бірі. Ал ұлтшылдық пен дін ұлттық бірегейлікті анықтаудағы маңызды идеологиялық компоненттердің бірі болып табылады, сол себептен екі идеологиялық конструктілер арасындағы қайшылықты зерттеу, шешу ұлттың болашақ бағыт-бағдарын, қауіпсіздік мәселелерін шешуде маңызды орын алады.

Әдебиеттер

- Anderson, B. (1983) *Imagined Communities*. London: Verso. 12-19.
Brubaker R. 2012. 'Religion and Nationalism: Four approaches'. *Nations and Nationalisms*. 18, 1: 2-20.

Embree A.T. 1990. *'Utopias in Conflict: Religion and Nationalism'*. Berkeley, Los-Angeles: University of California Press.

Grosby S. 2001. 'Nationality and Religion' in *Understanding Nationalism*. (eds) Guibernau M. and Hutchinson J. Malden, MA: Blackwell Publishers Inc.

Guibernau M. and Hutchinson J (eds). 2001. *Understanding Nationalism*. Malden, MA: Blackwell Publishers Inc.

Hastings A. 1997. *'The construction of Nationhood: Ethnicity, religion and nationalism'*. Cambridge University Press.

Hayes C. J. H. 1960. *'Nationalism. A Religion'*. New York: Macmillan. 164-5.

Hutchinson, John. 1999. "Re-Interpreting Cultural Nationalism." *Australian Journal of Politics and History* 45 (3): 392–407.

Liow J. Ch. 2011. *'Religion and Nationalism in Southeast Asia'*. Cambridge University Press, UK: Clays, St Ives.

Малашенко А. 1998. Исламское возрождение в современной России. Москва: Московский Центр Карнеги.

Marsh C. 'Religion and nationalism'. *Nations and Nationalism: volume i (1770–1880)*. 99-110.

'Politics of Religion and Nationalism, Federalism, consociationalism and secession'. 2015. Eds. Ferran Requejo and Klaus Jurgen-Nagel. New York, NY: Routledge.

Rieffer, B. J. 2003. 'Religion and Nationalism: Understanding the consequences of a complex relationship'. *Ethnicities* 3, 2: 215-242.

Smith A.D. 1999. 'Ethnic election and national destiny. Some religious origins of nationalist ideals'. *Nations and Nationalisms*. 5, 3 : 331-55.

Smith A.D. 2003. 'Chosen People'. Oxford: Oxford University Press.

Van Der Veer P and Harmut Lehman. 1999. 'Introduction' in *Nation and Religion. Perspectives on Europe and Asia*. (eds) Peter Van Der Veer and Harmut Lehman. Princeton University Press.

Нургалиева М.М.

**Моему научному руководителю,
Рустему Казахбаевичу Кадыржанову**

Уважаемый Рустем Казахбаевич, от всей души поздравляю Вас с Юбилеем!

Всегда с большой теплотой вспоминаю, как впервые пришла в Институт философии и политологии КН МОН РК (тогда он еще назывался так) и попала в Ваш отдел. Научная жизнь в нашем отделе всегда «кипела»: регулярно проходили лекции, семинары, обсуждения и Вы всегда делились с нами своим опытом, знаниями, знакомили с современными научными подходами. У нас всегда царила особая дружеская и интеллектуальная атмосфера.

Не перестану Вас благодарить за научное руководство в период подготовки кандидатской диссертации! Вы всегда очень тщательно формулируете темы выступлений, статей, конференций и именно также внимательно Вы подошли к теме моей диссертации. А потом на протяжении всего периода аспирантуры постоянно учили, мотивировали, направляли нас. Именно Вы сыграли важную, значимую роль в моем становлении как эксперта, политолога. Благодарю от всего сердца!

Вы – классический образец Профессора, который всегда стремится к расширению горизонтов, совершенствуется сам и помогает развиваться окружающим! Ваш вклад в развитие отечественной науки – неоценим! Ваши авторские труды всегда посвящены актуальным вопросам национальной идентичности, этнополитики и этносимволизма, межэтнических отношений.

Примите мои самые искренние поздравления и пожелания крепкого здоровья и хорошего иммунитета, семейного благополучия, счастья, новых научных достижений и побед!

С Уважением,
Ваша ученица Мадина Нургалиева

РАЗВИТИЕ СФЕРЫ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В КАЗАХСТАНЕ

Современное состояние развития межэтнических отношений в Республике Казахстан обусловлено историческими, миграционными, демографическими, информационными, социальными, экономическими и политическими процессами.

За годы независимости Казахстан выработал собственную модель межэтнических отношений, обеспечил условия для сохранения и развития культур, традиций и языков казахстанских этносов, сформировал фундаментальные основы для укрепления и развития казахстанской идентичности и интеграции общества. Государством созданы условия и оказывается всесторонняя поддержка для развития традиций, языков и культуры народа Казахстана. Каждая этническая группа, проживающая в стране, имеет право образовывать свои этнокультурные объединения, которые способствуют возрождению и развитию языков, культуры, традиций, обычаев этнических групп.

Казахстанская модель общественного согласия и общенационального единства признается как одна из наиболее успешных Организацией Объединенных наций.

Основные нормативно-институциональные моменты, связанные с укреплением межэтнического согласия, следующие:

✓ в 1995 году указом Первого Президента Республики Казахстан был создан консультативно-совещательный орган – Ассамблея народа Казахстана;

✓ в 2002 году была принята и утверждена Стратегия Ассамблеи народа Казахстана;

✓ в 2006 – 2008 годах реализована Программа совершенствования казахстанской модели межэтнического и межконфессионального согласия. Согласно поправок в Конституцию РК в 2007 г. Ассамблея народа Казахстана получила конституционный статус и право избрать в Мажилис Парламента 9 депутатов;

✓ в 2008 году принят Закон РК «Об Ассамблее народа Казахстана»;

✓ в 2014 году было создано республиканское государственное учреждение «Қоғамдық келісім» при Президенте Республики Казахстан как исполнительного органа Ассамблеи. На региональ-

ном уровне созданы коммунальные государственные учреждения «Қоғамдық келісім» при аппаратах акимов областей. Постановлением Правительства была принята Концепция развития Домов дружбы Ассамблеи народа Казахстана;

✓ в 2018 году принят Закон Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Казахстан «Об Ассамблее народа Казахстана», направленный на дальнейшее совершенствование деятельности Ассамблеи;

✓ в 2019 году утверждены Концепция развития Ассамблеи (до 2025 года) и План мероприятий по реализации Концепции развития Ассамблеи народа Казахстана (до 2025 года) на 2019 – 2021 годы. В структуре Министерства информации и общественного развития РК создан и функционирует Департамент развития межэтнических отношений;

✓ в Мажилис Парламента от Ассамблеи народа Казахстана входят 9 депутатов.

Как показывает мировой опыт в основе межэтнического согласия и гражданской идентичности лежит участие всех этносов в общественно-политической жизни и их вклад в развитие государства. На практике большинство стран стремится поддерживать условия для участия этнических групп в политической жизни, путем их вовлечения в процессы принятия политических решений. Страны ОЭСР уделяют внимание созданию условий для расширения участия этнических меньшинств в работе местных представительных органов, особенно в местах компактного проживания этнических групп в определенных регионах.

Эффективным механизмом формирования гражданского единства и этносоциального взаимодействия признано вовлечение людей в решение широкого круга вопросов развития местного сообщества и социальной сферы. Приоритетными направлениями реализации гражданского единства являются социальная поддержка, образование и здравоохранение. Одним из инструментов укрепления гражданского единства является волонтерская работа. Высокий уровень вовлеченности граждан в волонтерское движение характерен для Великобритании, Германии, Голландии и Ирландии. В Республике Казахстан 2020 год является Годом Волонтера. Это совпадение стало в том числе эффективным инструментом поддержания межэтни-

ческого согласия в условиях самоизоляции в период ограничительных мер, связанных с пандемией коронавируса.

При разработке национальных моделей межэтнического взаимодействия государства ориентируются на международные стандарты: Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации (1965 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Декларацию ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам (1992 г.), Гаагские рекомендации о правах национальных меньшинств в области образования (1996 г.), Ословские рекомендации о языковых правах национальных меньшинств (1998 г.), Лундские рекомендации об эффективном участии национальных меньшинств в общественно-политической жизни (1999 г.), Большанские рекомендации о национальных меньшинствах в межгосударственных отношениях (2008 г.), Люблянские рекомендации по интеграции разнообразных обществ (2012 г.), Таллинские рекомендации по национальным меньшинствам и СМИ в цифровую эпоху (2019 г.).

По официальным данным на сегодняшний день в стране действует более 1000 этнокультурных объединений, из них 29 республиканских, в них работают около 200 воскресных школ при этнокультурных объединениях, где созданы условия для бесплатного обучения казахскому языку и родным языкам этносов. В воскресных школах действуют курсы по изучению казахского языка и изучению родных языков этносов. Кроме того, в Казахстане действуют 53 национальных печатных издания на 13 языках этносов Казахстана. Наиболее крупные этнические республиканские газеты – «Украински новини», «Дойче альгемайне цайтунг», «Коре ильбо», «Уйгур авази», «Ватан», «Ак барс», «Ahiska-Ахыска».

Государство принимает меры по совершенствованию законодательной и нормативной правовой базы, регулирующей общественные отношения в межэтнической сфере. Обзор законов и кодексов, затрагивающих сферу этнополитики, указывает на отсутствие каких-либо дискриминационных моментов.

Вместе с тем, современные реалии показывают, что сфера межэтнических отношений в Казахстане требует более пристального внимания и совершенствования государственной политики.

В настоящее время в сфере межэтнических отношений выделяется ряд тенденций, требующих принятия соответствующих мер.

Во-первых, актуализировался вопрос интеграции этнических групп как главной задачи государственной политики, связанный с изменением баланса этнических групп в структуре общества и их понимания места и роли в жизни страны. Повышение удельного веса казахского населения создает новую информационную среду. Пересечение казахоязычной и русскоязычной среды в пространстве доступа к социальным благам, принятию решений, участию в управлении вызывает у некоторых групп дискомфорт и может привести к росту ксенофобских настроений.

Во-вторых, сохраняется этнический маркер регионов страны, что создает границы для включения различных этнических групп в процессы интеграции. Сохраняются закрытые этнические сообщества по территориальному и культурному признаку, что ведет к их консервации и замкнутости в местах компактного проживания. Данные этнические сообщества обладают рядом специфических особенностей, включая культурно-языковую обособленность, высокую степень этнической солидарности и др. Кроме того, в данных районах наблюдается этносоциальное неравенство. Заместитель Председателя Ассамблеи народа Казахстана – заведующий Секретариатом АНК Ж. Туймебаев в статье «Межэтнические отношения не терпят шаблонов» о событиях в Кордайском районе отмечает, что *«очень важным моментом является экономическая специализация этноса, которая позволяет ему быть конкурентоспособным, формировать, если так можно выразиться, «экономический базис» этноса. Однако на практике это зачастую влечет монополизацию наиболее доходных отраслей экономики в местах компактного проживания этнических групп или, хуже того, создание предприятий на этнической основе (рестораны, гостиницы, СТО и другие предприятия малого и среднего бизнеса). И именно этот момент является одним из важных объективных основ формирования предпосылок конфликтов. С этим приходилось сталкиваться в Караганде, в Южно-Казахстанской, Алматинской областях, это имеет место и в Кордайском районе. Это влечет за собой множество последствий, самое главное из которых заключается в том, что на социальное неравенство накладывается этнический фактор. Очень часто мы сталкиваемся с тем,*

что владельцы предприятий являются представителями одного этноса, а наемными работниками выступают казахи».

Эти факторы формируют объективные предпосылки к систематическому перерастанию социальных и криминально-бытовых конфликтов в этническую плоскость. Имеют место социальные конфликты на языковой почве, в общественных местах, при получении услуг. На фоне повышения требований к знанию государственного языка и его повсеместного использования, изменения графики казахского языка с кириллицы на латиницу возникают вопросы культурного отчуждения между различными этническими группами. Актуальной задачей становится расширение сферы применения государственного языка, будущее превращение его в язык межнационального общения.

В-третьих, в последние годы эмиграционные процессы вовлекают в себя представителей всех этносов, прежде всего молодежь, ориентированную на получение образования и дальнейшее трудоустройство вне Казахстана.

В-четвертых, отсутствуют регулярные системные исследования на мониторинговой основе в межэтнической сфере. Это требует разработки методологии и системы оценивания ситуации в сфере межэтнических взаимоотношений.

В-пятых, в современных условиях развития страны востребована трансформация роли АНК. Выполнив свои первостепенные задачи – объединение представителей этносов страны в единую организацию, создание механизма неполитизации этнического вопроса, обеспечение согласия, единства и условий для сохранения культуры, языка, обычаев, традиций представителей этносов, проживающих в стране – в настоящий момент АНК не в полной мере включена в систему государственного планирования и не является самостоятельным уполномоченным государственным органом. Ее деятельность не охватывает все аспекты межэтнических отношений и политики интеграции – социально-экономические, образовательные, культурные, политико-правовые. Существующая система управления межэтническими процессами требует модернизации.

В-шестых, отмечается недостаточно эффективная работа центральных государственных и местных исполнительных органов в реализации задач по определению, информированию и своевременному реагированию на конфликтные ситуации, способные получить межэтническую окраску. Отсутствует четкий функционал государ-

ственных органов по реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений. Фиксируется слабое методическое обеспечение по работе с этносами, недостаточная работа местных исполнительных органов в местах компактного проживания этносов. Сохраняется недостаточный уровень координации работы государственных органов с институтами гражданского общества, общественными и религиозными объединениями, СМИ, организациями образования, культуры и спорта по вопросам дальнейшего развития и укрепления межэтнического согласия в обществе.

В-седьмых, новые тренды общественного взаимодействия формируются под влиянием динамичных изменений не только в демографической, языковой, информационной, социально-экономической сферах, но также особое воздействие оказывают процессы цифровизации и вопросы биотехнологической безопасности. Цифровые технологии привели к развитию нового вида идентичности надгосударственного (транснационального) уровня. В свою очередь, социальный опыт изоляции в период пандемии COVID-19, показал значение социальных связей, основанных на приоритете общественных гражданских начал.

Кроме того, фиксируется наличие двух языковых дискурсов в информационном пространстве, что влияет на формирование негативных этнических стереотипов и рост «языка вражды» в публичном пространстве, особенно социальных сетях и новых медиа.

В современных условиях важно недопустить политизации сферы межэтнических отношений. Это может создать условия для манипуляции этническим самосознанием в целях, не совместимых с Конституцией РК. Результатом таких манипуляций могут стать этническое отчуждение, ксенофобия и межэтнические конфликты.

Обозначенные тенденции актуализируют необходимость нового концептуального видения государственной политики в сфере межэтнических отношений.

В этих новых условиях необходимо четкое понимание и видение перспектив, целей и задач развития межэтнических отношений и процессов интеграции. «Образ будущего» межэтнических отношений представляется как эффективное взаимодействие всех граждан, основанное на принципах равенства, взаимоуважения, консолидирующего государственного языка, «единства в многообразии», инклюзивности и превенции конфликтов.

Омуралиев Н.А.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ «ГОСУДАРСТВООБРАЗУЮЩАЯ НАЦИЯ»

Необходимо отметить, что впервые в общественно-политической жизни Кыргызстана понятие «государствообразующая нация» появилась в проекте Государственной концепции национальной политики Кыргызской Республики опубликованный в газете «Слово Кыргызстана» в апреле 2011 года и подготовленной депутатом Жогорку Кенеша, членом фракции «Ата-Журт» Н. Нарматовой. Первоначальный проект вызвал жесточайшую критику со стороны широкой научной и журналистской общественности. В преамбуле, глоссарии и в тексте проекта Государственной концепции национальной политики Кыргызской Республики неоднократно употребляется такое понятие как «государствообразующая нация». При этом понятие нация трактуется в примордиалистском понимании и наполняется онтологическим содержанием. Такое сочетание понятий ведет к искусственному ограничению нации и к тому, что представители других этнических общностей не смогут ни при каких обстоятельствах не то чтобы приобрести кыргызскую идентичность, но и быть на равных с «государствообразующей нацией», тем более что в тексте Концепции понятие «государствообразующей нации» почти всегда употребляется рядом с понятием «национального или этнического» меньшинства. То есть существует основной статус «государствообразующей нации» и дополнительный статус – «национальных меньшинств», что может быть воспринято широкой общественностью как разделение народа Кыргызстана на первосортных и второсортных граждан.

Анализ концепций различных стран в этой сфере показал неоднозначность применения данного термина.

Только в Концепции национальной политики Республики Молдова, утвержденной Законом РМ №546-XV от 19 декабря 2003 года, и только в одном месте утверждается, что: «Молдаване – государствообразующая национальность – вместе с представителями других этносов: украинцами, русскими, гагаузами, болгарами, евреями,

румынами, белорусами, цыганами (ромами), поляками и другими – составляют народ Молдовы, для которого Республика Молдова является общей родиной».

При этом необходимо помнить, что Республика Молдова переживает острейший внутренний и межэтнический кризис, связанный с территориальной целостностью страны и провозглашением Гагаузкой автономии и фактически отделившимся и независимым существованием Приднестровской Молдавской Республики (ПМР). Обращаем внимание на то, что речь здесь идет о государствообразующей *национальности*, а не нации. Поскольку Концепция исходит из исторически сложившейся и подтвержденной общей литературной сокровищницей истины: молдавский и румынский народы используют общую литературную форму, «основывающуюся на живом источнике народного говора Молдовы», – реальность, придающая молдавскому национальному языку явно выраженную отличительную особенность, определенное очарование, широко известное и признанное. Связанные общим происхождением, имея общий основной лексический фонд, молдавский национальный язык и румынский национальный язык сохраняют каждый свой лингвоним/глоттоним как идентификационный признак каждой нации – молдавской и румынской».

Молдавии приходится лавировать между попытками Румынии сконструировать некую новую румынскую идентичность, а точнее – включить в состав румынского этноса молдавский этнический компонент и проблемами территориальной целостности, в связи с Гагаузкой автономии и Приднестровской Молдавской Республикой. Поэтому они вынуждены прибегать к такому понятию, как «государствообразующая национальность».

В Доктрине Национального единства Казахстана также нет упоминания о «государствообразующей нации». И пропагандируется понимание нации как гражданской идентичности, даже без названия «казахстанская»: «Наша великая цель – независимо от своего этнического происхождения, сплотиться и стать Великой Нацией, бережно сохранив и передав нашим потомкам самое дорогое, что у нас есть – суверенный и независимый Казахстан. Во имя этого мы должны преодолеть все предрассудки и надуманные ба-

реры, которые до сих пор мешают нашему единству». Необходимо отметить, что данная доктрина родилась в результате длительной и очень сложной работы согласительной комиссии, которой пришлось совмещать конструктивистские представления с жестко примордиалистскими позициями оппозиционной партии «Ак-Жол», настаивавшей на трактовке казахского этноса в качестве «государствообразующей нации».

В Концепции государственной национальной политики Российской Федерации также не используется такой термин.

Правда, в одной из своих статей «Россия: национальный вопрос» В. Путин употребил похожий термин: «Русский народ является государствообразующим – по факту существования России. Великая миссия русских – объединять, скреплять цивилизацию. Языком, культурой, «всемирной отзывчивостью», по определению Федора Достоевского, скреплять русских армян, русских азербайджанцев, русских немцев, русских татар <...> Скреплять в такой тип государства-цивилизации, где нет «нацменов», а принцип распознавания «свой-чужой» определяется общей культурой и общими ценностями. Такая цивилизационная идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, носителем которой выступают не только этнические русские, но и все носители такой идентичности независимо от национальности».

При этом В. Путин четко дал понять, что понимает национальную идентичность как гражданскую: «И, кстати, наш праздник 4 ноября – День народного единства, который некоторые поверхностно называют «днем победы над поляками», на самом деле – это «день победы над собой», над внутренней враждой и распрями, когда сословия, народности осознали себя единой общностью – одним народом. Мы по праву можем считать этот праздник днем рождения нашей гражданской нации <...> Самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром».

Применение понятия «государствообразующий народ» вызвало целый шквал протестных заявлений от различных политических сил, широкой научной общественности и до сих пор В. Путину приходится давать в различных аудиториях уточнения и пояснения по

этому вопросу. Пресс-секретарь В. Путина Дмитрий Песков был вынужден заявить, что В. Путин признает за русскими статус государствообразующего народа, но, однако, считает, что закрепить это юридически не представляется возможным.

В то же время необходимо обратить внимание, что В. Путин не случайно говорит именно о «государствообразующем народе», а не о нации. Поскольку понимание гражданской этничности в конструктивистской трактовке позволяет безболезненно другим этническим общностям гармонично влиться в общую российскую идентичность и комфортно чувствовать себя там, не теряя при этом своей этнической сущности. При этом надо иметь в виду, что новая конструируемая российская идентичность вписывается в понятие «нация», поскольку Ассамблея народов России называется во множественном числе, не «народ», как в Кыргызстане, а «народы» России, где все народы страны наряду с русскими интегрируются в новую гражданскую идентичность – российскую нацию.

Правда спустя годы В. Путин предпринял более успешную попытку легализовать понятие «государствообразующем народе». Речь идет о внесении поправок в Конституцию РФ и теперь она характеризуется как принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. В частности, Статья 68 гласит: «1. Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации.

2. Республики вправе устанавливать свои государственные языки. В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик они употребляются наряду с государственным языком Российской Федерации.

3. Российская Федерация гарантирует всем ее народам право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития.

Возвращаясь к проблемам Кыргызстана, возможно, на наш взгляд, применение понятия «государствообразующей нации» применительно к кыргызскому этносу в конструктивистском понима-

нии как «интегрирующего и консолидирующего ядра кыргызстанского общества». Учитывая, что Ассамблея народа Кыргызстана называется в единственном числе, а не во множественном – значит, Кыргызстану необходимо формировать гражданскую идентичность на основе «единого народа Кыргызстана», куда должны быть интегрированы все этносы, проживающие в Кыргызстане, т.е. получается зеркально противоположная позиция по сравнению с российской ситуацией.

Применение понятий: «коренная нация», «титутельная нация», «национальные меньшинства» – также зависит от их трактовки с точки зрения примордиализма и конструктивизма. Примордиализм, рассматривая эти термины, понимает их как некую данность, наполненную онтологическим содержанием. В этом понимании исторические корни произошли от еще советских трактовок типологии нации и реализации «сталинской национальной политики» как первоочередной поддержки процессу развития коренных или титульных наций, национальных меньшинств в регионах путем предоставления различного рода привилегий в виде ускоренного развития интеллигенции путем безконкурсного получения высшего образования или приоритетной подготовки руководящих кадров и т.д. Поэтому при применении данных терминов к различным этническим общностям в общественном мнении сложилось неоднозначное понимание виде отношения превосходства или ущербности.

На примере этого случая можно наглядно увидеть, как «теоретические основы», теоретические позиции могут влиять на формирование государственной этнической политики.

A SOCIOLINGUISTIC SNAPSHOT: PERSPECTIVES ON KAZAKHSTAN'S ALPHABET REFORM

As a post-Soviet society with one foot in the Western world and one foot in the Eastern, Kazakhstan continues to fight to develop a unique national identity. Recently, Kazakhstan has become the latest Central Asian country to see its alphabet as a multi-purpose tool for furthering economic and societal development, and aiding in the struggle to build up a new national identity. The issue of Kazakhstan switching its titular language of Kazakh from the Cyrillic alphabet to the Latin alphabet has been discussed since the end of the Soviet Union. Serious attention has been devoted to the matter since April, 2017 when an article concerning the contemporary development of Kazakhstan was published by then-President Nursultan Nazarbayev. Entitled “Spiritual Renaissance” (Рухани Жаңғыру), the text announced the initiation of the alphabet reform process. In October of that year, a multi-step plan for transitioning to the Latin alphabet was released with 2025 as the completion deadline. The government has since promulgated several versions of the Latin alphabet, each with its own advantages and disadvantages. It remains unclear, however, which one will eventually be adopted for official usage. Kazakhstan’s transition from Cyrillic to the Latin alphabet is an ongoing political, economic and social affair.

This article will seek to shed light on the current sociolinguistic landscape encircling Kazakhstan’s alphabet reform process. Data will be presented which demonstrates Kazakhstanis’ and Kazakh-speakers’ views and opinions on various alphabet transition issues. This data was gathered by means of a survey containing a variety of questions spanning the spheres of public opinion, education, politics, and linguistics. Seventy-five respondents completed the survey. Of those seventy-five, respondents under the age of 25 made up the largest group (51%), followed by ages 26–50 (33%), and respondents over 51 constituted the smallest group (16%). The youngest age listed by a respondent was 17, and the oldest was 69. The vast majority of respondents were from Kazakhstan (97%), with the remainder being from Turkmenistan, Mongolia, and Poland (1% each). In terms of ethnicity, the majority of re-

spondents expectedly answered Kazakh (82%), followed by Russian (8%), Tatar (3%), Polish (3%), and various other ethnicities including Belorussian, German, and Turkish, for example (1.4% each). When asked to list the languages which they speak, almost every respondent answered that they speak Russian (99%), followed by Kazakh (92%), then English (73%), Turkish (17%), German (7%), and Chinese (5%). Occupation-wise, 43% answered student, followed by teacher or professor (13%), linguist (6%), and various other professions including economist, analyst, journalist, and waiter, for example (38%).

The reader will now be presented with the findings of the study, beginning with public opinion (the largest section), then continuing on to education, politics, and linguistics (the smallest). In the interest of protecting personal information, respondents will be referred to by their initials. If a set of initials repeats, then a numeral is added (for example, MA and MA1 are two different respondents). One respondent with specialized linguistic knowledge, Rustem Kadyrzhanov, gave permission for his name to be publicly used. For respondents referred to with initials, gender neutral pronouns “they” and “them” will be used.

In terms of general public opinion, respondents were more likely to support Kazakhstan’s alphabet reform. 47% said that they are for the reform, 33% said that they are against it, and 20% said that they are neutral towards it. However, support for the reform is not equal across age groups. For each generation support increases by roughly 20 percentage points. Respondents under 25 years of age are largely against the reform (49% against, 31% for, 20% neutral), while those aged 26–50 are more positive (52% for, 30% against, 18% neutral), and not a single respondent over the age of 51 said that they are against the reform (73% for, 27% neutral, 0% against). The reader is reminded that respondents over the age of 51 made up only 16% of surveys completed, although the high amount of support is still significant considering that the older generation is more likely to have difficulties learning and transitioning to the new alphabet.

Many respondents, especially younger ones, wrote that they are concerned that the older generation will not be able to learn the new alphabet, implying that the older generation is against the reform. However, 58-year-old XX1 wrote that they believe the alphabet reform is the next step in entering the modern world, and that they expect it to be

relatively painless for young people. 52-year-old DK also believes that it will give Kazakhstanis increased opportunities in a global context. It seems as though the younger generation is concerned about the older generation managing during the alphabet reform, while the older generation is thinking more about the younger generation and their future. If nothing else, from looking at the data it can be said that Kazakhstani society is a thoughtful one.

One question did specifically ask respondents whether they think the older generation will be able to successfully learn and use the Latin alphabet. The largest group answered that they would not be able to successfully learn it (49%), followed by those who said possibly (36%), and the smallest group said that they would be successful (15%). HA pointed out that it might not be as difficult for the older generation as some respondents think, considering that many of them learned foreign languages with the Latin alphabet or used it in school subjects like chemistry and math.

When asked what they believe the general public opinion of the alphabet switch is, the largest group of respondents said that they believe it is negative (40%), followed by those that believe the opinion is mixed (35%), those who believe it is positive (16%), and neutral (9%). It is interesting that such a large percentage believe that the general opinion of the alphabet reform is negative, when so many respondents said that they personally support it (47%). One possible explanation comes from AK1, who says that they often see negative comments on the internet relating to the alphabet reform. Perhaps the minority that opposes the reform is simply so vocal in their displeasure that it seems like the majority are against it.

Looking at the benefits of alphabet reform listed by respondents, one will notice a general trend of becoming more integrated on the world stage. The most cited benefit of the alphabet reform is that it will be easier for people who use the Latin alphabet to learn or read Kazakh (34%), followed by becoming more globalized (30%), helping Kazakhstanis learn foreign languages written in the Latin alphabet such as English or Turkish (25%), moving away from Russian influence (13%), and moving closer to Turkic culture (9%). It becomes clear that the alphabet reform is viewed as most helpful in its ability to promote Kazakhstan's international reputation by moving closer to the Turkic and

Western worlds, while simultaneously marginalizing Russian influence on Kazakhstani affairs and Kazakh culture.

In terms of the downsides of transitioning to the Latin alphabet, respondents most commonly answered that the heavy financial burden is the largest drawback for them (37%), followed by difficulty for the older generation in mastering the alphabet (28%), that the transition requires too much time (21%), that too much information and data is already in Cyrillic (19%), and that people in general are too versed in Cyrillic already (18%). It is possible that there is some overlap with respondents who said that people are already too familiar with Cyrillic and those that cited difficulty for the older generation as the main downsides.

As the modern age is often characterized by the prevalence of the internet, respondents were asked what role they believe social media has played in selecting and adopting the new Latin alphabet. Many respondents believe that the internet has played some sort of role (38%), followed by those who believe it played a very large role (33%), those who think it played zero role (19%), and those who believe it played little to no role (10%). YT writes that social media was important for criticizing different versions of the alphabet and actively engaging in discussions. AE believes that the government listened to social media criticism, and that it did in fact affect their decision when considering which version of the Latin alphabet to use. This view was echoed by several other respondents.

The last question in this section of the survey asked respondents whether they consider Kazakhstan's transition to the Latin alphabet to be a political statement against Russia. 81% of respondents do not consider it a political statement against Russia, followed by 8% that possibly do, 6% who say it is complicated, and only 5% say that it is. In an earlier review of this research, Kadyrzhanov noted that this data may be indicative of the effect that official rhetoric from the Kazakhstani government is having on mass consciousness. During much of 2017 after the alphabet reform was announced in April, Kazakhstani authorities persistently repeated that the reform is not directed against Russia or the Russian language, despite the opposite being evident. The fact that only 5% of respondents believe that the reform is a political statement against Russia demonstrates the effectiveness of official propaganda on mass consciousness. Many other respondents noted that the alphabet re-

form is simply Kazakhstan following its own path of self-development, but that there is inevitably political subtext involved with the decision, whether intentional or not.

Education in relation to the new alphabet can be looked at from two perspectives: Kazakh-speakers being educated in the new alphabet, and non-Kazakh-speakers learning Kazakh in the new alphabet. Beginning with the first perspective, the response was positive when respondents were asked whether the transition to the new alphabet will go smoothly for university students. 60% believe it will go well, 23% do not, and 17% said possibly. BB responded that current university students were born c. 1996–2002, after the fall of the Soviet Union, and therefore should already know Latin letters (as they are frequently used with recent technologies). This was echoed by AN, who said that the generation that currently attends university is familiar with the Latin alphabet, and must only learn several new Kazakh-specific letters. MA2 answered more cautiously, saying that it will depend on the individual student. Respondents were even more optimistic when asked whether the transition would go smoothly for grade-schoolers (students aged roughly 5–17). 66% of respondents believe the transition will go smoothly for grade-schoolers, 22% do not, and 12% believe it will possibly go smoothly. Multiple respondents such as ZA and AN indicated that the younger the student, the more quickly and effectively they will learn the new alphabet.

As a large portion of Kazakhstan's population is not in school, one question in this section asked respondents how they believe the government will train working adults to use the new Latin alphabet. Some sort of plan does exist, as Kadyrzhanov responded that it is presumed that the government will create free courses to instruct citizens on properly using the new alphabet, but how effective these courses will be is disputed. KA1 worries that many adults will simply not attend classes, as they have other obligations such as work and family and cannot afford to take the time out of their routine to attend an alphabet workshop. KD believes that this can be partially solved by utilizing internet resources. If Kazakhstan can invest in creating quality internet programs to teach the new alphabet and make its citizens aware of these programs, then this could greatly help a large portion of the adult population that will not be able to attend in-person classes.

Addressing education from the second perspective, responses were largely negative when respondents were asked whether they believe more non-Kazakh-speaking Kazakhstanis will learn Kazakh after transitioning to the Latin alphabet. 45% do not believe it will inspire more people to learn Kazakh, 35% believe it will, and 20% believe that it possibly will. Many respondents believe that people will simply be satisfied to continue using Russian. SN stated that ethnic Russians in Kazakhstan have had the chance for years to learn Kazakh in the Cyrillic alphabet and have not done it, so it is unlikely that a transition to Latin will motivate them to do so now. Kadyrzhanov asserted that the development and prestige of the Kazakh language itself is more important for creating interest in learning it, rather than just changing the alphabet. BB echoes this, pointing out that if a language does not bring any benefits to its speaker, then there is little motivation to learn it.

Examining the results of the politics section, one will notice that respondents generally have an unfavorable opinion of the government's ability to effectively complete the alphabet reform. This trend of negative confidence in the government is apparent when talking about all stages of the reform process, including the original decision to transition the alphabet. When asked about the democratic nature of the reform initiative, 62% of respondents said that they do not consider Kazakhstan's transition to the Latin alphabet a democratic decision. 38% do. Those that responded that they do consider it a democratic decision seem to believe that discussion in any capacity is equated with democracy. KD, AX3, ES, and HA all responded that they believe the decision is democratic because there is a large amount of public discussion regarding the decision, some of them pointing to the length of time that the reform has been discussed as an indicator of its democratic nature. Kadyrzhanov stops short of saying that the reform was democratic, writing that there was a lot of openness and communication before the 2017 decree on transitioning the alphabet, but that the affair became more closed off afterwards.

50% of respondents do not believe that the switch to the Latin alphabet will be completed in a timely manner, while 25% believe it will, and 25% believe that it is possible to do so. Several respondents indicated that it is more a question of quality rather than time. AE responded that the reform might be completed on time, but that its quality could

be lacking. Similarly, ES wrote that it is critical to comprehensively prepare the transition, taking into account administrative and financial resources rather than meeting a time frame. Therefore, it may not necessarily be a bad thing that 49% of respondents said that it is possible that the government will continue to delay the complete alphabet switch past its current deadline of 2025 (compared to 40% who said it will definitely be delayed and only 11% who said it will not). If people realize that the important thing is the quality of the switch and not how quickly it can be done, then respondents who asserted that the switch will be delayed past 2025 may be satisfied with that, as it will allow the government more time to transition effectively and comprehensively. AK1 pointed out that the COVID-19 crisis has possibly already made this time frame unrealistic. Even without considering the damage done by COVID-19, the majority of respondents do not have faith in the government's ability to competently handle the transition. 52% of respondents do not believe that the government is truly determined to transition to the new alphabet in a quick and effective manner, while 25% possibly do, and only 23% do. AX1 responded that the government is determined to transition quickly, but not effectively.

These views on the completion of various stages of the alphabet reform coincide with respondents' answers about the financial burden that Kazakhstan will have to endure as a result of the transition. 59% of respondents anticipate financial problems during the alphabet reform, 26% do not, and 15% possibly do. DV, SA, and AX1 all commented that the quarantine caused by COVID-19 all but ensure financial hardships going forward. Kadyrzhanov believes that both COVID-19 and falling oil prices will negatively impact Kazakhstan's economy during the reform.

One area where respondents overwhelmingly agree that the government is failing is communication with the public about the progress of the alphabet reform. 73% of respondents believe that the government is either not communicating with the public about the alphabet reform or is not doing enough to keep people updated on its progress, while 20% believe it is doing enough, and 7% believe it possibly is. Some answers are quite conflicting. Kadyrzhanov reported that the government is doing a poor job of providing the public with information, while linguist AX3 wrote that informational strategies for updating the population on the reform have been very well implemented. BB argued that

the question is more complicated than it first appears, stating that there are too many independent news sources which modify government information and produce conflicting reports, thereby creating problems adequately disseminating information to the public.

The linguistics section yielded only two points of statistical data. The first point addresses a method which has been employed by other countries to finalize an alphabet reform: prohibiting the utilization of the previous alphabet. In this case, 54% of respondents do not believe that the Kazakhstani government will ever forbid the use of Cyrillic, while 23% believe that they will, and the other 23% believe it is possible. DV argues that, given Kazakhstan's low democracy index rating, a ban on Cyrillic is to be expected.

The second point touches on the fact that Russian (and by extent Cyrillic) is already so deeply ingrained in Kazakhstani society. The Kazakh language transitioning to the Latin alphabet will of course not affect the Russian language's use of Cyrillic, but according to respondents the widespread use of Russian in Kazakhstan may affect Kazakhstan's use of the Latin alphabet. 54% of respondents said that the pervasiveness of the Russian language in Kazakhstan will make it more difficult to use a Latin-based alphabet, 40% said it will not, and 6% said it possibly will. DK noted that the issue is complicated by the fact that some ethnic Kazakhs do not know their own "native" language. GM1 does not consider this a significant issue, saying that the Russian language was already losing ground in Kazakhstan before the announcement of switching to the Latin alphabet.

This article and the data presented within it have given an indication as to where Kazakhstani and Kazakh-speakers stand on the issue of Kazakhstan's alphabet reform. As the reform is a large-scale endeavor that touches every corner of Kazakhstani society, it is important and worthwhile to understand how the general population relates to the different aspects of the reform. In terms of public opinion, respondents were more likely to support the reform, although those same respondents indicated that they believe the general public's view of the reform is negative. Interestingly, the highest percentage of support comes from respondents over the age of 51. Respondents indicated that the largest benefits of the reform relate to Kazakhstan becoming more globalized, while downsides relate to financial burdens and practical issues such as the older genera-

tion mastering the new alphabet. Concerning social media, it is largely attributed to having played a role in the alphabet selection process. Additionally, most respondents do not believe that the reform is a political statement against Russia. Examining education, it is widely believed that students of all ages will have little trouble with the new alphabet, but that it will be a struggle to educate working adults with busy lives. Furthermore, the alphabet reform is not expected to cause more interest in the Kazakh language among non-Kazakh-speaking Kazakhstanis. Politically, respondents do not believe that the reform is a democratic decision, and they have serious doubts as to the government's ability to carry out the reform in a timely and effective manner. Linguistically, it is not believed that the Kazakhstani government will ever outright ban the Cyrillic alphabet, but it is possible that the widespread use of Russian will affect Kazakhstan's use of the Latin alphabet.

While it is hoped that Kazakhstan's alphabet reform will be completed in the relatively near future, COVID-19 and its myriad societal effects make this unlikely. In a personal communication, Kadyrzhanov explicitly asserted that in 2020 there has been very little progress on the alphabet reform. The only progress consisted of a meeting between President Kassym-Jomart Tokayev and the Minister of Culture and Sport, in which the president said that the government would listen to the recommendations of scientists concerning the design and implementation of the new alphabet. Kadyrzhanov also indicates that the pandemic is an excellent justification for the government's lack of progress, and that it is impossible to know when work on the reform will resume. For now, it remains to be seen what alphabet will be the daily writing tool for a post-Soviet Kazakhstani society in several years.

Sources

Kadyrzhanov, Rustem. Personal communication with the author in the form of email and a review of the author's Master's thesis. 2019-2020.

Parent, Robert L. "Evaluating Policies and Prospects of Alphabet Reform: The Case of Kazakhstan Considered in a Comparative Lens with Uzbekistan." Thesis, Leiden University, 2020.

Татиля, Кенже, и Рустем Кадыржанов. "Казахская латиница: какой ей быть?" *Central Asia Monitor*, 29 января 2020 года. <https://samonitor.kz/34076-kazahskaya-latinica-kakoy-ey-byt.html>

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ

Применительно к Казахстану можно сформулировать условную модель ситуаций, в которых этнические категории (лояльность, прежде всего к «своим», солидарность со «своими») начинают играть решающую роль в оценке ситуации вокруг и выработке стратегий, которые превращают обычные социальные взаимодействия в межэтнические.

В стране сосуществуют две группы социальных представлений и связанных с ними комплексов норм, ценностей и практик.

1. **Представления**, связанные с доминирующей **общегражданской казахстанской идентичностью**, подкрепляемые идеологией общенационального согласия, конституционными и законодательными нормами, исключающими влияние происхождения, этнической, языковой, религиозной принадлежности на правовой и социальный статус гражданина Казахстана. Их существование поддерживается государственными институтами, ориентированными на удовлетворение в равном объеме запросов всех граждан. В ряде случаев культурно-специфические запросы части граждан поддерживаются инфраструктурой Ассамблеи народа Казахстана. В рамках подобных представлений и практик в основном происходит взаимодействие граждан страны, что ведет к распространению настроений добрососедства и взаимопонимания людей. Это фиксируется всеми опросами общественного мнения: большинство респондентов считает себя прежде всего гражданами Казахстана и удовлетворено взаимоотношениями с другими людьми, в том числе и межэтническими отношениями. В данном типе представлений первична лояльность к общегражданским нормам и институтам, равно доступным для всех граждан.

2. **Представления**, основанные на первичной роли **этнической (и другой локальной) идентичности** в социальной жизни и придающие особую значимость солидарности, основанной на чувстве сопринадлежности и лояльности к «своим», чаще всего опре-

деляемым как группы соплеменников или родственников. Источником распространения и воспроизводства таких представлений в массовом сознании в первые годы независимости стала риторика «этнического возрождения», которая объясняла прогрессивность и важность именно этнических категорий социальной практики в противовес тем, которые господствовали при советском строе. Позже характер доминирующих идеологических посылов изменился, стали чаще звучать тезисы о первичной роли согражданства, «казахстанской нации» и т.д. Но в определенных локальных контекстах сохраняют свое значение и этнические представления. Немаловажную роль в поддержании данного типа представлений играют нормы и ценности, востребованные в ходе функционирования родственных и земляческих сетей взаимоподдержки, которые сильнее распространены в условиях совместного компактного сельского проживания, опираются в первую очередь на ресурсы, мобилизованные внутри этих сетей и со скепсисом и недоверием относятся к ценностям и возможностям общегражданских институтов.

Социальные взаимодействия жителей современного Казахстана в основном происходят в рамках институтов, практик и норм, основывающихся на **общегражданской идентичности**. В той или иной степени она охватывает почти всех граждан, которые используют ее инструменты (систему организации государственного управления, социальной защиты, правового обеспечения) для решения важных для них повседневных вопросов.

Этничность в этом случае больше влияет на эстетические и вкусовые предпочтения человека, особенности его поведения в быту, чем на стратегии его мировосприятия и социальных взаимодействий. Для него сохраняют значимость нормы и привычки, характерные для его окружения и которые могут нести этническую окраску и отличаться от таких же у его соседей. Но не они будут определять его отношение к соседям и другим окружающим его согражданам. Он будет взаимодействовать с ними как с соседями, коллегами, партнерами, конкурентами, одноклассниками, сокурсниками и т.д.

Но в **некоторых ситуациях** (чаще всего тогда, когда человек неудовлетворен итогами своего взаимодействия с другими людьми

или государственными институтами) у него возникает ощущение, что причина возникновения этих ситуаций в том, что к нему относятся предвзято из-за его этнической принадлежности. В ситуации взаимодействия с государственным институтом обращающийся полагает, что негативный результат обусловлен тем, что сотрудник учреждения отказал в получении нужной услуги из-за его этничности, не совпадающей с национальностью работника. В действительности сотрудник учреждения мог просто быть нерадивым, некомпетентным, коррупционно мотивированным и т.д. Но если он оказался другой национальности, то обратившийся может подумать, что действиями сотрудника руководило предубеждение, основанное на отрицательном отношении к его этничности. С этого момента восприятие и взаимоотношения обратившегося с отдельным человеком или государственным институтом, с которым он находится в конфликте или в ситуации непонимания, будут обусловлены этническими представлениями и становятся **межэтническими**.

Не нужно думать, что межэтническими бывают только коллизии или конфликты. Человек, напротив, может испытывать прилив гордости за свою культуру, чувствовать интерес к другой культуре, осознавая свою инаковость. Он может взаимодействовать с другим человеком или социальным феноменом (обычаем, нормой), осознавая, что они ему интересны именно как носители или проявления иной культуры. Но, вне сферы художественного творчества и повседневного добрососедства влияние этничности на социальные отношения, действительно, чаще всего предстает в виде коллизий и конфликтов, так как в отличие от регламентированных и равнодоступных в идеале для всех граждан ресурсов государственных институтов, солидарность мобилизованной этничности не поддается исчислению и согласованию, поэтому редко когда она содействует умиротворению сторон. Чаще всего к ней прибегают тогда, когда не видят возможности урегулировать сложную ситуацию с помощью мер и средств, предоставляемых государственными и общественными институтами.

Один из важнейших путей **урегулирования межэтнических отношений** — поддержание эффективной работы существующей системы государственных и гражданских организаций, призван-

ных удовлетворять самые разнообразные запросы граждан в ходе их повседневной жизни. В целом, эта задача решена. В Казахстане за 28 лет независимости не было открытых массовых столкновений с использованием этнической мобилизации. Те же конфликты, которые случаются и случались, имели, как правило, локальный характер и не были продолжительными.

Тем не менее, они показали, что привлекательность использования ресурсов этнической солидарности сохраняется. Это делает необходимой дальнейшую работу по специальной подготовке администраторов низового уровня в регионах, где компактно расселены разноэтнические сообщества. Пока, как правило, в мероприятия проводимые структурами Ассамблеи народа Казахстана вовлечены люди, по роду своей деятельности связанные с этнокультурной тематикой: учителя, активисты этнокультурных организаций, журналисты. Тогда как специальные лекции и тренинги по истории формирования и текущему составу населения данного микрорегиона необходимы тем чиновникам, которые каждый день сталкиваются с заботами и чаяниями простых людей. Это сотрудники служб социального обеспечения, налоговой инспекции, землеустройства, банковских организаций, участковые и т.д. Именно по их работе, граждане, особенно в регионах смешанного проживания разнокультурных сообществ, будут судить об уровне состоятельности государства, способного обеспечить равные возможности для всех согласно конституционным нормам.

Нам известны некоторые инициативы подобного рода. Например, в Туркестанской (ранее Южно-Казахстанской – И.С.) области сотрудники научного центра «История и этнология» Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова в 2016 – 2017 годах в рамках гранта Министерства образования и науки РК проводили обсуждения межэтнической ситуации в местах компактного расселения узбеков с участием не только активистов этнокультурных центров, но и сотрудников прокуратуры, низовой сельской администрации и т.д. Несомненно, такие инициативы есть и в других регионах и их нужно расширять и включать в них как можно большее количество представителей органов власти, непосредственно соприкасающихся с обычными людьми и их за-

ботамаи. Так как опыт показывает, что именно нерешенные мелкие социальные и бытовые коллизии в условиях многоэтнического населения могут иногда восприниматься в качестве «межэтнических», тогда как предупредить их можно было в рамках добросовестного исполнения своих обязанностей чиновниками, работающими с вопросами, касающимися повседневной жизни обычных людей.

Стало быть, успешное **урегулирование межэтнических отношений** складывается в Казахстане из решения двух взаимосвязанных задач:

– сокращение вероятности возникновения ситуаций, в которых гражданам для урегулирования спорных вопросов может не хватить ресурсов, предоставляемых общегражданскими институтами, и возникнет потребность в использовании возможностей на основе этнической мобилизации;

– сокращение в контексте повседневных взаимодействий значимости для граждан тех типов представлений, ценностей и практик, которые связаны с этнической идентичностью и солидарностью.

В современном Казахстане в большем объеме возможности **общегражданской идентичности** используют дисперсно расселенные городские жители, вовлеченные в обезличенные производственные и социально правовые отношения, регламентированные общими для всех законами, инструкциями и процедурами никак не зависящими от этнических, религиозных, языковых качеств граждан.

В тоже время, у части граждан в ряде ситуаций сохраняется преимущественное воздействие на социальные взаимоотношения лояльностей и солидарностей, основанных **на локальных типах идентичностей** (этнической, религиозной, родственной, земляческой и тд.). Чаще всего это свойственно людям, сохранившим традиции совместного проживания группами родственных семей и активного постоянного общения (сегодня зачастую дистанционного посредством мобильной связи) внутри сетей взаимоподдержки формирующихся на основе родственников и соседей. Такой тип взаимодействия более характерен для сельской местности, где важен факт соседства для взаимопомощи в ходе совместных работ и совместного решения многих важных вопросов, но сохраняет свое значение в жизни недавних сельчан переехавших в города.

Нужно отметить, что у казахов на протяжении последних 100 лет особенности формирования городского и сельского населения привели к заметным различиям между этими группами одного народа, причем, зачастую, к различиям социально-культурного характера. Это объясняется тем, что городская информационная среда на протяжении большей части 20-го века была русскоязычной по своей инфраструктуре, что обуславливало разный характер социализации у городских и сельских казахов. Это привело к тому, что к концу советского периода возникло деление на так называемых городских (шала-казахов) (полу-казахов – И.С.) и сельских (нагыз-казахов) (настоящих-казахов – И.С.). Осознание своих отличий приводило иногда к противопоставлению одних другим и породило массу дискуссий на эту тему, которые стали даже предметом научных исследований. Сегодня, со все большим распространением казахского языка в городах, база для такого деления единого народа стирается и постепенно это явление исчезнет, но пока его влияние сохраняется и оно сыграло свою роль в ослаблении мобилизационного потенциала казахов на этнической основе.

Внутри казахской идентичности есть и еще одна локальная по своему характеру – имеется в виду самосознание казахов-репатриантов (оралманов), которые были вынуждены откочевать за пределы Казахстана в ходе драматических социальных потрясений 20-х-30-х годов 20-го века и после обретения Казахстаном стали возвращаться. Сегодня они насчитывают в Казахстане примерно 1200 тыс. человек (примерно 10 % казахского населения) и их непростой интеграции в казахский и казахстанский социум посвящена специальная литература. Несмотря на то, что внешне отличия оралманов от «коренных» казахов воспринимаются как культурные (особенности языка и некоторых особенностей быта страны, откуда они вернулись) основу этого различия составляет особый статус, представляемый оралманам в рамках программ переселения на родину.

На протяжении большей части постсоветского периода основой межэтнической стабильности Казахстана составляла в целом доброжелательные взаимодействия двух крупнейших этнических сообществ: русских и казахов. Некоторые исследователи высказываются по этому поводу еще более определенно: «В качестве глав-

ной причины межэтнической стабильности и отсутствия политики культурно-языковой ассимиляции нетитульных этносов в современном Казахстане мы видим негласный договор между казахами и русскими, своеобразный социальный контракт между ними о разделе сфер влияния в казахстанском обществе. В соответствии с этим негласным договором, казахи принимают доминирование русских в культурно-языковой сфере, а русские отдают казахам пальму первенства в политической сфере Казахстана». Даже если учитывать, что термин «договор», в данном случае, скорее всего, в метафорической форме отражает определенный уровень комплиментарности между двумя сообществами, нужно отметить, что массовой мобилизации русского населения «против» казахов никогда не было.

Во многом это объясняется отсутствием условий для консолидации русских как носителей единого культурного типа и совпадающих социальных и политических интересов, но немалую роль сыграла и невозможность видеть «других» или даже «чужих» в городских казахах, поскольку в языковом культурном отношении они мало отличались. Конечно, русские Казахстана по-разному относились и продолжают относиться к некоторым аспектам языковой и кадровой политике в стране. Значительная часть эмигрировала за пределы страны. В какой-то степени, этот процесс продолжается и сейчас через поэтапную эмиграцию семей (сначала уезжают дети на учебу в Россию и остаются там, потом к ним приезжают родители). На протяжении последних двух лет он даже имеет тенденцию к нарастанию. Но речь не идет о росте того типа социального дискомфорта среди русских, который может кристаллизоваться в какие-то протестные формы. Русские, скорее, ориентированы на эмиграцию или на различные формы транснационального существования семей одновременно в Казахстане и в России (часть семьи находится в России для учебы или по делам бизнеса и устройства, тогда как вторая остается в Казахстане и не собирается в ближайшей перспективе переезжать на постоянное место жительства куда-либо, так как все члены семьи постоянно курсируют между двумя странами). Такая стратегия снимает опасность приграничного сепаратизма в северных регионах страны и сохраняет максимальный комфорт русского населения.

В целом, близки к социальным стратегиям русских и конфигурации повседневного поведения других народов, большая часть которых является носителем общегражданской идентичности. При всех своих отличиях в сфере «традиционной культуры» украинцы и корейцы, немцы и татары, белорусы и мордва Казахстана используют в основном общегосударственные институты удовлетворения своих социальных потребностей: сети взаимопомощи и солидарности проходят чаще всего в рамках небольших семей и не распространяются на более широкий круг «своих».

В то же время, ситуация меняется и в социокультурном и в демографическом отношении и прежние тенденции утрачивают свою значимость. И русских и русского языка в Казахстане стало заметно меньше и это тоже отмечается исследователями. По мнению очень активного в социальных сетях историка А. Сарыма «...сегодня существует два Казахстана – растущий и набирающий силу казахскоязычный Казахстан и сжимающийся, в силу естественных причин, русскоязычный Казахстан». Это важно не только потому, что сокращается число носителей русского языка, но и потому, что увеличивается доля народов, среди которых более распространено сельское компактное расселение и более локальные, в том числе этническая, типы идентичности, основанные на солидарностях и лояльностях более узкого, чем все граждане круга «своих».

Это изменит сам характер взаимодействий, называемых в Казахстане межэтническими. Межэтнические «трения» в первое десятилетие суверенного Казахстана шли в основном на манифестном, символическом уровне. Предметом обсуждения и споров был статус русского языка, вопросы второго гражданства, принципов кадровой политики. Итоги этих споров не влияли непосредственно на жизненные условия спорящих и если и вызывали ожесточение, то полемическое, не переходя в плоскость открытых массовых противостояний.

Сегодня межэтнические отношения возникают по поводу конкретных споров отдельных сообществ людей, объединенных групповой или родственной солидарностью и способных к этнической мобилизации в защиту четко осознаваемых ими интересов. Так случилось, что локальная идентичность узбеков, уйгуров, дунган и таджиков является действенным инструментом в организации

совместного землепользования соседских сообществ. В свою очередь, групповая сплоченность депортированных народов (турок-месхетинцев, курдов, чеченцев) позволяет им сохранять собственную идентичность и эффективно решать вопросы отстаивания интересов отдельных членов группы, понимаемой как семья.

На наш взгляд, такая ситуация и усложнит, и облегчит урегулирование межэтнических отношений в Казахстане. С одной стороны, усложнит, так как повысится уровень личной вовлеченности во взаимодействие со стороны участников событий, что может повысить степень эмоциональности или даже ожесточенности. С другой стороны, упростит, потому что чаще всего предмет споров являются вопросы, находящиеся в пределах компетенции разных органов локальной администрации и не затрагивают непосредственно судьбы тысяч людей по всей стране.

События в Кордае (Жамбыльская область) в феврале 2020 года показывают, что имеющиеся в распоряжении местных властей возможности решения повседневных вопросов совместного бытия разноэтничных граждан не всегда используются эффективно. Так же нужно признать факт более широкого распространения в последние годы в социальных сетях в интернете мнений и высказываний, свидетельствующих об определенном уровне этнической нетерпимости их авторов. В тоже время, адекватные действия правоохранителей смогли удержать ситуацию от столкновений и жертв в Шорнаке (Туркестанская область) в июле 2020 года. Агрессивные высказывания в социальных сетях чаще всего получают жесткую отповедь от других участников дискуссий и быстро удаляются. Это означает, что и у государства и у общества есть ресурсы, которые смогут обеспечить подлинную гармонизацию тех взаимоотношений людей, которые часто воспринимаются как межэтнические.

Сегодня этничность влияет на повседневные взаимодействия граждан в определенном узком сегменте (необходимость мобилизации этнической солидарности в защиту своих интересов там, где не эффективны общегосударственные равнодоступные механизмы). Это говорит скорее не о недостатках государственной политики в целом, а о слабости системы местного самоуправления и недостаточном контроле со стороны общества за действиями чиновников низового уровня.

ДИНАМИКА ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТАТАРСТАНЕ В КОНТЕКСТЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ РФ

В России, являющейся многонациональным государством, этнический фактор выполнял и продолжает выполнять важную роль как в идентификационных процессах на личностном, групповом и общенациональном уровнях, так и в политическом строительстве страны. Важнейшим аспектом ее постсоветского развития стали процессы регионализации, основными акторами которой выступили различные группы элит субъектов федерации во взаимодействии с властной элитой федерального центра. Детерминированная факторами разного порядка активность элит, в конечном счете, привела к переформатированию дизайна федеративных отношений, формированию новых политических структур в регионах, утверждению региональной идентичности, синтезирующей территориальные, локальные, этнические и другие компоненты.

Анализ формирования политики идентичности на уровне национальных республик, и Республики Татарстан, в частности, за последние 30 лет соединяет две взаимосвязанные составляющие. Первая из них, относящаяся к ряду объективных факторов, связана с макро-политическими процессами на уровне всего государства в период общественно-политической трансформации конца XX в. Переходный период, сопровождавшийся девальвацией советских институтов и ценностей, социально-экономическим кризисом, слабостью центральной власти, вызванной разборками между группами элит союзного и федерального уровней, задал старт процессу передела властных полномочий между центром и регионами. По приводимым А.К. Магомедовым данным, «к осени 1993г. российские провинции сосредоточили в своих руках 60% полномочий федеральной власти. Остальные 40% делили между собой враждующие высшая законодательная и исполнительная ветви власти», из чего следовал вывод о том, что местные правящие элиты переместились в центр общероссийской политики [2, с. 9].

Основной импульс трансформации был задан политическими элитами, поэтому для анализируемого в настоящей статье случая – формирования политики идентичности в Республике Татарстан – интересы республиканской элиты можно отнести к разряду субъективных факторов, действующих на региональном уровне. Имея деятельностную основу, они выступают в качестве динамической составляющей процесса формирования республиканского политического дизайна. В то же время важнейшим фактором политики идентичности являются интересы других групп элиты (экономической, этнонациональной) и всего населения региона, включающие доминирующие этнические группы (русских и татар).

Анализируя действие этнического фактора в процессе формирования политики идентичности национальной республики важно выделить влияние общеполитической конъюнктуры внутренней политики России. Она характеризовалась дрейфом от центробежных тенденций (1990-е гг.) – к центростремительным с приходом на пост президента РФ В.В. Путина (2000 гг.), когда перекосы политики региональных властей стали корректироваться в соответствии с единым российским законодательством в контексте общего политического пространства и общих целей общероссийской интеграции [9]. Смена политического вектора значительно повлияла на действие и интерпретацию этнического фактора в поле региональной политики. В связи с этим, в предлагаемой вниманию статье предпринимается попытка проанализировать модуляцию этнического фактора в формировании политики идентичности современного Татарстана в условиях различающейся политической конъюнктуры российской внутренней политики, а также показать используемые властной элитой основные инструменты и механизмы конструирования постсоветской региональной идентичности Татарстана.

Детерминанты политического самоопределения Татарстана в 1990-е гг.

Актуализация этнического фактора в постсоветском Татарстане предопределялась рядом разноплановых факторов. Первый из них был связан с общероссийским кризисом советской идентично-

сти, когда обесценившаяся идентичность «советский народ» стала замещаться на исторически традиционные – этническую и религиозную. Второй фактор связан с различными формами неравенства, проявлявшимися в политической, социально-экономической, этнокультурной сферах жизни жителей республики. Названные проявления неравенства предопределялись заложённой советской административной системой союзной иерархии республик и регионов. Система ранжирования территорий (союзный центр со столицей в Москве – союзные республики – автономные республики – автономные округа) формировала экономическое и статусное неравенство. Так, союзные республики получали большее финансирование, больше прав и возможностей в социально-экономическом развитии и в воспроизводстве культуры населяющих их народов, по сравнению с автономными республиками. Ниже шли области и автономные округа. Эта форма неравенства была особенно чувствительной для политической и «символьной» элит. В связи с этим, политика идентичности в конце 1980-х начале 1990-х гг. проходила под лозунгом повышения статуса республики и суверенизации. Один из лидеров Татарского Общественного Центра (ТОЦ), ученый-этнолог, Д.М. Исхаков отмечал: «При обсуждении проблем национального возрождения проблема статуса Татарстана в первой программе движения занимала одно из важнейших мест. Основной круг вопросов сосредотачивался вокруг неравенства прав и возможностей союзных и автономных республик (неравное представительство в Совете национальностей Верховного Совета СССР депутатов от союзных и автономных республик; противоречивость принципов образования РСФСР; фактическая номинальность ее федеративности при отсутствии Совета национальностей, представляющего интересы субъектов Федерации; несогласованность Конституции РСФСР, в которой автономная республика признается социалистическим государством, и Конституция СССР, где государством признаются лишь союзные республики; различия в принципах формирования бюджетов; худшие условия для культурного развития народов автономий» [1, с. 11].

Неравенство по оси «центр – союзные республики – автономии – автономные округа» воспроизводилось и на уровне партий-

ной бюрократии, когда представители нижних ступеней иерархии сталкивались со статусным неравенством. Полученный в ходе профессиональной деятельности опыт влиял на формирование внутренней солидарности региональной партийной элиты и ее комплементарность идеям национального движения, силами которого уже к концу 1980-х гг. был сформирован дискурс национального самоопределения. По данным С.А. Сергеева и З.Х. Сергеевой, наличие тесных связей правящей элиты республики с национальным движением было очевидным: около 60% участников I съезда ТОЦ были членами КПСС [8, с. 193]

С самого начала реформ усилия республиканской элиты были направлены на легитимацию властных полномочий как на уровне союзного, а затем федерального центра, так и перед республиканским сообществом. В контексте России, имелось только одно основание, которое отличало республику от обычной российской области – этнический фактор. Его значимость подкреплялась международными нормами о праве наций на самоопределение и уже начавшимся процессом выхода из СССР союзных республик. Кроме того, внутреннюю экспрессию этому фактору в республике придавало национальное движение, которое пополнялось все новыми неформальными организациями. Их активисты имели достаточно широкую поддержку среди определенной части татарского населения. Но был и еще один веский аргумент, который местная власть могла использовать в споре с Москвой. Это – более низкий уровень обеспеченности жителей республики по сравнению с москвичами. Выигрышность этого аргумента в политической стратегии была бесспорна. Ответственность за сложившуюся систему распределения несло центральное правительство и, в целом, государство. Поэтому выстраивание оппозиции «центр – республика» в формирующемся дискурсе национального самоопределения способствовало четкому распределению акцентов: кто – «узурпатор», и кто – «жертва».

Эта оппозиция получила отражение в информационном поле, формируемом «символьной» элитой. Татарская творческая интеллигенция наполняла содержание дискурса яркими образами исторического прошлого, этническими ценностями и символами, призванными оттенить реальные, либо мнимые проблемы татарского

сообщества. Стержневыми элементами дискурса национального самоопределения выступали образы утраченной государственности татар; забвение исторических корней, забвение религии предков; утрата родного языка [4; 5]. При этом конструктивистская деятельность элит не носила изолированный характер: значимая часть татарского сообщества была обеспокоена состоянием дел в этнокультурной сфере. Сопряженность интересов национальной интеллигенции и этнически ориентированной части татарского сообщества имела синергетический эффект и обеспечивала социальную поддержку проводимой политике идентичности властной элите республики. Таким образом, этничность и оппозиция «центр – республика» стали несущими опорами всей республиканской идеологии, формирующей свое региональное «Я» в 1990-е гг. Дискурс национального самоопределения, развиваемый региональной элитой, помимо этнической составляющей, приобрел и социально-экономическую, поскольку русское население также, как и татарское выступало за повышение экономических прав, сохранение значимой части дохода, производимого республикой, на нужды ее внутреннего развития и повышение уровня благосостояния местного населения. Результаты этносоциологических исследований, проводимых в тот период, свидетельствовали о широкой поддержке политики, проводимой республиканской элитой. Так, по исследованиям «НИК» (1994 г.), за то, чтобы землей и ресурсами территории распоряжалась исключительно республика, высказалось 62% татар и 40% русских Татарстана [6, с. 129]. Сопоставление степени доверия к Президенту РФ и Президенту РТ показало, что 42,1% русских и 63,4% татар в республике считали, что М. Шаймиев лучше других выражает интересы народа, 11,6% и 3,5%, соответственно, назвали Б. Ельцина. За высокую степень децентрализации (в опросе 1997 г.) высказались 66,0% татар и 50,1% русских. За сильное централизованное российское правительство, соответственно, 12,2% и 26,3% [4, с. 321].

Политика республиканской идентичности проявляет высокую степень чувствительности к изменениям политического вектора в государственном строительстве России. Так подписание двустороннего Договора о разграничении полномочий между Татарстаном и

Москвой создало почву для стабилизации отношений между центром и республикой. Закрепленные законодательно права и обязательства федеральной и региональной элит свидетельствовали о достигнутом балансе интересов и формировании платформы доверия между элитами центра и региона. Названное событие стабилизировало как социально-экономическую, так и общественно-политическую ситуацию в республике. Это касалось как русского населения, которое опасалось этнического протекционизма и апеллировало в этом аспекте к федеральному центру, так и татар, для которых республика мыслилась как политическое ядро сохранения и воспроизводства национальной культуры и языка. Названные события нейтрализовали конфликтный потенциал дискурса национального самоопределения, который постепенно стал уходить на периферию политики идентичности региональной элиты, уступая место интеграционному тренду.

Этнический фактор также продемонстрировал пластичность. Начиная с 2000-х гг., его подача в поле публичности и политики все больше стала связываться с культурным своеобразием и достоинством республики в многонациональной России. Этому способствовали значимые мега-проекты, которые получили старт, начиная с интеграционного проекта «Великий Волжский путь» (2000-2005гг.), задачей которого стало налаживание экономических и культурных связей с регионами, исторически привязанными к Великому Волжскому пути. Значимое место в этом ряду занимают такие события, как Празднование 1000-летия Казани (2005г.), проведение ЧМ по водным видам спорта (2015г.), ЧМ по футболу 92018г., Всемирной Универсиады – 2013. В рамках последней проводилась Культурная Универсиада, в рамках которой репрезентировалась история и этническая культура татар [3].

Политика идентичности республиканской элиты поменяла свой вектор на позиционирование региона в качестве лидера по социально-экономическому развитию региона среди других субъектов РФ. Акцент на развитие информационных технологий, строительство Иннополиса и технопарков, развитие городской среды призван укрепить новый имидж стремительно развивающегося региона, сумевшего эффективно распорядиться полученным кредитом доверия и предпочтениями федерального центра.

Заключение

Историческая закономерность актуализации этнического фактора в поле политики в условиях общественной трансформации связана с проблемами развития политической, экономической и этнокультурной сфер жизнедеятельности российского общества. История распада Советского Союза свидетельствует об установлении, по крайней мере, трех закономерностей, первая из которых связывает демократический транзит с актуализацией этнического фактора; вторая - связана с обострением отношений по оси «центр – регион»; третья - с возникающей в этих условиях ситуацией торга между борющимися за власть политическими группами центра и региональными элитами. Поэтому можно говорить о маятниковом характере колебания политической ситуации по оси «централизм – регионализм» с включением этнического фактора.

Институционализация этничности в советском государстве (административное деление территорий по этническому принципу, 5-ая графа в паспорте, этнокультурные институты и т.п.) сформировала систему координат, в которой этничности принадлежало одно из значимых мест. При этом наложение различных форм неравенства на этничность стимулировало республиканские элиты в условиях постсоветского кризиса использовать этнический фактор в политике региональной идентичности, избрав в качестве политического инструмента дискурс национального самоопределения. Движение российского регионализма в новейшей истории России показало также, что смена политического вектора на реинтеграционный, а также достижение баланса интересов федеральной и региональных элит – нейтрализует конфликтный потенциал этничности, уводя его из политики в сферу региональной этнокультурной самобытности. В связи с этим, исследование этнополитических процессов в их корреляции с социальными и этнокультурными факторами; изучение их главного субъекта – региональной политической элиты – становится залогом успешной национальной политики государства, что в свою очередь, актуализирует научную составляющую оценки состояния межэтнического климата в стране и процесса интеграции многокультурного населения страны в единую российскую нацию.

Литература

1. Исаков Д.М. Неформальные объединения в современном татарском обществе. / Д.М. Исаков // Современные национальные процессы в республике Татарстан. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КНЦ РАН. – 1992. Вып. 1. – С. 3-12.

2. Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья) / А.К. Магомедов. – Москва: Московский научный общественный фонд, ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. («Научные доклады», вып. 114). – 221с.

3. Макарова Г.И. Репрезентация Республики Татарстан в мероприятиях Культурной Универсиады и церемонии открытия Универсиады-2013 / Г.И. Макарова // Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации: Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Под ред. Г.Ф. Габдрахмановой). – Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. – 2014. – С. 76-82.

4. Сагитова Л.В. Интересы социальных групп в контексте этнокультурной и этнополитической интеграции татарстанского общества / Л.В. Сагитова // Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность. (Автор проекта и ответственный редактор Л.М. Дробичева). – Москва: Academia. – 2002. – С. 320-347.

5. Сагитова Л.В. Региональная идентичность: социальные детерминанты и конструктивистская деятельность СМИ (на примере Республики Татарстан Режим доступа: https://www.tataroved.ru/institut/etnolog/publ/1/?&url=/institut/etnolog/publ/1/&bso_rewrite_url=/institut/etnolog/publ/1/, свободный).

6. Сагитова Л.В. Современные идеологии Татарстана: фактор разделения или консолидации татарстанского общества / Л.В. Сагитова // Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России. – Москва: ИЭА РАН, 1998. – С. 111-136.

7. Сагитова Л.В. Этничность в современном Татарстане / Л.В. Сагитова. – Казань: «Татполиграф», 1998. – 184 с.

8. Сергеев С.А., Сергеева З.Х. Этнокультурная политика и этнический национализм в Татарстане / С.А. Сергеев, З.Х. Сергеева // Кому принадлежит культура? – Казань, 1999. – С. 188-198.

9. Matsuzato K. From Ethno-Bonopartism to Centralized Caciquismo: Characteristics and Origins of the Tatarstan Political Regime, 1990–2000 // Journal of Communist Studies and Transition Politics. 2001. Vol. 17. № 4. – P. 43–77.

Толипов Ф.Ф.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ В УЗБЕКИСТАНЕ: МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Введение

С первых лет независимости в странах Центральной Азии продолжается дискурс о национальной идеологии – ее цели, содержании, субъектах и носителях. Этот дискурс был развернут, очевидно, в связи эйфорией независимости и как некий прекурсор для возрождения и укрепления национально-государственной идентичности и самоопределения нации. Фактически, принцип национального самоопределения, провозглашенный большевиками при установлении советской власти и так и не воплощенный в полной мере в советскую эпоху, был вновь взят на вооружение политическими и социально-культурными элитами в этих странах после завершения этой эпохи.

Однако этот процесс формирования национальной идеологии был не простым как с концептуальной, так и политической точки зрения. В Узбекистане этот процесс породил пестрый спектр довольно противоречивых мировоззренческих, политических и социальных трендов. В результате за все эти годы накопились идеологические дилеммы, которые, с диалектической точки зрения, создают картину единства противоположностей. Это такие дилеммы, как: светскость versus ислам; ислам versus демократия; демократия versus автократия; безопасность versus демократия; национализм versus универсализм; постепенная versus быстрая демократизация; либерализм versus патернализм; ретроспектива versus перспектива; модернизация versus традиционализм; ориентализм versus оксидентализм.

Теоретическая проблема

Что такое национальная идеология и должна ли она быть документально изложена? Какова ее цель и задачи? Восхвалять великое прошлое, оправдывать существующий порядок вещей, призывать

к борьбе, направлять действия и мысль, показывать ориентиры для развития? И что такое нация и почему ей нужна идеология? Эти и другие вопросы пока еще ждут своего всестороннего и критического дискурса.

Эрнест Ренан в свое время дал интересное и наиболее общее определение нации: «Нация – это душа, это духовный принцип. Только две вещи в действительности составляют эту душу, этот духовный принцип. Одна – это прошлое; другая – это настоящее. Одна – это обладание общей памятью об общем богатом наследии; другая – нынешнее согласие, желание жить вместе». К сожалению, многие ученые, исследующие явление нации, упрощенно рассматривают эту обращенность нации из прошлого в будущее, а также ее изменчивость. Однако сам Ренан еще предупреждал: «Человеческие желания меняются, но что не меняется на этой земле? Нации не есть что-то вечное. Они когда-то начинались и они когда-нибудь закончатся». К двум составляющим нации, которые назвал Ренан, я бы добавил третью – это будущее, т.е. ценности, интересы и потенциал, которые ориентируют ее в будущее.

Дилеммы

Светскость versus ислам. Узбекистан провозгласил себя светским государством. Однако с возрождением религии после обретения независимости актуализировался дискурс о соотношении светскости и ислама в обществе и государстве.

Очевидно, ре-исламизация социального и политического пространства Узбекистана будет только неуклонно возрастать. Так же как мы критикуем и отвергаем религиозный фундаментализм, мы не можем слепо принять и секулярный фундаментализм (или вульгарный секуляризм). Налаживание более широкого публичного диалога по поводу взаимоотношений государства и религии в Узбекистане, как и во всех центральноазиатских странах, имеет все шансы на успех. Здесь уместно отметить одно важное отличие Узбекистана и соседних центральноазиатских стран от арабских и ближневосточных стран, где эти взаимоотношения строятся в условиях либо войн и конфликтов, либо нестабильности и угроз терроризма, либо различных социальных и политических турбулентностей. В странах Централь-

ной Азии и особенно в Узбекистане, такой диалог возможен в условиях мира, стабильности и согласия в обществе. Инициатива в этом деле принадлежит государству, и оно не вправе упустить ее.

Ислам versus демократия. Существует распространенное представление о несовместимости ислама и демократии. Причем так думают не только экстремистские и радикальные исламисты, но и ряд ученых и даже политиков.

Фарид Закария на примере ряда стран Африки также показал, что если страны продвинулись в либерализации своих экономик и затем и своих политий, они пошлют мощный сигнал миру, что ни особенности культуры, ни религии, ни региона в общем-то не препятствуют демократии. Соглашаясь с этим тезисом, думаю, нам важно концептуально определиться с вопросом о том, какую демократию нам надо создавать.

Демократия versus автократия. Широко распространено и даже культивируется мнение, что в Узбекистане (как и в других странах региона) демократия в западном понимании этого слова не приживется. Как и в случае с предыдущей дилеммой, некоторые считают, что сам менталитет узбеков не восприимчив к демократическим нормам. Выдумали даже термин «просвещенный авторитаризм».

Апологетика авторитаризма и обструкционизм в отношении демократии может служить только одной цели – консервации статус-кво посредством дезориентации общественного мнения и воспитания в нем покорности перед властями и политического конформизма. И это несмотря на то, что Конституция и законы страны провозглашают демократию как высшую политическую и социальную ценность.

Безопасность versus демократия. Как продолжение предыдущего дискурса о соотношении демократии и автократии, некоторые думают, что демократизация приведет к дестабилизации общественной обстановки и поэтому может стать вызовом для национальной безопасности. Секьюритизация демократии также дезориентирует общественное сознание и работает на защиту авторитарного режима.

При этом часто указывают на так называемые «цветные революции», которые сопровождаются общественными беспорядками. Поэтому столь популярным в лексиконе таких идеологов стало слово «стабильность».

Этот тренд хорошо описал бывший исполнительный директор Всемирного банка Мойзес Наим в своей книге «Конец власти». Рассматривая феномен распада власти в мировом масштабе, он приходит к важному выводу о неотложной необходимости по-новому думать и говорить о власти. Он обращает внимание на то, что в последние годы мы с удивлением наблюдаем внезапную волну интереса к политике, мобилизацию немалого числа дотеле инертных и даже безразличных граждан и участие десятков тысяч человек в событиях... Он также говорит о том, что революции дорого обходятся, их итоги непредсказуемы, а социальный прогресс не гарантирован. «И значит, главное – избежать опасных и разорительных революций, одновременно пробуждая и направляя политическую энергию, дремлющую в любом обществе, на осуществление перемен к лучшему. Наилучший способ этого достичь – оживить соперничество политических партий».

Постепенная versus быстрая демократизация.

В начале независимости Президент Узбекистана Ислам Каримов в свою доктрину рыночных и демократических реформ, состоящую из пяти принципов, идею постепенности, пошаговости. Основанием для такого подхода было стремление предотвратить «шоковую терапию» и дестабилизацию общественно-политической обстановки в стране. Насколько оправдал себя этот принцип – отдельный вопрос.

По прошествии почти 30 лет с момента обретения независимости и начала реформ, принцип постепенности уже не может оставаться на доктринальном уровне, особенно с учетом быстро меняющихся условия бытия в 21-м веке. Однако и сегодня многие идеологи, госчиновники и политики продолжают придерживаться этого старого принципа, что можно истолковать как завуалированное сопротивление реформам.

На самом деле 30 лет – это важный рубеж в национальном развитии, дата, которая ставит перед государством, так сказать, экзаменационный вопрос, типа: А где же узбекское чудо? Во многих восточно-азиатских странах процесс реформ, приведший к тому, что называется экономическим «чудом», не растягивался на многие десятилетия и проявился уже после 15-20 лет с начала этих реформ. Поэтому нашим идеологам пора задуматься о причинах замедления «чуда».

Либерализм versus патернализм.

Данная дилемма обуславливает критику описания общества Узбекистана (обществ Центральной Азии) как перманентно традиционных, восточных (азиатских), патерналистских, не восприимчивых к модернизации и демократии. Такое рассмотрение этих обществ, во-первых, дезориентирует общественное мнение и научный поиск различных альтернативных путей и выбора развития, приговаривая их к исторической стагнации; во-вторых, противоречит действительному положению вещей, поскольку общество никогда не было полностью изолировано от внешнего мира и влияния глобализации, модернизации и либерализма, а нынче это взаимодействие с миром многократно усиливается; в-третьих, традиции, образ жизни, культура, «менталитет», сложившиеся особенности общественных отношений сами по природе не являются чем-то вечным и неизменным: они сами всегда проистекали и развивались из предшествовавших им образцов под влиянием исторических обстоятельств; в-четвертых, в конце концов, Конституция Узбекистана и официальная политика утверждают демократический выбор пути развития, так что традиционность не противоречит современности и демократии.

В конце концов, проблема соотношения между либерализмом и патернализмом существует даже во многих демократических странах, поскольку она адресуется к вопросу о роли государства в обществе и роли общества в государстве. Вопрос усиления или ограничения роли и функций государства – диалектический вопрос, который, очевидно, будет всегда сохранять свою актуальность и воспроизводиться в процессе реформирования государства.

Ретроспектива versus перспектива.

Ценность истории не в том, чтобы ее воспроизводить в жизни, а в том, чтобы ее воспроизводить в памяти. В жизни мы должны создавать новую историю. Поэтому когда наши идеологи одержимо обращаются к далекой истории в стремлении создавать национальную идеологию, то это может отбросить нас назад, вместо того, чтобы толкать вперед. Более того, часто само обращение к истории у наших идеологов выглядит как музейная статичность.

Вопрос соотношения ретроспективы и перспективы в национальной идеологии, разумеется, должен решаться в пользу перспективы. На самом деле, ретроспектива у идеологов часто

страдает однобокостью и селективностью. Например, в школах Узбекистана могут много рассказывать о времени и правлении Амира Тимура, но при этом игнорировать или тенденциозно изображать недавнее советское прошлое. Поэтому в идеологической работе важно диалектическое сочетание ретроспективы и перспективы.

Модернизация versus традиционализм.

Придерживаясь определения модернизации, которое дал американский политолог Дэвид Аптер, мы можем допустить следующее: «Если явный моральный рационал для модернизации общества заключается в развитии, то он обычно выражается в терминах реализации возможностей – как человеческих, так и социальных». Согласно Аптеру, модернизация есть «процесс сознательного направления и контролирования социальных последствий растущей дифференциации и организационной сложности в обществе». Он же определил понятие традиционализма как «валидацию (или закрепление) существующих поведенческих стандартов посредством ссылки на древние прескриптивные нормы. Это не означает, что традиционалистские системы не меняются, а скорее что инновации – т.е. внесистемные действия – следует увязывать внутри социальной системы с предшествовавшими ценностями».

Таким образом, нашим идеологам следует найти “магическую формулу” синтеза модернизации и традиционализма. В последнее время в Узбекистане ведутся довольно эмоциональные дискуссии о национальной культуре, ценностях и нормах поведения, которые вступили в противоречие с западной. Прически, рваные джинсы, короткие юбки, хиджабы, ночные клубы, букмекерские конторы, концерты и клипы, сидение или хождение девушек с парнями в обнимку и другое стали предметом острых споров, особенно среди молодежи. Как на все это должна ответить национальная идеология?

Ориентализм versus оксидентализм.

Существует расхожее мнение, что Узбекистан (как и все страны региона) – восточная страна со своими восточными характеристиками. Этот тезис наши идеологи часто берут на вооружение то ли в попытке сдерживать западное влияние и оправдывать недемократический порядок, то ли упрощая своей уклончивостью закономерности общественного развития, особенно с учетом условий глобализации в 21-м веке.

Сегодня многие ученые верно критикуют ориенталистские конструкции и представления в западном общественном сознании. Однако, ориентализм порождает свою антиномию – оксидентализм, т.е. стереотипные и насаждаемые представления на Востоке о Западе. Тем самым идеологическая работа может быть даже дезориентирована.

Этническая нация versus политическая нация.

Это одна из наиболее чувствительных проблем любого общества. Узбекистан – многонациональная страна и проблема мультикультурализма в той или иной форме представлена и у нас. Однако она значительно отличается, например, от европейского аналога. В частности, проблема совместного проживания титульной нации с представителями других национальностей решается в Узбекистане гораздо более органично, нежели в некоторых бывших советских республиках и странах Европы.

Политика Узбекистана в этой области отличается подчеркнутой толерантностью, миролюбием и интернациональностью. Тем не менее, находятся и такие политические силы, которые криво истолковывают межэтнические отношения в Узбекистане. Одним из множества примеров в этом отношении может быть недавняя полемика о статусе русского языка в государстве. Принятие решения о полном переходе в государственном делопроизводстве на узбекский язык стало поводом для одбоких комментариев со стороны российского МИДа, которые были в Узбекистане восприняты как вмешательство во внутренние дела страны.

Как известно, Москвы ведет политику защиты соотечественников (русских) за рубежом. Кажущееся на первый взгляд логичным такое позиционирование Москвы на международной арене, на самом деле, ставит этих «соотечественников» в двойственное положение, провоцируя двойственную государственную лояльность и, главное, искусственно провоцирует некое недоверие государству, гражданами которого они являются. Этот вопрос также требует широко общественного и научного дискурса. Поэтому национальная идеология должна быть в состоянии реагировать на скрытые и явные провокации межнациональной розни и укреплять межнациональный мир и толерантность.

Национализм versus универсализм.

Между национализмом и универсализмом существует серьезная дивергенция. Национализм содержит в себе представление о самостийности, национальной исключительности и горделивого обособления, поэтому он является фактором изоляционизма. Наоборот, универсализм есть продукт глобализации, растущей взаимосвязи и взаимозависимости стран и народов.

Для народов Центральной Азии во флуктуациях между национализмом и универсализмом перманентно включается региональное измерение. Когда-то Президент Узбекистана Ислам Каримов выдвинул тезис: к глобализму через регионализм. Это было не случайно: исторические судьбы и перспектива дальнейшей эволюции пяти стран Центральной Азии нельзя рассматривать в отрыве друг от друга. Фундаментальным законом этой эволюции является национально-региональный дуализм.

Национальные и региональные реалии, интеграционные и дезинтеграционные процессы, холистические и фрагментарные представления должны рассматриваться не линейно, а в сложном диалектическом единстве.

Заклучение

Давно замечено, что строительство нового общества (и связанные с этим идеологические задачи) всегда будет сопровождаться соперничеством и борьбой трех сил: 1) традиционалисты и консерваторы, которые стремятся сохранить и продлить существующий олигархический порядок; 2) те, кто добивается баланса между поддержанием традиционных структур и радикальной трансформацией обществ в целом в виде синтеза старого и нового; 3) те, кто стремится радикально ослабить политическое влияние традиционных групп как препятствие процессу социальной и политической трансформации.

То, что мы называем проблемой формирования национальной идеологии – это, как видим, сложный набор дилемм, которые должны не только адресоваться, но в той или иной форме решаться в ней. Сегодня важнейшая задача национальной идеологии и национальных идеологов – это повернуть ее, так сказать, временную направленность, чтобы она обслуживала не прошлое, а настоящее, и вела в будущее через лабиринт идей и дилемм.

Fierman W.

**CONTENTIOUS LANGUAGE DEBATES
IN KAZAKHSTAN: REFLECTIONS OF AN AMERICAN OB-
SERVER**

I am delighted to have the opportunity to contribute to the volume *Nation-Building and Ethnopolitics in Contemporary Kazakhstan* in honor of the 70th birthday of my colleague and friend Rustem Kadyrzhanov. Before proceeding, I would like to express my high esteem for Rustem's scholarship. Rustem's writings, which cover an unusually wide range of subjects, are always carefully researched and written in clear prose. Rustem's research about Kazakhstan reflects his mastery of scholarly literature in social science disciplines and profound understanding of the history and contemporary processes in his homeland.

I consider myself a friend not only of Rustem, but also of Kazakhstan. I am fascinated by questions of language in Central Asia as a whole and in Kazakhstan in particular. This builds on my own interest in language. I began learning Russian still in secondary school, well over half a century ago. In the 1970s, I took up the study of Uzbek, which was almost unheard of in the US at that time. This was necessary for my PhD research on questions of language and identity in Uzbekistan. For the last 30 years, though, I have been concentrating not on Uzbekistan, but Kazakhstan and Kazakh. I enjoy reading about Kazakhstan both in Russian and Kazakh. I wish I had a better mastery of Kazakh, but what I do have allows me closely to follow debates about language in the country. On the occasion of Rustem's 70th birthday I decided to share my own thoughts about some of the most widely debated language issues that I follow. I am only an outside observer, and hope that anyone reading my reflections here will understand that I offer these simply as my own views. Sometimes a perspective from afar can provide a viewpoint beneficial to those actually living in the middle of the debates. I recognize, of course, that it is Kazakhstan's people who must make decisions concerning their country and about language there.

A variety of materials appearing today in Kazakhstan express regret about language issues in the country. They lament that, almost 30

years after Kazakhstan became independent, the Kazakh language has still not become the dominant language in certain fields, that its writing system is not sufficiently “Kazakh,” that Kazakh has been influenced too much by other languages and has too many “borrowed” words, and (perhaps most seriously), that many Kazakhs do not know “their own” mother tongue.

If we measure the state of the Kazakh language against some of the more widespread optimistic expectations for language revival on the eve of the USSR’s collapse, cultivation of the state language in Kazakhstan has been a miserable failure: for example, a program on language published in June 1990 – i.e., even before the collapse of the USSR – envisioned that within the next five years, Kazakh would be the language of all Kazakh SSR government office work (іс жүргізу [делопроизводство]); in fact, this was projected to happen even in the regions of the republic where Kazakhs were a minority. Today, 30 years later, this goal has still not been achieved. Why not? There are many reasons, but they fall into two general categories: one category includes mistakes in formulation and implementation of language policy; the other relates to unrealistic expectations. For a variety of objective reasons, it would have been impossible to achieve the type of shift of government office work from Russian to the state language as took place in, say, Uzbekistan, not to mention the even more rapid and complete shift in the former Soviet republics of the Baltic or south Caucasus. The most important reasons for this were Kazakhstan’s demography and the language repertoires of its population at that time.

If we envision Kazakh language revival as a glass of water, then even today this is still less full than the titular “language glass” in the other former republics just mentioned. However, thanks to Kazakhstan’s independence, the Kazakh “language glass” is much closer to being full than the “language glasses” of any linguistic minority in the Russian Federation. Indeed, on balance, over the last 30 years, most of the minority “language glasses” in Russia have been emptying rather than filling.

In conversations and other communications with citizens of Kazakhstan, I frequently encounter views that Kazakhstan’s current language law identifies Russian as the “language of inter-ethnic commu-

nication.” Although neither Kazakhstan’s Constitution nor the 1997 language law state this, even Kazakhstan’s first president, Nursultan Nazarbayev, has at times referred to Russian in this way. We can trace the origin of the concept of “language of interethnic communication” back to the Soviet era. Perhaps in part because of this heritage, many of today’s proponents of increased use of Kazakh urge that a legal measure be adopted to give Kazakh the role of “interethnic” language.

I do not agree with this position. Why should *any single language* be designated for “inter-ethnic” communication? All around the world, depending on context, human beings decide which language (or mix of languages) to use. Beyond this, however, I think that any legal designation of “language of interethnic communication” is inexact or inaccurate, and leads to a misunderstanding of the present or future function of whatever language is so designated.

Let me explain: Although language is an attribute often associated with a particular ethnic group, this is not the case for all ethnic groups or individuals. (Without entering here into the debate about the saliency of Kazakh language for Kazakh identity, I would note that I know many individuals who strongly identify as Kazakhs yet lack mastery of the Kazakh language. Whether that is good or bad is not for me to judge.) My point here is simply to stress that knowledge of a particular language is not inherited genetically or by being born in a particular location, but (regardless of geography or one’s genes) is something that must be acquired. The Irish have a strong ethnic identity, but only a minority of them are fluent in the Irish language. Citizens of India have many identities, including an Indian one, but even Hindi, the most widely spoken language in the country, is the native language of less than half the population.

Both communication with interlocutors in Kazakhstan and in many articles in the press I encounter the view that whereas it is shameful for a Kazakh not to know his or her “native” Kazakh language, it is perfectly normal (even if regrettable) that Kazakhstan citizens of other ethnicities not know Kazakh. I have even heard suggestions that whereas it might be appropriate to encourage non-Kazakh employees to learn and use the Kazakh language by paying them a salary bonus for using Kazakh, such a stimulus would not be appropriate for ethnic Kazakhs. This strikes me

as illogical: it would mean, for example, paying a bonus to “Boris” and “Natasha” from Kyzylorda (who grew up fluent in Kazakh thanks to the local language environment), but not to “Azamat” or “Saule” (who grew up in Petropavl in a Russian-speaking family among people who did not know much Kazakh). In fact, Russian is the native language for many Kazakhs in the sense that it is the main or only language they were exposed to in childhood; in this sense, theoretically, Kazakh can be an ethnic Russian’s native language, though at least today this is very rare.

Kazakhstan’s first president, Nursultan Nazarbayev, has said «Қазақ қазақпен қазақша сөйлессін!» (Kazakhs should speak Kazakh with one another). Although I am not sure precisely what President Nazarbayev meant by this statement, as I indicated above, I see language choice in private domains as a decision to be made by those who are communicating, not by any government organization or leader. That said, governments can and should make important decisions related to language. Among these are determining the language(s) in which services of state and certain privately owned organizations should be available. Closely related to this are decisions on language qualifications for specific jobs.

I sometimes read or hear arguments that in Kazakhstan it would be discriminatory to require a knowledge of Kazakh by candidates for particular types of employment or political office. Are such regulations indeed discriminatory? I do not think so: Kazakhstan has been an independent country with a single state language for about three decades. I understand that the corpus of the Kazakh language is inadequate or insufficiently standardized for use in some narrow domains, but even there the situation is not static. One might ask, “Does this mean that in the future, most specialized pathbreaking literature in a field like oceanography will be translated into Kazakh?” No, certainly not. For one, in most cases this would be superfluous, because specialists whose dominant language is Kazakh will still need to use another language or other languages for their professional work. Kazakh commentators often point to the Israeli experience with Hebrew as a successful case of language revival; however Israeli specialists routinely use languages other than Hebrew (most often English) in their professions. Similar patterns can be found throughout the world.

As today, in the future many or perhaps even most of Kazakhstan's citizens will need to be able to comprehend and/or express themselves in a second and/or third language. For those whose first language is Kazakh, some will need or want to know Russian, English, and/or Chinese, or perhaps other languages such as Turkish, German, or Spanish. Those whose first language is Russian may also need or want to learn these same languages. However, for the purpose of Kazakhstan's national unity, it is essential that the next generation of citizens (regardless of individuals' first or dominant language) be able to communicate in Kazakh. Unfortunately, today many graduates of Russian-medium schools or groups cannot do this. To judge from what I read in Kazakhstan's mass media, many such young people feel that they do not need to know Kazakh because they know Russian. As English or other languages, Russian indeed opens many rich opportunities to those who know it. However, for citizens of Kazakhstan, competency in other languages cannot substitute for knowledge of the state language. Moreover, learning Kazakh does not cause anyone to forget or "lose" Russian or any other language.

Let me stress that I do not believe that a common language alone is sufficient for national unity. First of all, communities that appear to have a "single language" may in fact be divided by significant geographic, social and other factors that are reflected in dialects. Indeed, if political borders were drawn differently, such dialects might be labelled separate languages. However, even putting such cases aside, some fractured societies have relatively minor dialect differences: Lebanon's fissures are frequently manifested in violence, even though the great majority of the population speaks Lebanese Arabic (often as well as French and/or English).

Some Kazakh journalists and scholars have suggested a mandatory Kazakh language exam for all young people in Kazakhstan completing secondary schools, or else for all of them entering higher education. While I agree with these ideas, most unfortunately, even today – practically three decades after Kazakhstan gained independence – they cannot be introduced immediately. Today's primary school pupils should be informed that in several years, passing a Kazakh language exam will be required to receive a certificate of secondary school completion. Such

a requirement, however, must be accompanied by an improvement in teaching the Kazakh language to those in Russian- or other non-Kazakh medium schools and classes. In designing both such instruction as well as mandatory exams, the emphasis must be on the skills required to communicate in Kazakh. Most of tomorrow's Kazakhstan citizens will not need to know the grammar rules of Kazakh, but they will need to be prepared to communicate in the language.

There has also been an extended debate in Kazakhstan about whether to shift Kazakh writing from Cyrillic to Latin. My own view is that this is primarily a political question, albeit one of great symbolic importance. I do not take seriously arguments that everything in Cyrillic will be lost if the shift to Latin proceeds. Print materials are easily digitized, and technology makes it possible to convert digital texts rapidly and at virtually no cost from one alphabet to another. Furthermore, assuming that for the foreseeable future Russian will be a widely studied language in Kazakhstan, the next generations will be familiar with the Cyrillic alphabet. They may find it odd or inconvenient to *write* in Cyrillic, but reading Cyrillic texts in their native language or a language they know well should not be difficult. If the shift proceeds, a few lessons for pupils in primary classes would probably suffice to teach pupils to read Kazakh in the “old” (i.e., Cyrillic) script.

Closely related to the question of alphabet shift are the debates about which symbols should be used for writing Kazakh and the orthography rules that should govern Kazakh spelling. Many participants in the debates have stressed the need for each Kazakh phoneme to be represented by a unique symbol. This issue is particularly complex in the case of words “borrowed” from other languages, since the question involves determining the “correct” Kazakh pronunciation of such words. Some participants in the debates insist that “foreign borrowings” in Kazakh be subjected to Kazakh's phonetic rules on vowel harmony and consonant clusters.

Reading these discussions reminds me of my early scholarly work on development and standardization of Uzbek in the 1920s and 1930s. Some Uzbek language planners demanded that the Arabic- (and later Latin-) based orthography embody what they viewed as the deeply rooted *turklik*, i.e., Turkic nature of Uzbek. The comparison with Uz-

bek may appear inappropriate, since the Uzbek literary language today lacks vowel harmony, whereas vowel harmony remains strong in Kazakh. Moreover, dialectal differences in Kazakh are rather minor compared to those in Uzbek. My point here, however, is that although vowel harmony is not reflected in Uzbek writing, certain Uzbek dialects have maintained various forms of vowel harmony.

In Cyrillic Kazakh writing, the letters «к» and «кк» represent two separate phonemes. Both of these phonemes also exist in Kyrgyz, but, unlike in Kazakh, are represented with the single letter «кккк». Although I have not studied this phenomenon, I do not believe that the use of a single letter for two distinct phonemes has led to change in the pronunciation of native Kyrgyz speakers. It is even more obvious that, with some possible rare exceptions, unphonetic spellings do not affect my own pronunciation in English or those of other native speakers of the language. After all, children first and primarily learn their first language from hearing it, and only later, if ever, learn to read it.

Insistence on submitting words borrowed into Kazakh in forms that conform to “phonetic laws” reflects efforts to assure that over time the language does not stray from established rules, or at least from rules that are so considered. According to this view, breaching such norms destroys the language by introducing undesirable change. However, whether welcome or not, all languages constantly change. Change is often not noticed by second-language or even native speakers, because it occurs slowly, frequently over generations. Modifications do not merely affect minor matters of style or isolated lexical units, but even a language’s syntax and sounds. I find myself wincing when I hear English speech today that does not conform to what I learned and for decades accepted as “correct.” For example, I was taught to use the phrase “amount of” in reference to abstract nouns and other things that cannot be counted, and “number of” in referring to countable items. Today, however, I hear the most respected American newscasters say “amount of” in speaking of items that *can* be counted (e.g., they may say “a large amount of books”). I perceive this as a mistake. I personally will probably continue to distinguish between “amount of” and “number of” in the “correct way” that I learned, but I sense that subsequent generations will not do so. Kazakh, too, will change, and regardless of promulgat-

ed rules or whether some Kazakh speakers condemn these “mistakes,” they will proceed. Perhaps mass media, education, and certain other institutions or mechanisms can slow (or even reverse?) certain changes, but “freezing” a language or isolating it from external influences in today’s world is extremely difficult, if not impossible. Defenders of purity of the French language have long battled the flood of “borrowings” from English “ruining” their language, but these attempts are perhaps best known because of their failure.

I do not mean to imply here that speakers of any language should ignore standards. After all, efficient communication requires that users observe most accepted conventions. However, there are limits to the degree that governments, language committees, rule-making organizations, scholars, journalists or other groups or individuals can direct, manage, or prevent language change.

Regardless of the degree, speed, or nature of changes in Kazakh, there is no doubt that consumers of materials in the language will not want them if they are not of high quality. Standards of quality, of course, are themselves somewhat subjective and may shift over time. Nevertheless, future citizens of Kazakhstan will not want to read or use materials in Kazakh if they judge them to be of poor quality. If Kazakh-language textbooks, news sources, legal regulations, or instruction manuals for equipment are poor (or even just perceived as poor), who will want them? It is common knowledge that Kazakhstan’s laws today are almost all composed in Russian and then translated into Kazakh. The Kazakh translations are often inexact, do not reflect the original text, or are confusing in other ways. Consequently, they are rarely referred to. Quality should not be sacrificed for quantity. It will be better for smaller volume but higher quality materials to be written in (or translated into) Kazakh than a much larger volume of inferior quality. Creating high quality materials will require investment of resources in language corpus development, training journalists, and improving Kazakh language instruction. The last item is especially critical for those whose home or dominant language is not Kazakh. However, I believe that such measures are of vital importance to Kazakhstan’s future and will justify well planned and targeted investment.

Michael Reinhard Heß

RUSSIAN-KAZAKH LINGUISTIC INTERRELATIONS IN TODAY'S KAZAKHSTAN

The state of interaction between ethnic communities, such as the Kazakhs, Russians and Uyghurs of Kazakhstan, can be looked at on various levels. It can be analyzed from the viewpoint of political institutions, juridical and administrative status, economic and demographic data, as well as literature, culture, and language. If one chooses the role of language as a subject, one can in turn assess it by using various other criteria. These include the legal status of a given language (including regimentations of its use in schools, universities and other institutions), the use of certain alphabets (Arabic, Cyrillic, Latin script), the extent to which a certain language is actually used in private or public space or in publications.

The following remarks interpret the state of the Uyghur language in present-day Kazakhstan and some possible implications of this state for the role played by the Uyghur community in the country as a whole. The observations are based on field research that was essentially carried out in 2016 and 2017, i.e., a quarter of a century after the achievement of Kazakh national independence in 1991. The present publication summarizes and interprets results of the field investigations, which have already been published elsewhere in a more extensive form.

The larger part of the material investigated during the 2016-2017 field research was carried out in Almaty's Uyghur School Nr. 153 Named After Abdullah Rozibaqiev (in Uyghur, *Abdulla Rozibaqiev namidiki № 153 mäktäp-gimnaziya*), which is not only one of the most prestigious Uyghur schools in the city, but also in the whole of Kazakhstan. Additional material was collected from private conversations with Uyghurs living in or around Almaty.

The given topic of the research was the linguistic impact of Russian and Kazakh on the Modern Uyghur varieties spoken in Almaty and its surroundings. Many informants used a form of Modern Uyghur that was conform with or very close to the norms of the standard literary language. This was especially the case when conversations were recorded during schooltime, when a correct use of the Uyghur language was encouraged

and controlled by the teachers. However, the linguistic material that was collected during the field research program also included a number of informal conversations, which included expressions that are not fully compatible with, or even unacceptable in literary usage. In sum, the field research reflects both standard and colloquial forms of Modern Uyghur that are used in Kazakhstan's cultural hub Almaty.

The material consisted of audio recordings that were transcribed by native speakers of Modern Uyghur coming from Almaty or its surroundings. The native speakers were asked to use that form of written Uyghur which was most familiar to them. In practice, all of the native speakers used the Cyrillic version of Modern Uyghur which was then the only officially used alphabet, as the new Latin version of Modern Uyghur based on the reformed Latin version of the Kazakh alphabet had not yet started being used within Almaty's Uyghur community.

This material was analyzed both quantitatively (using computerized search methods where possible, in addition to manual counting) and qualitatively according to a selection of linguistic criteria. These criteria included phonological, lexical, morphological, and syntactical aspects of the languages under scrutiny.

One of the central results of the statistical analysis was that Russian is a far more important contact language for Modern Uyghur than Kazakh (or in fact, any other language, such as English and possibly Turkish, for which the evidence in the investigated material is only scanty and in part shaky). As for the lexical level, the statistical analysis of the recorded material showed that there are approximately fifty-six times more loans from Russian into Modern Uyghur than from Kazakh. As for the syntactical level, one of the most important criteria used to discern the degree the influence of a borrowing language on the Modern Uyghur target language has been "predicate language change". The linguistic notion of "predicate language change" describes cases in which the language of the core of a predication (or predicate) alters in the middle of a conversation, for instance, from Modern Uyghur into Russian or Kazakh, or *vice versa*. As regards this syntactical criterion, the statistical evaluation proved that its quantity is fairly insignificant, both concerning the change from Modern Uyghur predicate language to Russian predicate language and concerning the change from Modern Uyghur predicate language to Kazakh predicate language (or change

into the opposite directions). However, this result is relativized by the fact that text samples in which the predicate language changes from Modern Uyghur to Kazakh most frequently contain a text quote, whereas text samples in which the predicate language changes from a Modern Uyghur to a Russian predicate more often do not contain quotes. This can in turn be interpreted as a sign of a more thorough integration of Russian-language elements into the surrounding Modern Uyghur texts, as text quotes do not trigger the same amount of change in the target language than other text segments. As a consequence, the statistical data obtained from the analysis of the predicate change criterion also seems to confirm the tendency discernible in the statistical data from the analysis of the lexicon, i.e., the tendency towards a prevalence of Russian linguistic influence over Kazakh linguistic influence on the Modern Uyghur text samples.

Thus, by applying a purely synchronic linguistic methodology to a collection of primary sources the dominant role of Russian as the most important contact language of Kazakhstani Modern Uyghur has been documented for the city of Almaty in a period of time covering the years 2016 and 2017.

In order to explain the importance of Russian elements in the linguistic material, the 2016-2017 Giessen research project has tried to contextualize it, in a second methodological step following the purely linguistic investigation, with the position of the Uyghurs as one of the most important national minorities within Kazakhstan's multiethnic society. In doing so, the theoretical axiom has been used that the role of the Uyghur ethnic minority within Kazakhstan cannot fully be understood without looking at its history – just as the identity and self-perception of any other nation also obligatorily includes an account of its history. Therefore, the linguistic results of the project, which have partly been summarized above, were placed in the context of demographic, administrative, cultural and historical information about the Uyghurs of Kazakhstan, with a special emphasis on the role played by the Uyghurs of Almaty, but also with a look at the relationship between Kazakhstan's Uyghurs and the Uyghurs of Xīnjiāng.

In conclusion, the marked presence of Russian-language elements in the Modern Uyghur language varieties used in Almaty has been seen to be derived from the tremendous importance the Russian language

has had in the past cultural, including linguistic, development of the Uyghurs, especially during the Soviet period.

Incidentally, the quality of the Russian loans in the Modern Uyghur material seems to suggest that deep cultural ties between the Russian-speaking sphere and the Uyghurs not only exist on the level of the written, formal, or literary language, but also as regards the spoken, colloquial, and even vulgar layers of the vocabulary. The comparatively smaller impact of the Kazakh language on the Uyghur of Almaty can be explained with the higher social and cultural prestige that Russian has enjoyed vis-à-vis Kazakh, at least during the Soviet period.

Although the Kazakh elements in the investigated Modern Uyghur material are numerically inferior to the Russian ones, they nevertheless illustrate a growing penetration of Kazakh culture into the Uyghur community. In part, this seems to be facilitated by the traditionally very friendly and harmonious relationship between these two ethnic groups. Also, the linguistic closeness of Modern Uyghur and Kazakh to each other contributes a fair deal to this development. For although both languages are traditionally assigned to different subbranches of the Turkic language family (Modern Uyghur: Southeast or Qarluq group, Kazakh: Northwest or Qipchaq group), Modern Uyghur shares some (mostly phonological and lexical) properties with Kazakh that separate Kazakh from other Qipchaq languages such as Bashkir or Tatar.

As for the cultural background of the Kazakh lexical elements that have found their way into the Kazakhstani Modern Uyghur vocabulary of the investigated material, they for the most part belong to one of two distinct cultural spheres. One of them can be described as institutional or public life. Here, we find such words as *Məngilik El* and *oñay* (as a name of a public transport ticket system). The other can be classified as referring to traditional Kazakh culture. This includes words such as *qaliñ mal* and *qoržin*.

However, the material analyzed also contains some items of Kazakh vocabulary that do not belong to either of these two categories. These include adverbs such as *oñkey*, *tek qana*, and *žäne*, which do not betray any particular cultural background but belong to the basic grid of grammar. The adaption of such central elements of the vocabulary, for which there are both Russian and Modern Uyghur lexical equivalents, is particularly interesting because it points to the beginning of an even more thorough penetration of the Kazakh language into Kazakhstani Modern

Uyghur. In a historical perspective, this can be interpreted as a reflection of the growing importance of Kazakh, which is the state language, in Kazakhstan's public life. By implication, it also reflects successes of Kazakhstan in promoting Kazakh as a language of public use.

References

Duganova 2014. Duganova, G. N. (ed.). *Ana mäktäpkä 50 žil* [The mother school in its 50th year]. Almaty: 153-mäktäp-gimnaziya.

Fayt 2003. Fayt, Thierry: *Les Alévis. Processus identitaire, stratégies et devenir d'une communauté «chiite» en Turquie et dans l'Union européenne*. Paris, Budapest, Turin: L'Harmattan.

Heß 2013. Heß, Michael Reinhard: Facetten eines nicht fertig geschliffenen Diamanten: Baschkirische Identitätskonzeptionen nach 1991. *Orientalia Parthenopea* 13 (2013): 19-44.

Heß 2017. Heß, Michael Reinhard: Russian influence on Uyghur: new material from Almaty. In: *Materialy mezhdunarodnoj naučno-teoretičeskoj konferencii: Aktual'nye problemy filologii v XXI veke. 2-3 iunja 2017 g.* Almaty: Kazachskij nacional'nyj universitet im. al'-Farabi etc. 20.

Heß 2019. Heß, Michael Reinhard: *Uiguren in Kasachstan: Untersuchungen zu Demographie, Geschichte und Sprache*. Aachen: Shaker.

Heß 2019a. Heß, Michael Reinhard: Some Remarks on Kazakh and Russian Influence on spoken Modern Uyghur in Kazakhstan. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes* 109 (2019): 183-220.

Heß 2019b. Heß, Michael Reinhard: In schweren Tagen: Texte und Quellen zu den Uiguren Kasachstans. Wiesbaden: Harrassowitz.

Men 2014. Men, D.V.: *Ėtničeskaja identičnost' narodov Kazachstana: teoretičeskie podchody*. In: Karimova, R. U. (ed.): *Ėtničnost' i kul'tura v Central'noj Azii. Materialy respublikanskoj naučnoj konferencii, posvjaščennoj pamjati vidnogo učennogo Kommunarda Talipoviča Talipova*. Almaty: MIR. 34-41.

Nazarbayev 2013. Nazarbayev, Nursultan: *Tariyx tolıqinında* [On the waves of history]. Almaty: Atamura.

Šajkemedev 2013. Šajkemedev, Muchtarbek: *Kazachskaja identičnost'*. Almaty: Institut Filosofii, Politologii i Religiovedenija Komiteta Nauki Ministerstva Obrazovanija i Nauki Respubliki Kazachstana.

Shlapentokh 2020 [2016]. Shlapentokh, Dmitry: Kazakh History and Its Global Implications. *Insight Turkey* 18,4 (2016): 143-164. <https://www.jstor.org/stable/26300457> [accessed May 23, 2020].

White 2003. White, Paul J.: The Debate on the Identity of 'Alevi Kurds'. In: White, Paul J./ Jongerden, Joost (eds.): *Turkey's Alevi enigma. A comprehensive overview*. Leiden, Boston: Brill. 17-29.

Шайкемелев М.С.

ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ СТРУКТУРИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Предисловие

Профессор Кадыржанов Рустем Казахбаевич стоял у истоков создания отдела политологии, который был основан в 1996 году по инициативе директора Института философии НАН РК академика Нысанбаева А.Н. Возглавив созданный отдел политологии профессор Кадыржанов взял на себя ответственность за целое научное направление казахстанской общественной науки, продолжая и развивая те традиции научных исследований социально-политических процессов, которые велись в академическом Институте философии в рамках марксистской теории и методологии со дня его основания. Эти исследования получили мощный импульс в середине 80-х гг., когда в Институте был создан Центр межнациональных отношений. С того момента уже более четверти века тематика межэтнических отношений, нациестроительства, социокультурной и политической интеграции социальных и этнических групп Казахстана является главным направлением исследований отдела политологии. Именно Рустем Казахбаевич внес огромный вклад в становление и развитие как этих традиционных направлений исследований Института, так и всей казахстанской политологии в целом.

Как специалист профессор Кадыржанов известен и уважаем не только в Казахстане, но и за рубежом. Его научные идеи и работы известны и цитируемы в среде известных зарубежных политологов. Он выступал с докладами и лекциями в крупнейших центрах политической науки – ведущих университетах США, Канады, Великобритании, Германии, России, Турции, Южной Кореи. Важно отметить не только то, что он представлял нашу страну на крупнейших международных форумах, знакомя сообщество ученых с казахстанской наукой и Казахстаном, но и устанавливал рабочие контакты с зарубежными политологами, всегда стараясь исполь-

зовать этот потенциал научного взаимодействия во благо родного института, в котором он продолжает работать уже более 45 лет.

У Рустема Казахбаевича большое количество успешных учеников и мы знаем, что благодаря его авторитету в качестве соруководителей их диссертационных исследований выступают действительно ведущие специалисты в сфере мировой политической науки.

После того как мне было доверено возглавить отдел политологии нашего института и по сей день, Рустем Казахбаевич всегда рядом, готовый поддержать, дать мудрый совет. С его огромным научным и жизненным опытом он является мудрым наставником не только для молодых специалистов, но и для состоявшихся ученых. Политологи института всегда внимательно прислушиваются к его идеям, критическим замечаниям и пожеланиям. Те высокие научные стандарты, которые всегда задает профессор Кадыржанов не дают нам расслабляться, придают сил в научном поиске.

Хотелось бы отметить еще одну важную черту Рустема Казахбаевича, характеризующую его не только как ученого, но и как человека. Он всегда щедро делится своими идеями и наработками с окружающими его коллегами. А если он видит в человеке божью искру исследователя, искренний интерес к науке, то он всегда готов поддержать абсолютно бескорыстно, совершенно не считаясь со временем и энергозатратами. Настолько сильна его любовь к науке и обеспокоенность за ее будущее, что своим примером служения ей он заражает окружающих, придает им силы, давая понять нам всем, что в нашей жизни, несмотря ни на что пока еще остается место для идеализма и честного служения своей профессии.

Сегодня ученые-обществоведы особенно отчетливо понимают, что пандемия сильно ослабляет межгрупповые и внутригрупповые социальные связи в обществе. Есть в этом процессе не только негативное содержание, поскольку общественное сознание, медленно, но верно трансформируется в сторону осознания абсолютной ценности научного знания. Сегодня примером для общественного мнения и отдельных граждан все реже становятся звезды спорта и шоу-бизнеса, миллиардеры и публичные политики. Люди связывают свои надежды с врачами, педагогами и учеными. Они ждут, что

врачи защитят и спасут их от страшных недугов, педагоги через знания транслируемые нашим детям и внукам сделают мир более гуманным и ответственным, а ученые смогут объяснить эти процессы и наконец изобрести вакцину, которая позволит вернуться всем нам к прежней жизни. Но именно благодаря таким ученым как профессор Кадыржанов, мы понимаем, что мир уже точно никогда не будет прежним и наша задача как ученых исследовать и объяснить эти процессы.

Хотелось бы пожелать Рустему Казахбаевичу крепкого здоровья и активного творческого долголетия! Также, в общих чертах хотелось бы остановиться на некоторых вопросах национального строительства в Казахстане – теме, которой наш юбиляр посвятил значительную часть своего научно-исследовательского интереса, времени и творческих усилий.

Сравнительный анализ теории и практики национальной интеграции в Казахстане и зарубежных странах

Особый интерес для теории и практики национального строительства представляют работы Р.К. Кадыржанова в которых исследуется политика национальной интеграции Казахстана в сравнительном контексте мировых теорий национальной интеграции и формирования национальной идентичности (См.: [1, с. 102-124]; [2, с. 228-242]). Как указывалось выше, политика национальной интеграции и межэтнических отношений, реализуемая в казахстанской модели межэтнического единства и согласия, традиционно находится в фокусе исследований политологов ИФПР КН МОН РК (См.: [3]). В ходе анализа различных моделей нациестроительства выясняется, что все полиэтнические и поликонфессиональные государства сталкиваются с аналогичными задачами создания гомогенных ценностей, объединяющих символов и добровольных механизмов достижения социокультурной однородности общества.

Казахстанская модель межэтнического единства и согласия является теоретическим фундаментом государственной этнополитики, которая своей главной задачей видит формирование гражданской нации, и соответственно единой культуры, языка и госу-

дарственных символов, которые должны занять определяющее место в обществе, став общенациональными для всех этнических групп страны. Поэтому, чем более успешно государство в решении этих задач, тем ближе оно к формированию общенациональной идентичности.

Особый интерес представляет сравнительный анализ механизмов с помощью которых государство решает задачу формирования политико-идеологического и культурно-символического базиса на основании которого строится национальное государство. В Казахстане как известно эта задача решается на основании признания казахского языка и казахской культуры ядром вокруг которого объединяются остальные этнические группы, структурируя пространство казахстанской национальной идентичности. Особую сложность в формировании и исследовании этого процесса представляет собой межкультурная дистанция между мировоззренческими, социальными, религиозными, культурно-историческими, цивилизационными парадигмами кочевой и оседлой культур, наследниками которых являются, с одной стороны титульный этнос – казахи, а с другой стороны фактически все остальные этнические группы, составляющие треть населения Казахстана.

Другой важнейшей дилеммой нациестроительства в Казахстане является синтез этнической (этнокультурной) и гражданской идентичности, успешное решение которой становится краеугольным камнем формирования общенациональной идентичности не только в Казахстане, но и в близких нам по множеству параметров стран постсоветского пространства (Грузия, Украина, Эстония) (См.: [4]).

Не менее сложной задачей является выбор релевантной методологии этнополитологических исследований.

Методология этнополитических исследований

Как отмечают Дунаев В.Ю. и Курганская В.Д.: «Обобщая различные направления и подходы к решению вопроса о сущности этноса и этничности, можно выделить 3 основных типа учений: примордиализм, инструментализм, конструктивизм. В основание этой классификации положен такой критерий, как объективный (при-

мордиализм, субстанциализм, эссенциализм), либо субъективный (конструктивизм) источник феномена этничности. Инструментализм занимает промежуточную позицию: отказываясь от выбора между объективистскими и субъективистскими интерпретациями сущности этничности, инструментализм видит свою задачу в анализе тех функций, которые выполняют этнос и этничность в жизни человека и человеческих обществ» [5, с. 32].

Результаты социологических исследований 2019 г. по формированию национальной идентичности, проведенных социологическим агентством «BISAM» по заказу Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК отчетливо показали, что общественное сознание казахстанского населения включает в себя не только современные ценностные установки рыночного образца, но и ценности традиционалистского типа. Более того, во взглядах представителей казахоязычных регионов очень большое значение придается родственным отношениям, соблюдению обычаев, проведению ритуалов. Налицо приверженность значительной части населения, и не только казахоязычной, примордиалистскому пониманию нации как набору врожденных свойств [2, с. 245].

Тем не менее, в работах политологов ИФПР КН МОН РК, можно проследить постоянные и небезуспешные попытки в той или иной степени синтезировать данные подходы, опираясь на источники формирующие методологию исследования этничности в казахстанском этнополитическом дискурсе. С одной стороны это традиционное евразийское, эссенциальное понимание этничности и этноса как объективно существующих феноменов. С другой стороны – это конструктивистская парадигма исследования процессов национального строительства, включающая в себя преимущественно западные подходы к определению этничности. Эвристичность конструктивистского подхода, сторонником которого является профессор Кадыржанов Р.К. реализуется через включение казахстанской науки в мировой научно-теоретический дискурс [5, с. 34]; [6, с 26-49].

Наш выбор инструментального методологического подхода связан с изучением этничности в практической политике, которую осуществляет государство в лице Ассамблеи народа Казахстана.

На наш взгляд «между примордиализмом, релевантным методу самоидентификации казахской идентичности, и инструментализмом, предлагаемым нами за основу методологического подхода к анализу этничности в казахстанском контексте, нет непреодолимой пропасти [7, с. 16-17].

Дунаев и Курганская предлагают синтетический, гибридный подход основанный на синергетических понятиях открытой системы и диссипативных структур определяющих методологию моделирования процессов самоорганизации межэтнических и этнополитических сложно организованных систем [5, с. 42]. По их мнению, нелинейное моделирование межэтнических и этногосударственных отношений должно основываться на синергетической модели информационно-энергетического взаимодействия этой сферы как диссипативной системы с социальным полем как области её управляющих параметров [5, с. 43].

Построение мультимодельных комплексов позволяющее построить лишь ряд вероятно-гипотетических моделей состояния сферы межэтнических отношений представляет собой сложнейшую задачу, решение которой – как справедливо отмечают авторы, – требует разработки и реализации междисциплинарных исследовательских программ с участием социальных философов, специалистов-синергетиков и социологов [5, с. 43].

Реляционный методологический подход

Эстонские политологи предлагают свое собственное понимание феномена национальной идентичности, пытаясь также как и казахстанские политологи преодолеть односторонность методологических подходов к исследованиям национальной идентичности, раскрываемую через применение реляционного подхода, определяемого пониманием того, что: 1) национальная идентичность – это не просто субъективное чувство принадлежности к нации, а скорее социальная практика, основанная на межэтническом позиционировании в социальном пространстве национального государства; 2) национальная идентичность представляет собой не просто непосредственную связь между человеком и нацией, как предлагают сторонники объек-

тивистского подхода, но связь, основанную на различных типах отношений между субъектами этнического большинства и этнических меньшинств в поле межэтнического взаимодействия; 3) новшество реляционной модели, предложенной Р. Ветиком заключается в концептуализации и оценке национальной идентичности с точки зрения межэтнической (де)мобилизации и в дифференциации интегративных и неинтегративных типов национальной идентичности.

Пространство межэтнических отношений можно представить как асимметричное поле, где взаимодействуют этнические большинство и этнические меньшинства с их стратегиями, интересами и стремлениями. На основании позиционирования этнических групп в межэтническом пространстве, эстонские исследователи ввели понятие интегративного и неинтегративного типов национальной идентичности как среди титульного большинства – этнических эстонцев (INIEE), так и среди меньшинства (INIER) [8].

Заклучение

Таким образом, в отличие от казахстанских социологов, эстонские социологи используют анализ множественных переменных в пространстве национальной идентификации, включающий в себя социологические, социально-психологические, математические данные, синтезируемые в междисциплинарном подходе.

Исследование процесса формирования национальной идентичности в Республике Казахстан на сегодняшний день сталкивается с рядом методологических вызовов и проблем. Теоретико-методологическое отставание в виде инерции марксистской парадигмы и управленческие проблемы не позволяет интегрировать в конкретные социологические исследования междисциплинарный подход, методы математического моделирования и многие другие методологические инструменты из арсенала современной науки. Только кардинальное введение в научный оборот новейшей методологии позволит вывести на новый уровень изучение процессов структурирования национальной идентичности как процесса взаимодействия социальных и этнических групп в пространстве их социальных связей. Новейшие этнополитические исследования требуют сбалансированного подхода,

сочетающего гибридные (ситуативные) методологические парадигмы, междисциплинарный эмпирический материал преодолевающий прежний корреляционный тип анализа изолированных переменных и интегрирующий новые нетривиальные (субъективистские, инструментальные, синергетические) интерпретации.

Литература

1. Қоғамдық сананы жаңғырту міндеттері аясындағы қазақстандық бірегейлікті қалыптастыру: 1 кітап. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания: книга 1. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2018. – 474 с.

2. Қоғамдық сананы жаңғырту міндеттері аясындағы қазақстандық бірегейлікті қалыптастыру: 2 кітап. Формирование казахстанской идентичности в контексте задач модернизации общественного сознания: книга 2. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2019. – 460 с.

3. Сборники материалов конференций Научно-экспертной группы АНК г. Алматы и ИФПР КН МОН РК. – Алматы, ИФПР КН МОН РК, 2012-2020 гг.

4. См.: «Қазақстандық бірегейлікті қалыптастыру: мәселелері мен болашағы»: Халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдар жинағы. «Формирование казахстанской идентичности: проблемы и перспективы»: сборник материалов Международной научно-практической конференции. – Алматы: ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты, 2019. – 556 б.

5. Дунаев В.Ю., Курганская В.Д. Концептуально-методологические основания мониторинга этногосударственных и межэтнических отношений // Вопросы методологии казахстанской модели межэтнического единства и согласия. Материалы III городской науч.-практ. конф. Научно-экспертной группы АНК г. Алматы (10 декабря 2014 г., Дом Дружбы). – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2015. – 141 с. – с. 31-45.

6. Кадыржанов Р.К. Этнокультурный символизм и национальная идентичность Казахстана. – Алматы, ИФПР КН МОН РК, 2014. – 168 с.

7. Шайкемелев М.С. Казахская идентичность в контексте модернизации общества. Монография [Изд. 2-е. Перераб. и доп.]. – Алматы: ИФПР КН МОН РК, 2020. – 232 с.

8. Vetik R. National Identity as Interethnic (De)mobilization: A Relational Approach / Journal Ethnopolitics, Volume 18, 2019 – Issue 4, Pages 406-422. Published online: 28 May 2019. – <https://doi.org/10.1080/17449057.2019.1613065>

Шакеева Б.Р., Айтымбетов Н.Ы.

ҰЛТТЫҚ ҚҰРЫЛЫС АЯСЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАНДЫҚ БІРЕГЕЙЛІК МОДЕЛІНІҢ ҚАЛЫПТАСУЫ

*Отандық саясаттану ғылымы саласындағы ұстазымыз,
философия ғылымдарының докторы, профессор
Қадыржанов Рүстем Қазақбайұлының
70 жас мейрейтойына арнаймыз*

Қазақстандағы ұлттық құрылысты қалыптастыру үрдісінде ұлттық бірегейліктің анықталуы күрделі қарама-қайшылықтардың қатар жүруімен ерекшеленеді. Ұлттық бірегейлікті қалыптастыру мәселесі төңірегінде мемлекеттің ұстанымы бірегейліктің этностық негізде болуына сақтықпен қарап, азаматтық бірегейлік пен этностық бірегейлік арасындағы тепе-теңдікті сақтап отыруға негізделген. Бұл этностық және азаматтық ұстаным арасындағы ымырашылдық саясат Қазақстанның ұлттық саясатының негізгі бағыты болып табылады. Ішкі және сыртқы жағдайларға байланысты посткеңестік елдердегі азаматтық және этностық бірегейлік арасындағы тепе-теңдік әрқашан тұрақты емес. Оның басты себебі полиэтносты қоғамдағы этносаралық наразылықтың өсу қауіпінің басым болуымен түсіндіріледі. Сондықтан ұлттық бірегейлікті анықтаудағы этностық және азаматтық түрі арасындағы қарама-қайшылық қоғамда ұзаққа созылған «қазақ» және «қазақстандық» бірегейліктің бәсекелесіне алып келді. Сонымен қатар, бұл қарама-қарсылық қоғамда зиялы қауымдар арасында қызу пікірталасқа айналып келеді. Оған қазақ және қазақстандық бірегейліктердің өзара бәсекелесі арқылы Қазақстанның ұлттық бірегейлігінің анықталуы мен қалыптасуы туралы нақты көз жеткізуге болады.

Осы жағдайға қатысты қазақстандық саясаттанушы, шығыстанушы К.Л. Сыроежкин: «коммунистік идеологияның күйреуі, өзіндік идеологиялық вакуумның пайда болуы жағдайында қоғамдық өмірде едәуір этностық аспектінің жоғарылауының нәтижесі ретінде ұлттық құндылықтар мен идеяларға заңды түрде қайта оралу болды», – деп атап көрсетеді [1].

Қазақстанның ұлттық бірегейлігінің қалыптасуындағы этностық және азаматтық бірегейліктер қарама-қайшылығының негізгі түп тамыры мемлекеттің титулды ұлт моделінің құрылуында жатыр. Яғни, мемлекет ішіндегі негізгі ұлт және мемлекет құраушы ұлттық атымен мемлекеттіліктің қалыптасуы мен республиканың аталуы. Қазақтардың көпшілігі өздерінің ұлттық бірегейліктерін «қазақтар» ретінде анықтайды. Ал басқа ұлттар өздерін қазақ ретінде атаумен келіспейді, сондықтан олар өздерінің бірегейліктерін «қазақстандық» деп атағанды дұрыс санайды.

Дегенмен, Қазақстандағы мемлекеттік ұлттық саясаттың дамуы этносаралық келісім мен толеранттылықтың өзіндік қазақстандық моделінің қалыптасуына айналды. Қазақстанда ұлтаралық саясатты жақсартуда жоғарыда айтылған Конституцияның өзгерісі мен қабылдануы, Қазақстан халқы Ассамблеясының құрылуы (1995), «Қазақстан халқы Ассамблеясы туралы» заңның қабылдануы; Қазақстанның ұлттық бірлігі доктринасының өңделуі мен қабылдануы, қазақстандықтарды ұйыстыру мен басын біріктірудегі маңызды қадамдар болып табылады. Н.Ә. Назарбаевтың ойы бойынша доктрина саяси тұрақтылықты, бірлікті және келісімді нығайтуға бағытталған [2].

Доктрина әзірлеудегі мақсат – көпұлтты ортада ұлттық біртұтастықты қамтамасыз ету. Доктринаға сәйкес ұлттардың өз тілдерін, дәстүрін, мәдениетін дамытуға еркі мен құқын қамтамасыз ету жолға қойылды. Осы доктринаның негізгі міндеті мемлекеттің тұрақтылығы мен келісімінің іргетасын қалау, ұлттық саясатты жүзеге асырудың басты тетіктерінің бірі ретінде этностық бірегейлік емес, керісінше, азаматтық бірегейлікті дамытуға таңдау жасау болатын. Осы доктринаны дамыту мен іске асыруда басты міндет Қазақстан халқы Ассамблеясына жүктелді.

Бұл доктрина Қазақстандағы бірқатар саяси бірлестіктер, ұлт патриоттары мен жанашырлары, сондай-ақ, халықтың біраз бөлігі тарапынан бірден қарсылық тудырды. Қоғам тарапынан туындаған сын-пікірлердің басты негізі титулды ұлттың қарсылығы болды. Олар Қазақстан халқы Ассамблеясының ұлттық саясат бойынша мемлекеттік шешімге ықпалына наразылық танытты. Қарсыластардың көзқарасы бойынша бұл доктрина қазақ этностық

бірегейлігіне жағымсыз әсер етеді. Өйткені бірден бір осы аумақта мемлекет құрушы негізгі ұлттың орны республиканы мекен ететін басқа этностардың қатарына кіруі еді. Қоғамда пікірталас тудырған бұл жағдай Қазақстандағы ұлттық мәселе әлі де толық шешімін таппағанын көрсетті. Сонымен қатар қазақстандық саяси салада бұл пікірталас қазіргі күнге дейін өзектілігін жоғалтпай келе жатыр.

Осы мәселе бойынша қазақ тілін зерттеуші американдық саясаттанушы, философия ғылымдарының докторы, Индиана университетінің профессоры Уильям Фирман: «Президенттің енгізген «қазақстандық ұлт» термині Қазақстанды отаным деп санайтын, сондай-ақ, Қазақстанда бәрінен бұрын қазақ мәдениетін «басқаларға қарағанда бірінші» орынға шығаруға шақыратын кейбір қазақстандық ұлт патриоттары тарапынан жағымсыз қабылданды», – деп атап айтады [3, р. 396].

Ұлттық бағытты ұстанушы ұлт патриоттары Қазақстандағы қазақстандық ұлт тек қазақ халқы төңірегіне ғана ұйысу керек деген ұстанымды берік ұстанады. Сонымен қатар орыс тілді қауымның мүддесін жақтаушылар ұлттық құрылыс тек азаматтық тұрғыда іске асу керек деген көзқарасты жақтайды. Одан басқа, осы мәселе төңірегіндегі қарама-қайшылықтар қазақстандық саясаттанушылар мен сарапшылар арасында да қызық пікірталастың тақырыбына айналып келеді. Осылай қазіргі қазақстандық қоғамда ұлттық құрылысқа қатысты әртүрлі қарама-қайшы көзқарастардың салдарынан айтыс-тартыс жалғасын табуда. Қазақстанның саяси элитасы ұлттық бірегейліктің қалыптасуының жай-күйін талқылау мен өздерінің нұсқасын ұсынушылардың негізгі тобы саналады. Қазақстанның тәуелсіздік алған уақыттан бастап миграция үрдісінің нәтижесіндегі демографиялық өсімінде қазақтардың басымдығы ұлттық мәселеде ерекше қызығушылықтар тудырады.

РҒА Этнология және антропология институтының директоры, РҒА корреспондент мүшесі В. Тишков: «Ресейде национализм мен ұлттық құрылыс ескі ұстанымдар тұрғысынан нашар зерттелінеді. Оның себебі тек біреу, ол – мемлекет пен қоғам арасындағы қарама-қайшы және деструктивті көзқарастардың бар болуында», – дейді [4]. Жалпылама алғанда біршама посткеңестік елдерінде, соның

ішінде Қазақстанда ұлттық бірегейлік мәселесі толық шешімін таппаған. Қазақстан халқының ұлттық бірегейлік туралы анықтауға қатысты ұсыныстар көп жағдайда талқылауларға, қарама-қайшы көзқарастар мен пікірлерге ұласып жатады. Ұлттық бірегейлік мәселесі Кеңес Одағында пайда болған болса, тек өңірлік этностық деңгейде ғана көрінген, ал мемлекеттің деңгейде ешқашан көтерілген емес. Өйткені одақ барлық ұлттардан жоғары тұрды, сондықтан кеңестік кезеңде мемлекет «интернационалистік» деген түсініктің шеңберінде қарастырылды. Кеңестік және автономды республикалар этнотерриториялы ұстаныммен құрылғандықтан ұлттық мемлекеттіліктің формасы мен бейнесінде болып табылды. Осыған сәйкес бірегейлік бірінші кезекте этностық сипаты иеленді және этностық бірегейліктің негізінде «социалистік ұлттар» қалыптасты.

Дегенмен, Л.А. Фадееваның еуропалық бірегейліктің қалыптасуына арналған мақаласында: «бірегейлік әлеуметтік ғылымдарда көпше түрде, ұдайы өзгеріске ұшырайтын, әлеуметтік құрастыруға икемді, тарихи және саяси стратегияның контексінің өзгеруіне байланысты ауысып отырады», – деп қарастырады. Оның көзқарасы бойынша, «бірегейлікті зерттеудің көп қырларының бірі оны қай деңгейде және қандай негізде, қандай акторлармен құрастырылғандығында жатыр» деген қорытындыға келеді [5].

Яғни, орын алып отырған барлық ұлттық бірегейлік туралы тұжырымдар мен пікірталастардың астарында халықтар үшін белгілі бір және өмірлік маңызды сұрақтар жатыр. Талқыланатын мәселенің шешу жолдары әртүрлі болады [6, с. 131]. Алайда, ұлттық және азаматтық бірегейліктер арасындағы тепе-теңдікті сақтау бойынша Қазақстанның қазіргі кезде ұстанып отырған саясаты өте орынды, ол қысқа уақыт ішінде этносаралық келісім мен тұрақтылықтың жаңа моделіне айналып үлгерді. Бұл модель тек Қазақстанда ғана емес, сондай-ақ, ТМД кеңістігінде кеңінен танылып, халықаралық ұйымдар тарапынан мойындалды. Тәуелсіз саяси сарапшылар этносаралық келісім мен тұрақтылық дамытуға бағытталған қазақстандық моделінің ең басты жетістігін Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың қызметімен байланыстырады. Этносаралық келісім мен бейбітшілікті жүзеге асырудың ең басты тетіктерінің

бірі ретінде Қазақстан халқы Ассамблеясын айтуға болады. ҚХА елімізде өмір сүретін әртүрлі ұлттардың этномәдени орталықтарын біріктіріп, қазақстандық патриотизм мен төзімділікті тәрбиелеу бойынша келелі жұмыстар атқарып отыр.

Қандай да болмасын көпэтносты мемлекетте биліктің басты міндеті территориялық тұтастық пен тәуелсіздік сақтау болып табылатыны сөзсіз. Көптеген этнос өкілдері мекен ететін ел үшін мемлекеттің тұрақты дамуы мен өркендеуі мақсатында азаматтық жалпықазақстандық бірегейлік негізінде тұтасқан саяси ұлт құру дұрыс шешім болып табылады. Сондықтан Ұлт доктринасының қазақстандық нұсқасы Қазақстандағы барлық этностарды азаматтық негізде топтастыруды көздейді. Ол Қазақстандағы ұлттық құрылыстың басқа да посткеңестік елдерге қарағанды өзіндік ерекшелігі мен артықшылығын білдіреді. Ел ішінде жүргізіліп отырған ұлттық саясат пен этносаралық қарым-қатынастың қазақстандық моделі әлем мойындаған модельге айналды. Бұл қазақстанның болашағына этностық қарама-қайшылығы мен қақтығысы басым ел ретінде күмәнмен қараған кейбір сарапшылардың күмәнін толықтай жоққа шығарғанын айтуымыз керек.

Қазақстанда азаматтық пен құқық теңдігіне негізделген ұлттық саясатты жүргізуде басты рөл мемлекетке тиесілі. Мемлекеттің ұстанымы бәріне ортақ құндылықтарды насихаттайтын азаматтық қоғамды құру. Ал этностық элиталар қоғамға ұлтты қалыптастырудың этностық нұсқасын ұсынып келеді. Яғни, қазақстандық қоғамда ұлтты анықтауда азаматтық және этностық парадигмалар арасындағы қарама-қайшылық елдің ұлттық саясатында ұзақ уақыттар бойы өзінің өзектілігін жоғалтпайтыны бегілі болып отыр. Сондықтан елде өмір сүретін басым көпшілік этносты құрайтын қазақ халқының мүддесінен шыға отырып, осы мәселені тиімді шешу керек. Азаматтық ұлт моделі титулды ұлт саналатын қазақ халқы тарапынан ешқашан қолдауға ие болмайды. Бұл біздің қоғам үшін тиімді нәтиже бермейтін ұлттық саясат. Сондықтан ұлттық саясаттың осы сияқты халықтың жаппай қолдауына ие болмаған сұрақтарды қайта қарап, оны жетілдіру керек деп ойлаймын.

Алайда елдегі этносаралық қарым-қатынас саласында наразылықтарға алып баратын мәселелер көп жағдайда этностар арасындағы қарым-қатынастармен байланысты бола бермейді. Мәселен, көптеген қоғамдағы наразылықтардың пайда болуы жиі әлеуметтік-экономикалық сипатты иеленеді: жалақының төменгі деңгейі, тауарлар мен қызметтердің, азық-түліктің қымбатшылығы, экологияның нашарлығы, елдегі жемқорлықтың жоғарғы деңгейі және т.б. Осы сияқты мәселелердің шешілуі елдегі көптеген наразылықтардың алдын алып, қоғамдағы қарым-қатынасты жақсартатын шара ретінде айтуға болады.

Дегенмен Қазақстан тәуелсіз ел ретінде дамуы тарихында этносаралық қарым-қатынас саласында қысқа уақыттың ішінде өзінің этносаясат саласындағы таңдаған жолы мен саясатының дұрыстығымен күллі әлемге танылып үлгерді. Осы аз уақыт ішінде кейбір салалардың, әсіресе қазақстандық қоғамдағы демократияның дамуы мен әлеуметтік-саяси саладағы кейбір кемшіліктер уақыт өте келе түзеледі деген сенімдеміз. Ең бастысы елдегі тыныштық пен тұрақтылықтың сақталуы, әр түрлі деңгейдегі қақтығыстардың орын алмауы маңызды болып табылады. Ол үшін азаматтардың мемлекеттің болашағына сенуі, өздерін осы елдің болашағымен байланыстыра қарауы мен патриоттық сезімнің әрқашан мығым болуы керек. Әсіресе, әлемдік экономикалық дағдарыстың күшейіп тұрған кезінде мемлекет тарапынан азаматтардың әлеуметтік-экономикалық жағдайын жақсартуға бағытталған іс-шаралар мен реформалардың жасалуы өте тиімді саясат болып табылады. Мұндай мемлекет тарапынан шыққан қамқорлықтар мен қолдаулар халықтың арасында татулық пен ынтымақты нығайта түсетіні сөзсіз. Сондықтан ұлттық саясат саласында Қазақстан өзінің таңдаған моделін дамытып, уақыт талабына сәйкес үнемі жетілдіріп отыруы қажет деп санаймын. Елді өмір сүретін түрлі этнос өкілдері бір шаңырақ астында топтастыруға бағытталған саясат әрдайым қоғам ішінде қолдауға ие болып отыру қажет. Сонда ғана елде қалыптасқан тұтастық пен бірлік өз нәтижесін беріп, саяси-экономикалық жағдайдың тұрақты дамып отыруына мүмкіндік жасалады.

Әдебиеттер

1. Сыроежкин К.Л. Государственность и проритеты переходных обществ // Казахстан на пути к устойчивому развитию. – Алматы: Ғылым, 1996. – С. 368.
2. Назарбаев Н.А. Стратегия становления и развития Казахстана как суверенного государства // Избранные речи. – Астана: Сарыарқа, 2009. – Т. 2. – С. 61-97.
3. Fierman W. Kazakh language and its prospects for its role in Kazakh ‘Groupness’. – Ab Imperio, 2005. – P. 393-423.
4. Тишков В.О российском народе и национальной идентичности в России //valerytishkov.ru\cntnt\glavnaya\main.html?forprint=1. 02.05.2015.
5. Фадеева Л.А. Конструирование европейской идентичности: стратегии и акторы // «Идентичность как предмет политического анализа» сборник статей по итогам Всероссийской научно-теоретической конференции. – ИМЭМО РАН, 2011. – С. 111.
6. Бадмаев В.Н. Национальная идентичность России: исторический дискурс и современные вызовы // Новые технологии. – 2008. – Вып. 5. – С. 129-136.

АВТОРЫ СБОРНИКА:

Алексеевко Александр Николаевич – доктор исторических наук, профессор НАО Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск

Аубакирова Жанна Сакеновна – кандидат исторических наук, доцент НАО Восточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова, г. Усть-Каменогорск

Айдарбеков Зейнабил Смаилханович – Казахский университет международных, отношений и мировых языков им. Абылай хана г. Алматы, доктор философских наук, профессор

Алияров Есенжол Каниевич – Президент Казахстанского центра гуманитарно-политической конъюнктуры, доктор политических наук, профессор

Амребаев Айдар Молдашевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, кандидат философских наук

Айтымбетов Нуркен Ысқақұлы – ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институтының жетекші ғылыми қызметкері, PhD

Gulnash Askhat – PhD in International Relations, Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages Almaty, Kazakhstan

Байдаров Еркин Уланович – ведущий научный сотрудник Института востоковедения им. Р.Б. Сулейменова Комитета науки МОН РК, кандидат философских наук

Байсултанова Кулипа Шарипкановна – профессор КазУМОиМЯ

Волков Владислав Викторович – Dr. sc. soc., ведущий исследователь, Институт философии и социологии Латвийского университета

Галиев Анвар Абитаевич – доктор исторических наук, профессор КазУМОиМЯ им. Абылайхана, Алматы

Галлямов Рушан Рахимзянович – Региональный исследовательский центр «СоцИнформ», г. Уфа, Россия, доктор социологических наук, профессор

Дунаев Владимир Юрьевич – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, профессор

Druviete Ina – Prof. Dr. habil. philol., University of Latvia

Ешпанова Дина Далабаевна – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, кандидат философских наук

Исмагамбетов Талгат Танатарович – ведущий научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, кандидат политических наук

Кадыржанова Венера Бекеновна – старший научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, кандидат философских наук

Cynthia S. Kaplan – University of California, Santa Barbara Professor and Vice Chair, Department of Political Science

Качеев Денис Анатольевич – кандидат философских наук, доцент КРУ им. А. Байтурсынова, член научно-экспертной группы АНК по Костанайской области

Койчуманова Чолпон Урушбековна – директор Центра гуманитарных исследований в Центральной Азии НАН КР, доктор исторических наук, профессор

Kөшім Дос – Ұлт тағдыры қоғамдық бірлестіктің төрағасы

Курганская Валентина Дмитриевна – главный научный сотрудник Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук, профессор

Кушкумбаев Санат Кайрслямович – заместитель директора КИСИ, доктор политических наук

Линок Светлана Альбертовна – кандидат политических наук, доцент ВКТУ им. Д. Серикбаева, г.Усть-Каменогорск

Масалимова Алия Рымгазиевна – декан факультета Философии и политологии КазНУ им. аль-Фараби, доктор философских наук, профессор

Махмұтов Зуфар – старший научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Казань), кандидат исторических наук

Насимова Гүлнар Өрленбайқызы – Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университетінің кафедра меңгерушісі, саяси ғылымдар докторы, профессор

Нурғалиева Мадина Маратовна – Қазақстандық стратегиялық зерттеулер институтының президентінің кеңесшісі, саясаттану ғылымдарының кандидаты

Омуралиев Нурбек Ашимқанович – зав. Центром социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований Национальной Академии Наук Кыргызстана, доктор социологических наук, и.о. профессор

Parent Robert L. – Master in Political Science, independent expert, Leiden, the Netherland

Сықымбаева Дамира Әлиқызы – Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, PhD

Савин Игорь Сергеевич – ведущий научный сотрудник Научного центра «История и этнология» Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова; зав. сектором Центральной Азии Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения РАН, кандидат исторических наук

Сагитова Лилия Варисовна – ведущий научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан, кандидат исторических наук

Толипов Фарход – директор Негосударственного научного учреждения «Караван знаний» Ташкент, Узбекистан

Fierman William – Professor Emeritus, Indiana University (USA)

Heß Michael Reinhard – Justus-Liebig-Universität Gießen, Germany

Шайкемелев Мухтарбек Сейд-Алиевич – заведующий отделом политологии Института философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, доктор философских наук

Шакеева Ботакөз Рахымбекқызы – ҚР БҒМ ҒК Философия, саясаттану және дінтану институты 3 курс докторанты

Научное издание

**ҚАЗІРГІ ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ ҰЛТТЫҚ ҚҰРЫЛЫС
ЖӘНЕ ЭТНОСАЯСАТ**

**халықаралық ғылыми-практикалық
конференцияның материалдар жинағы**

**НАЦИОНАЛЬНОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
И ЭТНОПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСТАНЕ**

**сборник материалов международной
научно-практической конференции**

Дизайн и верстка *Ж. Рахметова*

Подписано в печать 16.11.2020.

Формат 170х240 ¹/₁₆

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 17,6.

Отпечатано в типографии ТОО «378»

г. Алматы, пр. Райымбека, 212/1